АГАТА КРИСТИ

ЛОЩИНА

Agatha Christie®

Лощина
Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Лощина
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30

Аннотация

Пуаро приглашен на выходные отдохнуть в поместье своей знакомой, леди Энкейтлл, носящее название «Лощина». Прибыв на место, детектив видит удивительную скульптурную композицию: доктор Кристоу живописно лежит в луже красной краски, его жена Герда стоит над ним с пистолетом, а остальные гости застыли вокруг в «немой паузе». Однако действительность не имела ничего общего с искусством: красная краска оказалась кровью, да и пистолет в руках у женщины был самым настоящим. Налицо убийство. Пуаро выясняет, что погибший при жизни вел довольно запутанную личную жизнь и все его «привязанности» в данный момент находятся в «Лощине». Все улики указывают на жену Кристоу. Но Пуаро чует: тут что-то не так…

Агата Кристи
Лощина

Agatha Christie
THE HOLLOW

© 1946 Agatha Christie Limited. All rights reserved AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Agatha Christie Roundels Copyright © 2013 Agatha Christie Limited. Used with permission http://www.agathachristie.com

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

ЛАРРИ И ДАНАЕ, с просьбой простить меня за то, что я использовала их бассейн как место преступления

Глава 1

В шесть часов тридцать минут в пятницу большие голубые глаза Люси Энкейтлл широко раскрылись навстречу новому дню, и, как всегда, сразу и окончательно проснувшись, она тут же занялась обдумыванием проблем, которые подсказывал ее необыкновенно деятельный ум. Чувствуя потребность немедленно с кем-то посоветоваться и выбрав для этой цели свою кузину Мидж Хардкасл, приехавшую к ним в «Лощину» вчера вечером, леди Энкейтлл выскользнула из-под одеяла и, набросив пеньюар на свои все еще грациозные плечи, направилась по коридору к комнате Мидж. По обыкновению, она тут же мысленно начала беседу, на ходу придумывая и ответы Мидж, поскольку обладала на редкость живым и богатым воображением. Так что когда леди Энкейтлл распахнула двери в комнату, где спала ее юная кузина, этот мысленный разговор был уже в полном разгаре.

— ...Поэтому, дорогая, ты, конечно, согласишься, что выходные обещают быть трудными.

— М-м, что такое? — невнятно пробормотала

ничего спросонья не понимающая Мидж.

Леди Энкейтлл скользнула через комнату к окну, резко откинула занавеску и, подняв жалюзи, впустила в комнату бледный свет раннего сентябрьского утра.

— Птицы, — сказала она, глядя с явным удовольствием через оконное стекло. — Какая прелесть!

— Что?

— Погода, во всяком случае, не создаст дополнительных трудностей. Похоже, она установилась. Это уже хорошо! Если бы шел дождь, столько разных людей пришлось бы загнать в дом. Согласна, дорогая, это в десять раз хуже! Можно, конечно, придумать какие-нибудь игры, но, боюсь, получится как с бедняжкой Гердой в прошлом году. Никогда себе этого не прощу! Я потом говорила Генри, что это было очень необдуманно с моей стороны… Но мы, конечно, вынуждены приглашать ее, потому что было бы оскорбительно пригласить Джона и не пригласить Герду, хотя это как раз и создает трудности… И самое печальное то, что она в общем-то славная… Право, странно, что такой милый человек, как Герда, может быть начисто лишен сообразительности. Если это имеют в виду, говоря о законе компенсации одного качества за счет другого, по-моему,

это совсем несправедливо!

— О чем ты говоришь, Люси?

— О выходных, дорогая! О гостях, которые завтра приедут. Я всю ночь думала об этом и ужасно обеспокоена. Давай все с тобой обсудим. Мне будет намного спокойнее. Ты всегда так рассудительна и практична.

— Люси! — твердо сказала Мидж. — Ты знаешь, который теперь час?

— Признаюсь, нет, дорогая. Я этого никогда не знаю.

— Четверть седьмого, между прочим.

— Да, дорогая, — в голосе леди Энкейтлл не прозвучало и нотки раскаяния.

Мидж пристально посмотрела на нее. «Нет, — подумала она, — Люси положительно невыносима! Не понимаю, и почему мы терпим ее странности?» Но едва у нее промелькнула эта мысль, Мидж уже знала ответ. Леди Энкейтлл улыбнулась, и Мидж, как всегда, почувствовала необычное ее очарование. Даже теперь, когда Люси было за шестьдесят, оно не изменило ей. Ради этого очарования столько разных людей: и иностранные представители, и высокопоставленные правительственные служащие, и государственные чиновники — стойко перено-

сили недоумение, раздражение и даже досаду, вызванные общением с ней. Ее детская восторженность и непосредственность обезоруживали и сводили на нет всякую критику в ее адрес. Стоило только Люси, широко раскрыв свои голубые глаза и протянув тонкие, хрупкие руки, прошептать: «О, мне, право, так жаль!» — как всякое недовольство мгновенно исчезало.

— Дорогая! — произнесла леди Энкейтлл. — Мне так жаль! Ты сразу должна была сказать, что еще так рано…

— Вот я и говорю… Но теперь это уже не имеет значения: я совершенно проснулась.

— Какая жалость! Но ведь ты поможешь мне, не правда ли?

— Ты о выходных? Что случилось? Почему это тебя так беспокоит?

Леди Энкейтлл легко присела на край постели. «Как она не похожа на прочих людей, — подумала Мидж. — Совершенно бестелесна… Будто фея».

Леди Энкейтлл с восхитительной беспомощностью протянула к ней трепетные белые руки.

— Самые неподходящие люди, — сказала она. — Я хочу сказать, все вместе… Каждый из них сам по себе очень мил…

— Кто должен приехать? — Крепкой загорелой

рукой Мидж отбросила со лба густые черные волосы. Уж в ней-то ничего бестелесного и феепо-добного точно не было.

— Конечно, Джон и Герда, — сказала Люси. — Само по себе это совсем неплохо. Я хочу сказать, Джон — прелесть и очень привлекателен, а бед-няжка Герда… Мы все должны быть к ней очень добры. Очень-очень добры!

— Полно! Она не так уж и дурна! — возразила Мидж, движимая неясным для нее самой чув-ством защиты.

— Разумеется, дорогая, она просто трогательна. Эти глаза! И все-таки такое ощущение, что она не понимает ни единого слова из того, что ей говорят.

— Конечно, не понимает! — воскликнула Мидж. — Во всяком случае, она не понимает, что ты говоришь… И я не виню ее в этом! Мысли у тебя, Люси, невероятно стремительны, и слова за ними не поспевают, поэтому твоя речь делает удивительные скачки, а все соединительные звенья в ней отсутствуют.

— Как обезьянки… — задумчиво произнесла леди Энкейтлл.

— Кто еще будет, кроме Герды и Джона Кри-стоу? Наверное, Генриетта?

Лицо леди Энкейтлл посветлело.

— Да… вот на кого я могу положиться. Понимаешь, Генриетта по-настоящему добра, не только внешне. Она, конечно, поможет с бедняжкой Гердой. В прошлом году она была просто великолепна! Мы тогда играли в лимерик[1] или в слова, а может быть, в цитаты… что-то в этом роде, не помню точно, и все уже написали и начали зачитывать написанное вслух, и вдруг выясняется, что бедняжка Герда и не начинала писать! Она даже не поняла, в чем заключалась игра. Мидж, это было ужасно!

— Ума не приложу, почему люди все-таки приезжают к вам в гости, — сказала Мидж. — Заумные разговоры, мудреные игры да еще к тому же твоя странная манера говорить!

— Ты права, дорогая, с нами, наверное, очень трудно… А для Герды просто, должно быть, невыносимо. Я часто думаю, если бы у нее хватило смелости, она бы оставалась дома… Но она все-таки приезжает, и вид у нее совершенно растерянный и какой-то жалкий, бедняжка. Джон в тот раз был ужасно раздражителен, а я просто ничего не могла придумать, как бы все сгладить… И

[1] Сноски: 1

Лимерик — очень популярная в Англии разновидность шутливо-абсурдного стихотворения, состоящего обычно из пяти строк.

тогда Генриетта — я ей так благодарна! — начала расспрашивать Герду о свитере, который был на ней. Нечто ужасное… какая-то дешевка унылого салатного цвета. Герда сразу оживилась, оказалось, она сама его и связала, и когда Генриетта попросила у нее фасон, Герда была невероятно горда и счастлива. Генриетта всегда делает то, что нужно. Это своего рода талант!

— Она действительно умеет помочь! — задумчиво сказала Мидж.

— И она знает, что надо сказать.

— О, тут дело не только в словах, — заметила Мидж. — Знаешь, Люси, ведь Генриетта на самом деле связала такой же свитер.

— О господи! — Леди Энкейтлл казалась озадаченной. — И она носила его?

— Да. Генриетта всегда все доводит до конца.

— Наверное, это было ужасно?

— Нет, на ней этот фасон смотрелся очень хорошо.

— Что ж, я не удивляюсь. В этом разница между Генриеттой и Гердой. Все, что делает Генриетта, она делает хорошо, и все у нее получается. Я думаю, Мидж, если кто и поможет пережить эти два дня, так это Генриетта. Она будет мила с Гердой, позабавит Генри, поддержит в хорошем настрое-

нии Джона и, я уверена, поможет с Дэвидом…

— Дэвидом Энкейтллом?

— Да. Он только что из Оксфорда… или из Кембриджа[2]. Такой трудный возраст, особенно для юношей мыслящих (Дэвид действительно умен!). Хорошо бы, однако, они попридержали свой интеллект при себе, пока немного не повзрослеют, а то только и умеют, что краснеть от злости и грызть ногти. Да еще эти прыщи, и так смешно у некоторых выступает кадык… Эти юнцы или вообще молчат как рыбы, или, наоборот, спорят со всеми до хрипоты. Я очень надеюсь на Генриетту! Она удивительно тактична и задает только нужные вопросы. К тому же она скульптор, и все относятся к ней с уважением. А лепит не каких-то там зверюшек или детские головки. У нее очень современные вещи, вроде той странной штуковины из металла и штукатурки, которую она выставляла в прошлом сезоне. Что-то напоминающее стремянку, как у Хита Робинсона[3], которая называлась «Восходящая мысль»… или

---

[2] Сноски: 2

Кембридж — один из крупнейших и старейших университетов в Англии, основан в XII веке.

[3] Сноски: 3

Так говорят о нелепых по сложности устройства машинах и механизмах. По имени журналиста У. Хита Робинсона (1872–1944).

что-то в этом роде. Как раз то, что могло бы произвести впечатление на Дэвида. Хотя, по-моему, это просто чушь.

— Дорогая Люси, что ты говоришь!

— Безусловно, некоторые ее вещи очень милы. Например, «Плачущая девушка».

— Генриетта, по-моему, отмечена гениальностью, к тому же она очень хороша собой и прекрасный человек, — сказала Мидж.

Леди Энкейтлл встала и снова скользнула к окну. Она рассеянно играла портьерными шнурами.

— Интересно, почему именно желуди? — прошептала она.

— Какие желуди?

— Желуди на шнурах, придерживающих портьеры… или, например, ананасы на столбах ворот… Я хочу сказать, должен же быть в этом какой-то смысл. Ведь можно было бы сделать шишку или грушу, но почему-то всегда желуди. Мне всегда это казалось странным.

— Не перескакивай на другое, Люси! Ты пришла поговорить о предстоящих выходных, а я так и не поняла, что же тебя волнует. Если ты воздержишься от интеллектуальных игр и попытаешься не вести заумных разговоров с Гердой, а

Генриетте поручишь приручить Дэвида… В чем тогда трудности?

— Видишь ли, дорогая, будет Эдвард.

— О, Эдвард! — Мидж минуту помолчала. — Люси, с какой стати ты пригласила Эдварда?

— Я его не приглашала, Мидж. В том-то и дело! Он сам напросился. Телеграфировал, можем ли мы его принять. Ты ведь знаешь Эдварда… Если бы я ответила «нет», наверное, он никогда больше не осмелился бы просить разрешения приехать.

Мидж задумчиво кивнула. «Да, — подумала она, — Эдвард действительно такой». На секунду она ярко представила себе его лицо, такое дорогое, такое бесконечно любимое. В нем было что-то от очарования Люси… но более мягкое, застенчивое, чуть ироничное.

— Милый Эдвард, — произнесла Люси, словно отозвавшись на мысли, бродившие в голове Мидж. — Ах, если бы Генриетта решилась наконец-то выйти за него замуж, — продолжала нетерпеливо Люси. — Она его любит, я знаю. Если бы им удалось провести хоть одни выходные без Джона Кристоу. Джон Кристоу очень неблагоприятно действует на Эдварда. Когда они вместе, Джон становится еще больше самим собой, еще лучше, а Эдвард делается еще меньше

похожим на самого себя. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Мидж снова кивнула.

— Я не могла отказать в этот раз Кристоу, ведь их приезд был давно решен, но чувствую, Мидж, что все это будет очень сложно: Дэвид, с досадой грызущий ногти; Герда, которую надо чем-то занять; Джон, такой положительный, и наш милый Эдвард, который рядом с ним почему-то всегда тушуется.

— Да, ингредиенты пудинга не очень многообещающие, — пробормотала Мидж.

Люси ответила ей улыбкой.

— Иногда, впрочем, — заметила она задумчиво, — все складывается само собой. Я пригласила к воскресному ленчу специалиста по преступлениям.

— Преступлениям?

— Голова как яйцо, — продолжала леди Энкейтлл. — Он расследовал какое-то убийство в Багдаде, когда Генри был там верховным комиссаром. А может быть, после этого… Мы пригласили его тогда на ленч; был еще кое-кто из чиновников. Помню, он явился в белом парусиновом костюме с розовым цветком в петлице и черных лаковых ботинках. Я плохо помню, в чем там было дело,

потому что меня совершенно не интересовало, кто кого убил. Я хочу сказать, если человек мертв, как-то уже не имеет значения почему, и, по-моему, глупо поднимать вокруг этого столько шума.

— У вас здесь случилось какое-то преступление, Люси?

— О нет, дорогая. Просто он недалеко живет — в одном из этих новых нелепых коттеджей. Ну, знаешь — низкие балки, о которые постоянно стукаешься головой, очень хорошая канализация и никудышный сад. Но лондонцам нравится. Другой коттедж, кажется, занимает актриса. Они живут наездами — не постоянно, как мы. И все-таки, — леди Энкейтлл задумчиво прошла через комнату, — наверное, это их устраивает. Мидж, дорогая, ты так помогла мне, так мило с твоей стороны.

— Мне не кажется, что от меня было много пользы.

— Ты так думаешь? — Люси Энкейтлл казалась удивленной. — Ну а теперь иди хорошенько выспись и не торопись к завтраку, а когда встанешь, можешь грубить, сколько тебе захочется.

— Грубить? — удивилась Мидж. — Почему? О, понимаю! — Она засмеялась. — Ты необыкновенно проницательна, Люси! Пожалуй, я ловлю

тебя на слове.

Леди Энкейтлл улыбнулась и вышла. Проходя по коридору, она увидела в открытую дверь газовую горелку и чайник, и ее тотчас осенила идея. Все любят утренний чай, это она знала… а Мидж теперь к завтраку не добудишься. Она сама приготовит чашку чаю для Мидж. Леди Энкейтлл поставила чайник на газ и проследовала дальше. Немного задержавшись возле комнаты мужа, она повернула ручку двери, но сэр Генри, этот способный администратор, хорошо знал свою жену. Он чрезвычайно любил ее, но он также любил спокойный, ничем не прерываемый утренний сон. Дверь была заперта.

Леди Энкейтлл вошла в свою комнату. Ей очень хотелось посоветоваться с Генри, но это можно сделать и позднее. Она постояла минутку-другую у открытого окна, зевнула, снова улеглась в постель и через две минуты уже спала как дитя.

Чайник на газовой горелке давным-давно закипел…

— Мистер Гаджен, — обратилась горничная Симмонс к дворецкому, — еще один чайник распаялся.

Гаджен покачал седой головой. Он взял из рук горничной прогоревший чайник и, войдя в бу-

фетную, достал с полки новый — у него было в запасе полдюжины чайников.

— Пожалуйста, мисс Симмонс, ее сиятельство и не заметит.

— Часто с ней такое случается? — спросила горничная.

Гаджен вздохнул.

— Видите ли, мисс Симмонс, — сказал он, — ее сиятельство очень забывчива, но очень добра. И я, как могу, стараюсь избавить ее сиятельство от всех забот и неприятностей.

Глава 2

Генриетта Сэвернейк скатала небольшой комок глины и, прикрепив его к арматуре, пригладила рукой. Быстрыми, ловкими движениями она лепила голову позировавшей девушки, чей тонкий, слегка вульгарный голос звенел не умолкая. Впрочем, Генриетта слушала вполуха.

— …И я считаю, мисс Сэвернейк, что была абсолютно права! «Так вот как вы собираетесь поступить! — сказала я, потому что я думаю, мисс Сэвернейк, я должна была за себя постоять… — Я не привыкла, — сказала я, — выслушивать подобные вещи. Могу только сказать, что у вас грязное воображение!» Конечно, кому нравятся конфликты и всякие неприятности! Но ведь я была права, верно, мисс Сэвернейк?

— О, разумеется! — сказала Генриетта с таким жаром, что всякий бы понял, что она почти не слушала.

— «И если ваша жена говорит такие вещи, — сказала я, — ну что ж, я тут ничего не могу поделать!» Не знаю, почему так получается, мисс Сэвернейк, но везде, где я появляюсь, возникают

неприятности, хотя я уверена, что тут нет моей вины. Я хочу сказать, мужчины такие влюбчивые, правда? — Девушка кокетливо хихикнула.

— Да, ужасно, — сказала Генриетта. Глаза ее были полуприкрыты.

«Восхитительно! — думала она. — Как прекрасны эти впадинки у века и чуть сбоку. А вот подбородок не получился — неверный угол… Нужно делать заново. Не так-то просто!»

— Вам, наверное, было очень трудно, — сказала она вслух. Голос звучал тепло, сочувственно.

— Я считаю, ревность ужасно несправедливая штука, мисс Сэвернейк, и глупая, вы меня понимаете? Это, собственно говоря, просто зависть, потому что кто-то красивее и моложе.

Генриетта была увлечена исправлением и ответила рассеянно: «Да, конечно».

Она давно уже научилась отключаться, перекрывать сознание, как водонепроницаемый отсек. Она могла играть в бридж, поддерживать разговор, написать деловое письмо, не отвлекаясь при этом от своих мыслей. Сейчас она была полностью поглощена тем, как под ее пальцами

возникала голова Навсикаи[4], и поток злобной болтовни, изливавшийся из этих красивых детских губ, почти не касался ее сознания. Она без труда поддерживала разговор, так как привыкла к тому, что, позируя, люди хотят разговаривать. Не профессиональные натурщики, а те, кто не привык к позированию и вынужденное бездействие восполняют болтливой откровенностью. Вот и сейчас какая-то часть ее существа слушала и отвечала, а другая, истинная Генриетта невольно отмечала: «Вульгарная, гаденькая и злая девчонка… но глаза… прекрасные, дивные… дивные… глаза…» Пока она занята глазами, пусть девушка говорит. Она попросит ее замолчать, когда нужно будет заняться ртом. Просто удивительно, что из такого чудесного, превосходно очерченного рта извергается столько злобы.

«О проклятье! — подумала вдруг сердито Генриетта. — Я испортила надбровные дуги! Что за чертовщина! Я слишком утяжелила кость… она узенькая, а не широкая…»

Генриетта отошла на шаг, насупилась, переводя взгляд со своего творения на оригинал, сидящий

[4] Сноски: 4

Навсикая — в поэме Гомера «Одиссея» прекрасная дочь царя феакийцев Алкиноя, которая нашла на берегу моря потерпевшего кораблекрушение Одиссея и помогла ему вернуться на родину, в Итаку.

на подиуме[5].

Дорис Сэндерс между тем продолжала:

— «Помилуйте, — сказала я, — не понимаю, почему ваш муж не может преподнести мне, если хочет, подарок? И разве это дает вам право оскорблять меня». Это был такой красивый браслет, мисс Сэвернейк, в самом деле очень, очень миленький… Пожалуй, бедняга вряд ли мог позволить себе подарить подобную вещь, но с его стороны это было так мило, и, уж конечно, возвращать подарок я не собиралась!

— Нет, конечно, — пробормотала Генриетта.

— Не то чтоб между нами что-нибудь было… что-нибудь неприличное, я хочу сказать, ничего такого между нами не было.

— Нет, — произнесла Генриетта, — конечно, нет.

Она больше не хмурилась и следующие полчаса работала как одержимая. Она измазала глиной лоб, волосы, по которым нетерпеливо проводила рукой, взгляд стал отсутствующим и напряженным. Вот оно… ей, кажется, удалось… Через несколько часов она сможет избавиться от этой муки… от этого изводившего ее наваждения.

---

[5] Сноски: 5

Подиум *(лат.)* — возвышение, платформа в студии, на эстраде, стадионе и т. п.

Навсикая… Этот образ преследовал ее. Она просыпалась с мыслью о Навсикае, завтракала, выходила на улицу, бродила в нервном возбуждении по городу, не в состоянии думать о чем-либо другом. Перед ее внутренним взором неизменно стояло прекрасное лицо Навсикаи с невидящим взглядом… смутный его абрис. Генриетта встречалась с натурщицами, присматривалась к лицам греческого типа и чувствовала себя глубоко неудовлетворенной.

Нужно было найти… найти то, что даст толчок… вызовет к жизни ее собственное видение. Она вышагивала по улицам десятки километров, она падала с ног от изнеможения и в то же время была счастлива… А неуемное желание увидеть подгоняло ее.

У нее самой появился отсутствующий, неподвижный взгляд, как у слепой. Она не замечала окружающего, только напряженно вглядывалась, ища желанное лицо… Она чувствовала себя совершенно разбитой, больной, несчастной…

И вдруг глаза ее опять вспыхнули — в автобусе (в который села по рассеянности, так как ей было абсолютно безразлично, куда ехать) она увидела… увидела — да, Навсикаю!

Небольшое детское личико, полураскрытые

губы… и глаза… прекрасные, странно пустые, словно невидящие глаза… Девушка нажала кнопку и вышла из автобуса. Генриетта вышла вслед за ней.

Теперь она была спокойна и деловита: она нашла то, что искала. Мучительные беспорядочные поиски закончились.

— Извините, пожалуйста, я профессиональный скульптор, и, откровенно говоря, ваша голова — как раз то, что я искала.

Генриетта была дружелюбна, очаровательна, неотразима, какой умела быть всегда, если чего-нибудь хотела добиться.

Дорис Сэндерс, напротив, держалась подозрительно, была испугана и в то же время польщена.

— Я, право, не знаю… Ну разве что только голова. Конечно, я никогда раньше этим не занималась.

Соответственно ситуации — сначала нерешительность, колебания, затем деликатный вопрос о финансовой стороне дела.

— Разумеется! Я настаиваю, чтобы вы приняли соответствующую профессиональную оплату.

И вот теперь «Навсикая», сидя на подиуме в мастерской, радовалась тому, что ее привле-

кательное лицо будет увековечено, хотя ей не очень-то нравились работы Генриетты, которые она видела в студии. Она с наслаждением изливала душу новой знакомой, чьи симпатия и внимание не вызывали сомнения.

На столе возле нее лежали очки. Она призналась Генриетте, что почти их не носит, из тщеславия предпочитая ходить почти ощупью, так как настолько близорука, что видит не дальше ярда[6] перед собой.

Генриетта понимающе кивнула. Теперь она поняла причину странно пустого и завораживающего взгляда девушки.

Время шло. Наконец Генриетта отложила в сторону инструменты, с облегчением расправила плечи.

— Ну вот, — сказала она, — я кончила. Надеюсь, вы не очень устали?

— О нет, благодарю вас, мисс Сэвернейк. Это было очень интересно! Правда. Вы хотите сказать, что все закончили? Так быстро?

Генриетта засмеялась.

— Нет, конечно, не все! Мне еще много придется над ней поработать. Но вы свободны. Я получила

---

[6] Сноски: 6
Ярд — мера длины, равная 91,44 см.

то, что хотела… нашла основу для дальнейшей работы.

Девушка медленно спустилась с подиума. Она надела очки, и доверчивая невинность и необычное очарование сразу же исчезли. Теперь это было просто заурядное смазливое личико.

Она подошла ближе и, остановившись возле Генриетты, посмотрела на ее работу.

— О-о! — произнесла она с сомнением и разочарованием в голосе. — Это не очень-то похоже на меня, верно?

Генриетта улыбнулась:

— Нет, конечно! Это не портрет.

Пожалуй, вообще никакого сходства не было. Может быть, в разрезе глаз… линии скул… То, что казалось Генриетте существенным в ее представлении о Навсикае. Это была не Дорис Сэндерс, а слепая девушка, о которой поэт мог бы сложить стихи. Губы полураскрыты, как у Дорис, но это не ее губы. Заговори она, это были бы слова другого языка, и мысли ее не были бы мыслями Дорис. Ни одна из черт лица не выделялась четко. Это была Навсикая, не увиденная наяву, а порожденная воображением.

— Ну что ж, — сказала с сомнением мисс Сэндерс, — может быть, станет лучше, если вы еще

поработаете… Я вам правда больше не нужна?

— Нет, благодарю вас! — сказала Генриетта. «И слава богу, что не нужна!» — добавила она мысленно. — Вы были великолепны. Я очень благодарна.

Генриетта ловко отделалась от Дорис и приготовила себе черный кофе. Она устала… ужасно устала, но была счастлива и спокойна. «Слава богу, — подумала она, — я опять смогу стать нормальным человеком».

И сразу все ее мысли устремились к Джону… Джон! Тепло прилило к щекам, сердце дрогнуло, и сразу стало легко на душе. «Завтра, — подумала она, — завтра я поеду в «Лощину» и увижу Джона».

Генриетта сидела не двигаясь, откинувшись на спинку дивана, потягивая горячий крепкий кофе. Она выпила три чашки и почувствовала, как силы возвращаются к ней. Как чудесно, думала она, снова чувствовать себя нормальным человеком, а не какой-то одержимой… Как прекрасно, когда тебя не гонит куда-то некая неведомая сила. Можно больше не бродить по улицам в бесконечных поисках, ощущая себя такой раздраженной и несчастной, ибо не знаешь толком, что тебе нужно. Теперь, слава богу, осталась только тяжелая

работа. Ну а работать-то она умеет!

Она поставила пустую чашку и, поднявшись с дивана, вернулась к Навсикае. Генриетта стояла, пристально вглядываясь; между бровей пролегла морщинка.

Нет, не то… не совсем то… Что же, в сущности, неверно?

Невидящие глаза… Слепые глаза, более прекрасные, чем любые глаза зрячих. Слепые глаза, которые разрывают вам сердце, потому что не видят… Удалось ей передать это или нет?

Да, удалось, но было еще что-то. Что-то, возникшее случайно, помимо ее воли… Смоделировано все правильно. Да, конечно. Откуда же взялся этот легкий, едва уловимый налет… заурядного злобного умишка?

Она ведь и не слушала вовсе! Не вслушивалась по-настоящему. И все-таки каким-то образом духовное убожество модели передалось глине. И она уже не сможет, знает, что не сможет ничего переделать…

Генриетта резко отвернулась. Может, ей показалось. Конечно, показалось! Завтра все будет иначе. «Как уязвим человек!» — подумала она с отчаянием. Хмурясь, она прошла в конец студии и остановилась перед своей скульптурой «По-

клонение».

Тут все в порядке! Прекрасный экземпляр грушевого дерева, хорошо выдержанного. Несколько лет она хранила и берегла его. Генриетта критически осмотрела скульптуру. Да, это хорошо! Никаких сомнений. Это лучшее, что она создала за последние годы. Готовила для выставки международной группы. Да, это стоящая вещь!

Все здесь удалось: смирение, покорность… напряженные мышцы шеи, поникшие плечи, слегка приподнятое лицо… лицо, лишенное выразительных, характерных черт, потому что поклонение убивает индивидуальность… Да, подчинение, обожание, восторженное поклонение, переходящее в идолопоклонство.

Генриетта вздохнула. Если бы только Джон так тогда не рассердился! Его гнев поразил Генриетту, открыл ей нечто такое в Джоне, о чем он, вероятно, даже сам не подозревал. «Ты это не выставишь!» — сказал он решительно. «Выставлю!» — твердо ответила она…

Генриетта медленно вернулась к Навсикае. Ничего такого, все вполне исправимо. Сбрызнув скульптуру водой, она обернула ее мокрой тканью. Пусть постоит до понедельника или вторника. Теперь спешить незачем. Горячка про-

шла. Все, что было необходимо, она наметила. Теперь только терпение. Впереди у нее три счастливых дня с Люси, и Генри, и Мидж, и Джоном! Она зевнула, потянулась, как кошка, с наслаждением вытягивая до предела каждый мускул, и вдруг почувствовала, до какой степени устала.

Приняв горячую ванну, Генриетта легла в постель и стала смотреть на звезды, видневшиеся сквозь верхнее окно студии. От звезд взгляд ее скользнул к единственной лампочке, которую она не выключала. Эта маленькая лампочка освещала стеклянную маску, одну из ранних ее работ. Довольно наивная вещица, как ей казалось теперь, в традиционном стиле. «Как хорошо, что человеку свойственно перерастать себя», — подумала она.

А теперь спать! Крепкий черный кофе, который она выпила, не нарушит сна, если она сама того не пожелает. Генриетта уже давно приучила себя настраиваться на определенный ритм, который помогал уснуть. Нужно позволить мыслям свободно скользить, легко, словно сквозь пальцы, проходить в сознание и, не концентрируя на какой-то из них внимания, разрешать им свободно и легко проплывать мимо…

На улице взревел автомобильный мотор…

откуда-то донеслись громкие голоса и грубый смех. Все эти звуки включились в общий поток мыслей…

«Автомобиль, — проплыла мысль, — это рычащий тигр, желтый и черный — полосатый, как пестрые листья — листья и тени — в жарких джунглях — потом вниз, к реке — широкая тропическая река, — к морю — отплывающий пароход — громкие голоса, выкрикивающие прощальные слова — Джон рядом с ней на палубе — она и Джон — синее море — обеденный салон — она улыбается ему через стол — как на обеде в «Мэзон Дорэ» — бедный Джон, как он рассердился! — и опять под открытым небом — ночной воздух и автомобиль, послушный управлению… без всякого усилия, мягко и легко скользящий прочь из Лондона — через Шавл-Даун — деревья — поклонение дереву — «Лощина» — Люси — Джон — болезнь Риджуэя — милый Джон…» Наконец погружение в бессознательно-счастливое, блаженное состояние…

И вдруг резким диссонансом врывается какое-то чувство вины, которое тянет ее назад. Она должна была что-то сделать… Уклонилась от чего-то… Навсикая?

Медленно, нехотя Генриетта поднялась с по-

стели. Она зажгла свет и, подойдя к глиняной головке, сняла с нее мокрую ткань. У нее перехватило дыхание. Навсикая? Нет!.. Дорис Сэндерс!

Внезапная острая боль прошла по всему телу. Мысленно она еще пыталась убедить себя: «Я смогу исправить… все можно исправить…»

— Дуреха, — сказала она вслух. — Ты отлично знаешь, что нужно сделать! И если не сделать этого сейчас, сию минуту, завтра уже не хватит смелости… Все равно что уничтожить живое существо, свою плоть и кровь. Это больно… да, больно…

«Наверное, — подумала Генриетта, — так чувствует себя кошка, когда у одного из котят что-то не так и его приходится придушить».

Короткий резкий вздох, и она стала быстро отдирать глину от арматуры и, схватив большой тяжелый ком, швырнула его в таз.

Генриетта, тяжело дыша, глядела на испачканные глиной руки, все еще испытывая щемящую тоску и боль. Затем, медленно очистив с рук глину, вернулась в постель со странным ощущением пустоты и в то же время покоя.

«Навсикая больше не появится, — с грустью подумала Генриетта. — Она родилась, но ее осквернили, и она умерла».

Странно, как слова могут помимо нашей воли проникнуть в сознание! Она ведь не слушала, не вслушивалась… И все-таки вульгарная, злобная и ничтожная болтовня Дорис просочилась в сознание Генриетты и подчинила себе движение ее рук.

И вот теперь то, что было Навсикаей… Дорис… стало опять простой глиной, из которой спустя какое-то время будет создано нечто совсем другое.

«Может быть, это и есть смерть? — подумалось ей. — Возможно, то, что мы называем индивидуальностью, всего лишь отражение чьей-то мысли? Чьей? Бога?»

В этом заключалась идея «Пер Гюнта»[7], не так ли? Назад, к первозданной глине! А где же я? Истинный человек, личность? Где я сама, с божьей печатью на челе?

Интересно, Джона посещают подобные мысли? Он выглядел таким усталым, потерявшим веру в себя. Болезнь Риджуэя… Ни в одной книге не говорится о том, кто такой этот Риджуэй. «Глупо! — подумала она. — Мне следовало бы знать… Болезнь Риджуэя… Джон…»

---

[7] Сноски: 7

«Пер Гюнт» — драма норвежского поэта и драматурга Хенрика Ибсена (1828–1906).

Глава 3

Джон Кристоу принимал в своем кабинете пациентку, предпоследнюю в это утро. Она описывала симптомы, объясняла, входила в подробности. Полные сочувствия глаза доктора смотрели ободряюще. Время от времени он понимающе кивал головой. Задавал вопросы, давал советы. Легкий румянец покрыл лицо бедной женщины. Доктор Кристоу просто чудо! Такой внимательный, заботливый… Поговоришь с ним — и сразу чувствуешь себя лучше!

Джон Кристоу пододвинул листок бумаги и начал писать. «Пожалуй, лучше прописать ей слабительное», — подумал он. Новое американское средство, в красивой целлофановой упаковке. Таблетки в привлекательной, необычной ярко-розовой оболочке. К тому же лекарство очень дорогое, и его трудно достать. Оно есть не в каждой аптеке, и ей, вероятно, придется пойти в маленькую аптечку на Уордор-стрит[8]. А это ей на пользу! Подбодрит и поддержит месяц-другой, а

[8] Сноски: 8

Уордор-стрит — улица в Лондоне, ранее известная антикварными магазинами.

потом надо будет придумать еще что-нибудь. Ничего существенного он не может для нее сделать: слабый организм — и ничего тут не поделаешь! Не за что уцепиться. Не то что мамаша Крэбтри!

Какое тяжкое, нудное утро! Прибыльное, конечно, но… и только. Господи, как он устал! Устал от больных женщин с их недугами. Что он может?! Принести временное облегчение, уменьшить боль, и все. Иногда он задумывался, стоит ли это хлопот. Но всегда в таких случаях ему вспоминалась больница Святого Христофора, длинный ряд коек в палате Маргарет Рассел и мамаша Крэбтри, улыбавшаяся ему своей беззубой улыбкой.

Он и мамаша Крэбтри отлично понимают друг друга! Она настоящий боец, не то что женщина на соседней койке, этот безвольный слизняк. Мамаша Крэбтри с ним заодно, она хочет жить! Хотя только Господь Бог знает, почему ей этого хочется, если вспомнить трущобы, в которых она живет с пьяницей мужем и выводком непослушных детей. Сама она изо дня в день моет полы в бесконечных конторах. Беспрестанный тяжелый труд и так мало радости… И все-таки она хотела жить и радовалась жизни, как и он, Джон Кристоу, умел ей радоваться! Для них обоих были важны не обстоятельства жизни, а сама жизнь,

жажда существования. Странно… необъяснимо! «Надо будет поговорить об этом с Генриеттой», — подумал он про себя.

Он проводил пациентку до двери, дружески, подбадривающе пожал ей руку. В голосе его звучали поддержка и сочувствие. Женщина ушла успокоенная, почти счастливая. Доктор Кристоу так внимателен!

Джон забыл о ней сразу же, как только закрылась дверь. По правде говоря, он едва ли замечал ее присутствие, даже когда она была в кабинете. И все же, хотя он действовал почти механически, он не мог не отдать ей часть своих душевных сил, ведь он был целителем. И теперь вдруг почувствовал, как много затратил энергии.

«Господи, — снова подумал он, — как же я устал».

Еще одна пациентка, а потом — выходные. Он с удовольствием задержался на этой мысли. Золотые листья, подкрашенные алым и коричневым; мягкий влажный запах осени… дорога в лесу… лесные костры. Люси — неповторимое, прелестное создание с парадоксальным ускользающим и неуловимым умом. Он готов быть вечным гостем Генри и Люси. А «Лощина» — самое восхитительное имение в Англии! В воскресенье он

отправится в лес на прогулку с Генриеттой. Вверх на гребень холмов и вдоль гряды. Он забудет про всех больных на свете. «Слава богу, Генриетта никогда не болеет!» И вдруг озорно улыбнулся: «Уж она точно никогда не обратилась бы ко мне!»

Еще одна пациентка. Нужно нажать кнопку вызова на столе. И все-таки, непонятно почему, он медлил, хотя уже и так опаздывал. Ленч готов. Герда и дети ждут его в столовой наверху. Он должен закончить прием.

Джон, однако, продолжал сидеть не двигаясь. Он устал, очень устал. В последнее время эта усталость нарастала, и он становился все более раздражительным. Джон и сам это видел, но сдерживаться не мог. «Бедняга Герда, — подумал он. — Ей немало приходится терпеть...» Ох уж эта ее покорность, готовность всегда безропотно с ним соглашаться, хотя в половине случаев не прав был он. Бывали дни, когда его раздражало буквально все: каждое слово, каждый ее шаг. «И чаще всего, — подумал он с унынием, — меня раздражало то, что она была права». Терпение Герды, бескорыстие, полное подчинение и желание ему угодить — все вызывало в нем протест. Ее никогда не возмущали его вспышки гнева, она никогда не пыталась настоять на своем или сде-

лать что-нибудь по-своему. «Ну что ж, — подумал он, — поэтому ты и женился на ней, не так ли? На что ты жалуешься?»

Странно, но те качества, которые так раздражали его в Герде, он очень бы хотел видеть в Генриетте! Его раздражает в Генриетте… Нет, это не то слово, Генриетта вызывает в нем не раздражение, а гнев. Джона возмущала непоколебимая правдивость Генриетты во всем, что касалось его самого, хотя это было так не похоже на ее отношение ко всему остальному миру. Однажды он сказал ей:

— Я думаю, ты величайшая лгунья, каких я когда-либо встречал!

— Возможно!

— Ты готова наплести человеку все, что угодно, только бы доставить ему радость.

— Мне кажется это важным.

— Важнее, чем сказать правду?

— Намного.

— Так почему же, ради всего святого, ты не можешь хоть разок солгать мне?

— Ты этого хочешь?

— Да!

— Прости, Джон, но я не могу.

— Ты ведь почти всегда знаешь, что бы я хотел

от тебя услышать.

Полно, он не должен думать сейчас о Генриетте. Сегодня вечером он ее увидит. А сейчас надо скорее покончить с делами! Позвонить и отделаться наконец от этой последней пациентки, черт бы ее побрал! Еще одно болезненное создание. На одну десятую настоящих болезней девять десятых чистейшей ипохондрии! А впрочем, почему бы ей и не поболеть, если она готова заплатить? Этот контингент создает некое равновесие с такими, как миссис Крэбтри.

Однако он продолжал сидеть неподвижно. Он устал… очень устал. Эта усталость… такая давняя. Ему чего-то хотелось, страшно хотелось… И вдруг мелькнула мысль: «Я хочу домой».

Вот это да! Откуда такие мыслишки? Что значит домой?! У него ведь никогда не было дома. Родители жили в Индии; он вырос в Англии у дядюшек и тетушек, которые перекидывали его от праздника до праздника из одного дома в другой. Пожалуй, здесь, на Харли-стрит[9], — его первый постоянный дом.

Воспринимал ли он свое нынешнее жилище как дом? Он покачал головой. Конечно, нет! Как

---

[9] Сноски: 9

Харли-стрит — улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов.

врачу, ему страстно хотелось понять смысл этого необычного желания с точки зрения медицины. Что же он все-таки имел в виду? Что означала эта промелькнувшая внезапно мысль?

«Я хочу домой…» Должно же быть что-то, какой-то образ… Он прикрыл глаза. Должны быть какие-то истоки.

Внезапно перед ним возникла яркая синева Средиземного моря, пальмы, кактусы, опунции[10]. Он даже почувствовал запах раскаленной летней пыли и освежающую прохладу воды после долгого лежания на прогретом солнцем песке… Сан-Мигель![11]

Джон был удивлен и немного встревожен. Он давно не вспоминал о Сан-Мигеле и, уж конечно, не хотел бы туда вернуться! Все это принадлежало прошлому.

Было это двенадцать… четырнадцать… пятнадцать лет назад. И поступил он тогда правильно! Решение его было абсолютно верным. Конечно, Веронику он любил безумно, но из этого все равно

---

[10] Сноски: 10

Опунция — растущее в жарких странах растение из семейства кактусов, цветущее желтыми, красными или пурпурными цветами.

[11] Сноски: 11

Сан-Мигель — город в Сальвадоре, на Панамериканском шоссе, административный центр департамента Сан-Мигель. Основан в 1530 году.

ничего бы не вышло. Вероника проглотила бы его живьем. Она законченная эгоистка и никогда этого не скрывала. Всегда хватала все, что хотела, но его ей не удалось захватить. Он сумел спастись. Пожалуй, с общепринятой точки зрения, он плохо поступил по отношению к Веронике. Попросту говоря, он ее бросил! Дело в том, что он сам хотел строить свою жизнь, а этого как раз Вероника и не разрешила бы ему сделать. Она намеревалась жить, как ей нравится, да еще иметь Джона в придачу.

Вероника была поражена, когда он отказался ехать с ней в Голливуд.

— Если ты в самом деле хочешь стать доктором, — сказала она надменно, — ты можешь, я думаю, получить степень и в Америке, хотя в этом нет никакой необходимости. Средств у тебя достаточно, а я… у меня будет куча денег!

— Но я люблю медицину. Я буду работать с Рэдли! — В его голосе, юном, полном энтузиазма, звучало благоговение.

Вероника презрительно фыркнула.

— С этим смешным старикашкой, пожелтевшим от табака?

— Этот смешной старикашка, — рассердился Джон, — проделал замечательное исследование

болезни Прэтта!

— Кому нужна болезнь Прэтта?! — перебила его Вероника. — В Калифорнии очаровательный климат, и вообще — посмотрим мир! Это же так интересно! Но без тебя все будет совсем не то! Ты должен быть со мной, Джон. Ты мне нужен!

И тогда он сделал, с точки зрения Вероники, совершенно нелепое предложение: пусть она откажется от Голливуда, выйдет за него замуж и останется с ним в Лондоне.

Веронику это просто позабавило, но не поколебало: она поедет в Голливуд, она любит Джона, Джон должен жениться на ней, и они поедут вместе. В своей красоте и могуществе Вероника не сомневалась.

Джон понял, что у него есть только один путь: он написал ей письмо и разорвал помолвку. Он страшно переживал, но не сомневался в мудрости своего решения. Вернувшись в Лондон, он начал работать с Рэдли и через год женился на Герде, которая была полной противоположностью Веронике!

…Дверь открылась, и вошла его секретарь Берил Кольер.

— У вас еще одна пациентка. Миссис Форрестер.

— Знаю! — сказал он отрывисто.

— Я подумала, может, вы забыли.

Она пересекла комнатку и вышла в другую дверь. Некрасивая девушка эта Берил, но чертовски деловитая. Работает у него уже шесть лет. Никогда не ошибается, не спешит и не суетится. У Берил черные волосы, несвежий цвет лица и решительный подбородок. Чистые серые глаза Берил взирают на него и на всю остальную вселенную с бесстрастным вниманием — через стекла сильных очков.

Джон хотел иметь некрасивую секретаршу, без всяких причуд, и он ее получил, хотя иногда, вопреки всякой логике, чувствовал себя обойденным. Если верить всем романам и пьесам, Берил должна была быть беззаветно предана своему работодателю, однако он знал, что особым расположением с ее стороны не пользуется. Ни преданности, ни самопожертвования… Берил определенно смотрела на него как на обычное грешное человеческое создание. Иногда ему казалось, что она его просто недолюбливает.

Как-то раз Джон услышал, как Берил говорила своей приятельнице по телефону: «Нет, я не думаю, что он намного эгоистичнее, чем был. Пожалуй, более невнимателен к другим и

неосмотрителен».

Он знал, что она говорила о нем, и чувство досады не покидало его целые сутки. И хотя безоговорочное восхищение Герды раздражало его, хладнокровная оценка Берил сердила не меньше. «В сущности, — подумал он, — меня раздражает почти все».

Тут что-то не так. Переутомление? Возможно. Нет, это лишь оправдание. Нарастающее нетерпение, раздражительность, усталость — все это имеет более глубокие причины. «Никуда не годится! — думал он. — Что со мной? Если бы я мог уйти…»

Опять эта неясная мысль, устремившаяся навстречу другой, уже определившейся: «Я хочу домой…»

Черт побери, 404, Харли-стрит и есть его дом!

Миссис Форрестер все еще сидит в приемной. Назойливая женщина! Женщина, у которой слишком много денег и столько же свободного времени, чтобы думать о своих болезнях.

Однажды кто-то сказал ему: «Вам, наверное, надоели богатые пациентки, вечно воображающие себя больными. Очевидно, испытываешь удовольствие, сталкиваясь с беднотой, которая обращается к врачу, когда что-то в самом деле

неладно». Он даже усмехнулся! Чего только не болтают о бедноте! Видели бы они старую миссис Пэрсток, которая каждую неделю собирает лекарства из пяти разных клиник: бутылки с микстурами, мазь для растирания спины, таблетки от кашля, слабительное, пилюли для улучшения пищеварения! «Доктор, я четырнадцать лет пила коричневое лекарство. Только оно мне и помогает. А на прошлой неделе молодой доктор прописал мне белое лекарство. Оно никуда не годится! Это же понятно, верно? Я хочу сказать, доктор, коричневое лекарство я пью четырнадцать лет, а если у меня нет жидкого парафина и коричневых таблеток…»

Даже сейчас он ясно слышит этот визгливый голос… Отличнейшее здоровье! Ей не могли повредить даже все лекарства, которые она поглощала.

А вообще-то они похожи, сестры по духу — миссис Пэрсток из Тоттнема[12] и миссис Форрестер из Парк-Лейн-Корт[13]. Выслушиваешь их, потом

---

[12] Сноски: 12

Тоттнем — исторический район Лондона, населенный преимущественно беднотой.

[13] Сноски: 13

Парк-Лейн-Корт — улица в Лондоне, в Уэст-Энде, известная своими фешенебельными гостиницами и особняками.

царапаешь пером на листке плотной дорогой бумаги или на больничном бланке, как уж придется… Господи, как он устал от всего этого!

…Синее море, слабый сладковатый запах мимозы, горячий песок. Пятнадцать лет! Со всем этим давным-давно покончено. Да, слава богу, покончено! У него хватило мужества порвать… «Мужества? — хихикнул откуда-то изнутри маленький бесенок. — Ты это так называешь?»

Но ведь он поступил разумно, не так ли? Это было ужасно. Черт побери, это были адские мучения! Но он прошел через все это, вернулся в Лондон и женился на Герде. Взял на работу некрасивую секретаршу, а в жены — некрасивую женщину. Красотой он был сыт по горло! Видел, что может сделать с человеком красивая женщина, подобная Веронике, какой эффект производит она на всякого оказавшегося рядом мужчину. После Вероники Джону хотелось покоя, преданности, размеренной, упорядоченной жизни. Короче говоря, ему нужна была именно Герда! Он хотел, чтобы рядом был человек, который соответствовал его представлениям о жизни, кто безропотно выполнял бы его прихоти и не смел бы иметь собственных мыслей. Кто же это сказал? Настоящая трагедия — это когда у тебя

есть все, чего ты желал.

Джон сердито нажал на кнопку вызова.

От миссис Форрестер он отделался через пятнадцать минут. Опять это были легкие деньги. Он снова выслушивал, расспрашивал, подбадривал, выражал сочувствие, отдавая часть своей целительной энергии. Снова выписывал рецепт на дорогое лекарство.

Болезненная, неврастеничная женщина, еле волочившая ноги, вышла из кабинета более твердым шагом, с румянцем на щеках и с ощущением, что жить все-таки стоит.

Джон Кристоу откинулся на спинку кресла. Теперь он свободен! Вот теперь он может подняться наверх, к Герде и детям, и не думать о болезнях и страданиях… Забыть об этом на все выходные!

И все-таки он чувствовал странное нежелание двигаться, непривычную потерю воли. Он устал… устал… устал…

Глава 4

Герда Кристоу сидела в столовой, уставившись на блюдо с бараньей ногой. Отослать мясо на кухню разогреть или не стоит? Если Джон еще задержится, мясо остынет, затвердеет и станет просто отвратительным. Но, с другой стороны, последняя пациентка уже ушла, Джон может появиться в любую минуту, и, если она отошлет мясо разогревать, ленч задержится, а Джон так нетерпелив… «Ты ведь знала, что я уже иду…» В его голосе будет подавленное раздражение, которое она так хорошо знает и которого так боится. Да и мясо пережарится и высохнет. Джон терпеть не может пережаренное мясо. Правда, остывшее мясо он тоже не любит. Во всяком случае, пока жаркое еще горячее и выглядит аппетитно.

Мысли Герды метались от одного к другому, и чувство неуверенности и беспокойства росло. Весь мир съежился в комок, собравшись вокруг бараньей ноги, медленно остывавшей на блюде.

На другом конце стола двенадцатилетний Тэренс вдруг сказал:

— Борная кислота горит зеленым пламенем, а

сода — желтым.

Герда рассеянно посмотрела через стол на веснушчатое открытое лицо сына. Она понятия не имела, о чем он говорит.

— Ты это знала, мама?

— Что, дорогой?

— Про соли.

Взгляд Герды скользнул к солонке. Да, соль и перец были на столе. Тут все в порядке. На прошлой неделе Льюис забыла их поставить, и это вывело Джона из себя. Вечно что-нибудь не так.

— Это химический опыт, — мечтательно произнес Тэренс. — По-моему, страшно интересно!

Девятилетняя Зина с хорошеньким, но пустым личиком захныкала:

— Я хочу есть. Когда мы начнем есть?

— Мы могли бы начать, — сказал Тэренс. — Он не будет против! Ты же знаешь, как быстро он ест.

Герда покачала головой. Нарезать баранину? Но она никак не запомнит, откуда нужно начинать резать. Конечно, может быть, Льюис положила мясо на блюдо правильно… но иногда она ошибается. А Джона раздражает, если мясо нарезано не так, как надо. Герда подумала с отчаянием, что у нее самой всегда все получается не так, как надо.

О господи! Подливка совсем остыла. Уже покрылась пленкой… Нужно все-таки отправить мясо на кухню… но Джон, может быть, уже идет. Он уже должен был прийти. Мысли Герды метались, как зверь в клетке.

Сидя в приемном кабинете, Джон постукивал рукой по столу, прекрасно сознавая, что ленч в столовой наверху уже, вероятно, готов, но тем не менее не мог заставить себя подняться.

Сан-Мигель… синее море… аромат мимозы, алые цветы на фоне зеленых листьев… жаркое солнце… песок… отчаяние любви и страдания…

— О господи! — взмолился он. — Только не это! Никогда! С этим покончено!

Лучше б я никогда не знал Веронику, никогда не женился на Герде, никогда не встретил Генриетту! Мамаша Крэбтри одна стоит их всех!

Неприятности начались на прошлой неделе, во второй половине дня. До тех пор Джон был очень доволен ее реакцией на лекарство. Миссис Крэбтри уже выдерживала дозу в пять тысячных. И вдруг появилось тревожное повышение интоксикации[14], и реакция DL вместо положительной оказалась отрицательной.

---

[14] Сноски: 14

Интоксикация — отравление организма ядовитыми веществами.

Старушка лежала посиневшая, тяжело дыша, и смотрела на него злыми проницательными глазами.

— Делаете из меня морскую свинку, голубчик? Эксперимент? Так, что ли?

— Мы хотим вас вылечить, — сказал он, улыбнувшись.

— Опять за свои штучки! — Она вдруг ухмыльнулась. — Да я ведь не против, бла'ослови вас 'осподь! Действуйте, доктор! Кто-нибудь же должен быть первым, верно? Так я 'оворю? Как-то, еще девчонкой, я сделала перманент. То'да это было в новинку. Стала как не'р, волосы — 'ребешком не продрать. А все равно здорово! Потешилась вволю… Так что, доктор, можете потешиться за мой счет! Я выдержу!

— Что, очень плохо? — Пальцы Джона нащупывали ее пульс. Жизненная энергия передалась от него задыхающейся старой женщине на больничной койке.

— Очень! Что-то вышло не так, да? Ну ничего, не падайте ду'ом, доктор! Я потерплю! Правда потерплю!

— Вы молодчина! — с одобрением сказал Джон. — Если б все мои пациенты были такие.

— Я 'очу поправиться! Вот так-то! 'очу выздоро-

веть! Моя мать дожила до восьмидесяти восьми, а бабке было девяносто, ко'да она отправилась на тот свет. Мы живучие! В нашем роду все живучие!

Джон ушел тогда из больницы расстроенный, подавленный сомнениями и неизвестностью. Он так был уверен в правильности избранного пути! Где, в чем он ошибся? Как уменьшить интоксикацию, поддержать удовлетворительный объем гормонов и в то же время нейтрализовать пантратин?.. Слишком он был самоуверен. Не сомневался в том, что ему удалось обойти все препятствия.

Как раз тогда на ступеньках больницы Святого Христофора на него вдруг нахлынула отчаянная усталость, отвращение к бесконечной, повседневной, изнуряющей работе в больнице, и он вспомнил о Генриетте. Подумал вдруг не о ней самой, а о ее красоте, свежести, здоровье и удивительной энергии. Ему припомнился даже чуть слышный аромат примул от ее волос.

Сообщив домой, что его срочно вызывают, Джон отправился прямо к Генриетте. Войдя в студию, он сразу же ее обнял с такой страстью, какой не было раньше в их отношениях. В ее глазах мелькнуло внезапное удивление, отстранившись, она

освободилась из его рук и пошла приготовить ему кофе. Двигаясь по студии, Генриетта забрасывала его отрывистыми вопросами.

— Ты пришел, — спросила она, — прямо из больницы?

Говорить о больнице Джону не хотелось. Хотелось любить Генриетту, забыть и больницу, и мамашу Крэбтри, и болезнь Риджуэя, и вообще все на свете. Он отвечал на ее вопросы сперва неохотно, потом, увлекшись, все живее и заинтересованнее. И вот он уже шагал взад-вперед по студии, изливая потоки профессиональных объяснений и предположений. Иногда он останавливался, стремясь упростить то, что говорил.

— Понимаешь, нужно получить реакцию…

— Да-да, — быстро сказала Генриетта. — DL-реакция должна быть положительной. Я понимаю. Продолжай!

— Откуда ты знаешь об этой реакции? — спросил он резко.

— У меня есть книга…

— Какая книга? Чья?

Генриетта показала на небольшой книжный столик. Джон презрительно фыркнул.

— Скобел? Он никуда не годится! Он в корне ошибается. Послушай, если ты хочешь почи-

тать…

Она прервала его:

— Я хочу только знать некоторые термины, которые ты употребляешь. Достаточно для того, чтобы понимать, что ты говоришь, и не заставлять тебя всякий раз останавливаться и объяснять. Продолжай. Я слушаю.

— Ну что ж, — произнес он с сомнением. — Запомни только, что Скобел не годится.

Джон продолжал говорить. Он говорил два с половиной часа. Разбирал ошибки, анализировал возможности, характеризовал приемлемые теории. Он почти не замечал присутствия Генриетты. Но всякий раз, когда он запинался, сообразительность Генриетты, ее быстрый ум подсказывали выход, предвидя новый шаг в рассуждениях, иногда опережая его самого. Теперь Джон был увлечен по-настоящему; постепенно к нему вернулась вера в себя. Он был прав; основное направление верно; существует немало путей борьбы с интоксикацией.

Внезапно он почувствовал сильную усталость. Теперь ему все ясно, он вернется к своим рассуждениям завтра утром. Позвонит Нилу и скажет ему, чтобы соединил оба раствора и снова попробовал. Да, надо попробовать. Господи! Он не

намерен сдаваться!

— Я устал, — отрывисто бросил Джон. — Боже мой, как я устал…

Он упал на диван и заснул как мертвый.

Проснувшись утром, Джон увидел Генриетту, которая улыбалась ему, готовя чай, вся в утреннем свете, и он тоже улыбнулся.

— Совсем не так, как было задумано, — сказал он.

— Разве это имеет значение?

— Нет. Нет! Ты прекрасный человек, Генриетта. — Взгляд Джона скользнул по книжной полке. — Если тебя все это интересует, я дам тебе нужную литературу.

— Все это меня не интересует. Меня интересуешь ты, Джон!

— Ты не должна читать Скобела. — Джон взял в руки злополучную книгу. — Он просто шарлатан!

Генриетта рассмеялась. Джон не мог понять, почему его критическая оценка Скобела так развеселила ее. Это не раз удивляло его в Генриетте. Внезапное открытие, что Генриетта может смеяться над ним, приводило его в замешательство. Он просто не привык к этому. Герда всегда принимала его на полном серьезе. Вероника… Вероника

никогда не думала ни о ком, кроме себя самой, а у Генриетты была привычка, откинув голову назад, смотреть на него из-под полуприкрытых век с неожиданно нежной, слегка насмешливой улыбкой, словно говоря: «Дайте-ка посмотреть хорошенько на это странное существо по имени Джон. Отойду-ка я подальше и рассмотрю его хорошенько!»

«Почти так же, прищурив глаза, она смотрела на свою работу, — думал он, — или на картину». Это была, черт побери, отстраненность, независимость. А этого Джону не хотелось! Он хотел, чтоб Генриетта думала только о нем, чтоб ее мысли никогда не отрывались, не ускользали от него. «В общем, как раз то, что ты терпеть не можешь в Герде!» — снова хихикнул бесенок.

По правде говоря, Джон был абсолютно непоследователен. Он сам не знал, чего хочет.

«Я хочу домой». Какая абсурдная, совершенно нелепая фраза! В ней нет никакого смысла.

Через час-другой он будет уже далеко от Лондона. Подальше от больных с их специфическим кисловатым, дурным запахом… Будет вдыхать аромат сосен, дымок лесного костра, запах влажных осенних листьев. Даже само движение машины успокаивает… постепенное, без всякого

усилия нарастание скорости.

«Нет, все будет совсем не так!» — вдруг подумал он, вспомнив, что немного растянул запястье и не сможет вести машину. Значит, за рулем будет Герда, а Герда — помоги ей господи! — так и не научилась водить автомобиль. Каждый раз, когда она меняет скорость, он сидит, плотно сжав зубы, стараясь не произнести ни слова, зная на горьком опыте, что, если он хоть что-нибудь скажет, будет еще хуже. Странно, никто не был в состоянии научить Герду переключать скорость… даже Генриетта. Зная свою раздражительность, Джон попросил Генриетту помочь, надеясь, что она лучше справится с этой задачей.

Генриетта любит автомобиль! Она говорит о нем так, как другие говорят о весне или первых подснежниках.

«Посмотри, Джон, какой красавец! Он прямо-таки мурлычет. — Для Генриетты все автомашины — существа мужского рода. — Он одолеет Бейл-Хилл на третьей скорости без всяких усилий! Послушай только, как равномерно урчит мотор».

И так до тех пор, пока Джон не взрывался внезапно и яростно: «Тебе не кажется, Генриетта, что ты могла бы уделить мне немного внимания и

хоть на минуту забыть эту чертову машину!»

Он сам всегда стыдился этих вспышек, которые сваливались на него совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба.

То же самое и с ее работами. Джон понимал, что ее скульптуры хороши. Восхищался ими и… ненавидел одновременно.

Из-за этого произошла однажды ужасная ссора.

Как-то Герда сказала:

— Генриетта просила меня позировать.

— Что?! — Если подумать, его удивление по этому поводу было не очень-то лестным. — Тебя?!

— Да, завтра я иду в студию.

— С какой стати ты ей понадобилась?

Пожалуй, он был не очень вежлив. К счастью, Герда этого не поняла. Она была польщена приглашением. Джон заподозрил, что это очередная демонстрация притворной, как он полагал, доброты Генриетты. Может, Герда намекнула, что хотела бы позировать… Что-нибудь в таком роде.

Дней через десять Герда с гордостью показала ему маленькую гипсовую статуэтку. Это была хорошенькая вещица, великолепно, с мастерством выполненная, как все, что делала Генриетта. Она идеализировала Герду, но Герде статуэтка явно понравилась.

— По-моему, Джон, это очаровательно!

— И это работа Генриетты?! Но ведь это ничто… абсолютное ничтожество. Не понимаю, как ей пришло в голову сделать такое!

— Конечно, это не похоже на абстрактные работы Генриетты, но, по-моему, очень хорошо, Джон, в самом деле хорошо!

Он ничего больше не сказал. В конце концов, зачем портить Герде все удовольствие. Но при первом удобном случае он буквально набросился на Генриетту:

— Зачем ты сделала эту глупую статуэтку? Она недостойна тебя! Ты обычно делаешь стоящие вещи.

— Не думаю, что это плохо, — медленно сказала Генриетта. — Мне кажется, Герда была довольна.

— Герда в восторге. Еще бы! Она не в состоянии отличить настоящего произведения искусства от раскрашенной фотографии.

— Это не дешевка, Джон. Просто портретная статуэтка, безобидная и без всяких претензий.

— Обычно ты не тратишь времени на творения такого рода…

Вдруг он запнулся от удивления, увидев деревянную фигуру высотой около пяти футов.

— Хэлло, что это?

— Для международной группы. Грушевое дерево. «Поклонение».

Генриетта наблюдала за ним. Джон пристально вглядывался в статую. Вдруг шея его налилась кровью, и он с яростью накинулся на Генриетту:

— Так вот для чего тебе понадобилась Герда! Да как ты смеешь?!

— Мне было интересно, заметишь ли ты…

— Замечу? Конечно! Вот здесь. — Он положил пальцы на широкие тяжелые мышцы шеи.

Генриетта кивнула.

— Да, это как раз то, что я хотела: шея и плечи… И этот глубокий, тяжелый наклон вперед — покорность, подчинение… Замечательно!

— Замечательно?! Послушай, Генриетта, я этого не допущу! Оставь Герду в покое!

— Герда никогда не узнает себя в этой фигуре. Да и никто другой не узнает. И вообще, это совсем не Герда. Не какой-то определенный человек. Это никто.

— Но ведь я же узнал!

— Джон, ты — совсем другое дело! Ты… ты чувствуешь суть вещей!

— Нет, это уж чересчур. Я не могу позволить, Генриетта! И не позволю! Неужели ты не понимаешь, что это непростительно!

— Ты так думаешь?

— Разве ты сама не видишь? Не чувствуешь? Где же твоя обычная чуткость?

— Ты не понимаешь, Джон, — проговорила она. — Боюсь, я никогда не смогу заставить тебя понять. Ты не понимаешь, что значит хотеть чего-то… видеть изо дня в день эту линию шеи, мускулы, наклон головы, тяжелую челюсть… Я смотрела, мне так хотелось… каждый раз, когда видела Герду. В конце концов, я просто должна была сделать.

— Бессовестно!

— Да, пожалуй, так! Но это потребность, от нее не уйти!

— Значит, ты ни в грош не ставишь чувства других. Тебе безразлична Герда…

— Не говори глупостей, Джон. Я сделала статуэтку, чтобы доставить ей удовольствие. Мне хотелось ее порадовать. Я не бесчувственная.

— Именно бесчувственная!

— Ты в самом деле думаешь… Только честно! Ты думаешь, Герда узнает себя?

Джон неохотно посмотрел на скульптуру. Теперь чувства обиды и негодования отступили, подчиняясь любопытству. Странная, смиренная фигура женщины, предлагающей свое покло-

нение невидимому божеству. Поднятое вверх лицо. Невидящее, немое, преданное… Пугающе сильное, фанатичное чувство!

— Это вселяет ужас…

Она вздрогнула.

— Да, я тоже так думаю.

— На что она смотрит? Кто это… там, перед ней?

Генриетта заколебалась.

— Я не знаю, — сказала она. Что-то странное было в ее голосе. — Но мне кажется… она смотрит на тебя, Джон.

Глава 5

Между тем в столовой Тэренс высказал еще одну научную истину:

— Соли свинца лучше растворяются в холодной воде, чем в горячей.

Он выжидательно, хоть и без особой надежды взглянул на мать. Родители, по мнению Тэренса, — это сплошное разочарование.

— Мама, ты это знаешь?

— Я ничего не понимаю в химии, дорогой.

— Обо всем можно прочитать в книгах.

Это была простая констатация факта, но в ней определенно слышалась грусть.

Герда ничего не заметила. Она была в ловушке собственных тревог и забот, бесконечного кружения мыслей. Уже с утра, проснувшись, она почувствовала себя несчастной, как только поняла, что выходные у Энкейтллов, которых она ждала с таким страхом, все-таки наступили. Визит в «Лощину» всегда был для нее кошмаром. Там она неизменно чувствовала себя одинокой и совершенно сбитой с толку. Больше всего Герда боялась Люси Энкейтлл с ее странной манерой

никогда не кончать фразы, стремительностью и непоследовательностью, с ее очевидным старанием быть милой и доброй. Но и остальные были не лучше. Два дня в «Лощине» были для Герды сплошным мучением, которое она терпела только ради Джона.

Этим утром Джон, потянувшись, сказал с видимым удовольствием: «Подумай только, проведем два дня за городом! Для тебя, Герда, это очень полезно. Как раз то, что нужно».

Машинально улыбнувшись, Герда отозвалась с самоотверженной стойкостью: «Это будет восхитительно!» Тоскливым взглядом она обвела спальню — кремовые полосатые обои с черным пятнышком около платяного шкафа; туалетный столик красного дерева с зеркалом, которое слишком сильно накренилось вперед; веселенький ярко-синий ковер; акварельные пейзажи Озерного края…[15] Милые, знакомые предметы. Она не увидит их до понедельника.

Вместо этого завтра в чужой спальне накрахмаленная горничная поставит у кровати маленький

---

[15] Сноски: 15

Озерный край — живописный район гор и озер на территории ряда графств северо-западной Англии, в 1951 году ставший национальным парком; был воспет многими поэтами, и в частности, в XIX веке поэтами «озерной школы»: У. Вордсвортом (1770–1850), К. Колриджем (1772–1834) и Р. Саути (1774–1843).

изящный поднос с чашкой чаю, поднимет жалюзи, начнет перекладывать одежду Герды, а это всегда страшно ее смущает… Она молча будет терпеть все это, чувствуя себя совершенно несчастной и стараясь успокоить себя: «Еще только одно утро…» Как в школьные годы, когда считала дни до праздников.

В школе Герда тоже не была счастлива. Она чувствовала себя там еще более неуверенно, чем где бы то ни было. Дома было лучше, хотя даже дома было не очень хорошо. Потому что, конечно, все были быстрее, сообразительнее, умнее, чем она. Замечания — нетерпеливые, резкие, не то чтоб очень обидные — свистели как градины над головой: «О-о, пошевеливайся, Герда!», «Растяпа, все у тебя из рук валится, дай я сама сделаю», «Не давайте Герде, она провозится целую вечность», «Герде ничего нельзя поручить…».

Неужели они все не видели, что от таких слов она делается еще медлительнее и бестолковее? Все хуже и хуже, нерасторопнее и несообразительнее. Все чаще смотрела, не понимая, если ее о чем-нибудь спрашивали. Пока наконец не нашла выход. Нашла, можно сказать, в общем-то случайно.

Она стала еще медлительнее, недоуменный

взгляд сделался еще более пустым и отсутствующим. Но теперь, когда ей говорили с нетерпением: «Господи, Герда, какая ты несообразительная! Неужели ты не можешь понять?!» — она была довольна: за отсутствующим, непонимающим взглядом она скрывала свою истинную суть — она вовсе не была так глупа, как все думали. Нередко она просто притворялась непонимающей и, выполняя какую-нибудь работу, нарочито медлила и улыбалась про себя, когда чьи-либо нетерпеливые пальцы выхватывали эту работу у нее из рук.

Чувство своего превосходства согревало и восхищало. Довольно часто ее даже забавляло тайное сознание, что она не так глупа, как все думают. Да она вполне справилась бы сама, но предпочитала это скрывать.

Это внезапное открытие имело свое преимущество. Оказалось, всегда найдется, кому выполнить твою работу за тебя, а это, разумеется, спасает от многих неприятностей. Ну, если за тебя делают работу другие, если тебе не придется выполнять ее самой, то никто и не узнает, что ты не смогла бы хорошо справиться с порученным тебе делом. Так что начинаешь понимать, что ты не такая уж глупышка и не хуже остальных.

Герда, однако, опасалась, что подобные уловки будут бесполезными в «Лощине». Энкейтллы всегда разговаривали так, что человек чувствовал себя не в своей тарелке. Как Герда их ненавидела! Но Джон… Джону там нравилось. Он возвращался домой не таким утомленным и даже иногда менее раздражительным.

«Милый Джон, — подумала она. — Он просто чудесный! Все так считают. Прекрасный доктор, очень внимательный и добрый к больным. Джон трудится, не щадя своих сил. А как он выкладывается в больнице! Можно сказать, почти бесплатно. Джон так бескорыстен и так благороден».

Она всегда знала, что Джон талантлив и добьется самого высокого положения. И такой человек выбрал именно ее! Хотя мог бы сделать более блестящую партию. Не посмотрел на то, что она нерасторопна, порядком бестолкова и не очень хороша собой. «Ни о чем не беспокойся, Герда, я позабочусь о тебе!» — сказал он твердо, как и подобает настоящему мужчине. И Джон — подумать только! — выбрал именно ее!

Джон сразу сказал, посмотрев на нее с неожиданной и очень привлекательной улыбкой: «Знаешь, Герда, я люблю, чтобы все было по-мо-

ему».

Ну что ж! Пусть будет так. Она всегда старалась во всем уступать ему. Даже в последнее время, когда он стал таким нервным и раздражительным. И все не по нем… Все, что она ни делает, все плохо. Но он не виноват. Он так много работает и так бескорыстен…

О господи, эта баранина! Все-таки надо было отослать ее на кухню. А Джона все нет… Почему она вечно попадает впросак? На нее снова нахлынули темные волны беспокойства и неуверенности. Баранина! Эти ужасные выходные в «Лощине»! Острая боль пронзила виски. О господи, теперь опять приступ головной боли, а это постоянно раздражает Джона. Он никогда не дает ей никаких лекарств, хотя ему, как доктору, это было бы совсем нетрудно. Джон всегда говорит: «Не думай о головной боли. Нечего отравлять себя лекарствами. Энергичная прогулка на свежем воздухе — все, что тебе нужно!»

Баранина! Уставясь на блюдо с мясом, Герда чувствовала, как слова, повторяясь, стучат в висках: «Баранина, баранина, баранина!» Слезы выступили у нее на глазах… «Ну почему, почему у меня никогда ничего не получается как надо!»

Тэренс через стол посмотрел на мать, затем пе-

ревел взгляд на блюдо с бараньей ногой. «Почему мы не можем поесть? — подумал он. — До чего глупы эти взрослые! У них нет ни капли здравого смысла!»

Вслух он осторожно произнес:

— Мы с Николсом Майнером будем делать нитроглицерин[16] во дворе их дома, в Стретэме.

— В самом деле, дорогой? Это очень хорошо!

…Еще есть время. Если она сейчас позвонит и распорядится отнести мясо на кухню…

Тэренс посмотрел на мать с некоторым любопытством. Инстинктивно он понимал, что изготовление нитроглицерина вряд ли относится к роду занятий, поощряемых родителями. С ловким расчетом он выбрал такой момент для сообщения о своем намерении, когда был более или менее уверен, что у него есть шанс выйти сухим из воды. И его расчеты оправдались. Если в случае чего поднимется шум, иными словами, если свойства нитроглицерина проявятся слишком явно, он всегда сможет обиженно сказать: «Я ведь говорил маме». И все-таки он чувствовал себя слегка разочарованным. «Даже мама, — по-

[16] Сноски: 16

Нитроглицерин — взрывчатое вещество, представляющее собой бесцветную сладковатую маслянистую жидкость без запаха, в малых дозах применяется в медицине.

думал он, — должна была бы знать, что такое нитроглицерин».

Тэренс вздохнул, остро почувствовав одиночество, свойственное этому возрасту. Отец слишком нетерпелив, чтобы выслушать, мать — слишком невнимательна, а Зина — всего лишь глупая девчонка. Сотни страниц интереснейших химических опытов, и никому до этого нет дела… Никому!

Бах! Герда вздрогнула. Внизу, в приемной Джона, хлопнула дверь. Он быстро взбежал по лестнице и ворвался в комнату, внеся с собой атмосферу кипучей энергии. Джон был в хорошем настроении, голоден, нетерпелив.

— Господи! — воскликнул он, усаживаясь за стол и взяв в руки нож. — Как я ненавижу больных!

— О Джон, — с легким укором отозвалась Герда, — не говори так. Они подумают, что ты серьезно…

Герда кивнула в сторону детей.

— Я в самом деле так думаю, — возразил Джон. — Никто не должен болеть!

— Отец шутит, — быстро сказала Герда сыну.

Тэренс посмотрел на отца со своим обычным хладнокровным вниманием, с каким рассматри-

вал все вокруг.

— Я не думаю, что он шутит, — произнес он наконец.

— Если бы ты ненавидел больных, дорогой, ты не был бы доктором, — сказала Герда, засмеявшись.

— Вот именно! — воскликнул Джон. — Ни один доктор не любит болезней. Боже мой, мясо совершенно холодное. Почему ты не отправила его подогреть?

— Не знаю, дорогой. Видишь ли, я думала, ты сейчас придешь…

Джон раздраженно нажал звонок и долго его не отпускал. Льюис пришла почти сразу.

— Снесите это вниз и скажите, чтоб подогрели, — сказал он отрывисто и резко.

— Да, сэр. — Льюис умудрилась вложить в эти два безобидных слова все, что она думает о хозяйке, которая сидит, беспомощно уставившись на блюдо с застывшим мясом.

— Извини, дорогой, — бессвязно начала Герда. — Это моя вина, но, видишь ли, сначала я думала, что ты вот-вот придешь, а потом подумала, что если отправить мясо на кухню…

— О, какое это имеет значение! — нетерпеливо перебил ее Джон. — Стоит ли поднимать шум

из-за пустяков! Машина здесь?

— Думаю, что здесь. Колли заказала.

— Значит, мы сможем выехать сразу же после ленча.

Через Альберт-Бридж по Клехэм-Коммон, коротким путем по Кристал-Пэлес, Кройдон, Перли-Уэй, потом, держась в стороне от главной дороги, поехать по правой развилке до Метерли-Хилл вдоль Хаверстон-Ридж… Затем круто вправо по пригородному кольцу, через Кормертон и вверх по Шавл-Даун. Золотые и алые деревья, лесные массивы внизу, мягкий осенний запах листьев и, наконец, через перевал вниз…

Люси и Генри… Генриетта. Он не видел Генриетту уже четыре дня, к тому же был страшно зол, когда они виделись в последний раз. У Генриетты был такой взгляд, не то чтоб отвлеченный, абстрактный или невнимательный. Пожалуй, он даже не может объяснить. Взгляд человека, который видит что-то, чего здесь нет. И это что-то (в этом вся суть!) не было Джоном Кристоу. «Я знаю, что она скульптор, — говорил он себе. — Знаю, что ее работа по-настоящему хороша, но, черт побери, неужели она не может оставить ее хоть на время! Неужели не может иногда думать только обо мне и ни о чем другом?»

Конечно, он несправедлив к ней, и знает это. Генриетта редко говорит о своей работе. Она не так одержима своим искусством, как большинство художников, которых он знает. Лишь в крайне редких случаях ее погруженность в свой внутренний мир нарушает полноту интереса к его, Джона, проблемам. Но даже это постоянно вызывало в нем яростное негодование.

Однажды он спросил, резко и жестко:

— Ты бросишь все это, если я тебя попрошу?

— Что — все? — спросила она с удивлением.

— Все это! — широким жестом он охватил всю студию. И сразу же подумал: «Глупец! Зачем ты просишь ее об этом?» И снова, перебивая себя: «Пусть скажет только одно слово: «Конечно!» Пусть только скажет: «Конечно, брошу!» Неважно, думает она так или нет. Пусть только скажет. Я должен обрести покой».

Генриетта долго молчала. Взгляд ее стал задумчивым и отвлеченным. Затем, хмурясь, она медленно сказала:

— Думаю, что да. Если бы это было необходимо.

— Необходимо? Что ты имеешь в виду?

— Я и сама точно не знаю. Необходимо… Ну, например, как может быть необходима ампутация.

— Короче говоря, только оперативное вмешательство!

— Ты сердишься. А что бы ты хотел услышать?

— Ты сама прекрасно знаешь. Одного слова было бы достаточно. «Да!» Почему ты не можешь произнести его? Ты ведь нередко говоришь людям приятное, не заботясь о том, правда это или нет. А мне? Господи, ну почему ты не можешь сделать это для меня?

— Я не знаю, — все так же раздумчиво ответила Генриетта. — В самом деле, Джон, я не знаю. Просто не могу… и все! Не могу.

Несколько минут Джон взволнованно ходил по комнате.

— Ты сведешь меня с ума, Генриетта! Боюсь, я никогда не имел на тебя никакого влияния.

— А зачем это тебе нужно?

— Не знаю… но нужно. — Он бросился в кресло. — Я хочу быть на первом месте в твоей жизни.

— Это так и есть, Джон.

— Нет! Умри я сию минуту, первое, что ты сделаешь, — схватишь глину и со слезами, льющимися по щекам, начнешь лепить какую-нибудь чертовщину вроде скорбящей женщины, символ горя или еще что-нибудь подобное…

— Н-не знаю. Пожалуй… Да, пожалуй, ты прав. Хотя это ужасно!

Она сидела неподвижно, испуганно глядя на него.

Пудинг подгорел. При виде пудинга брови Джона поползли вверх, и Герда поспешила с извинениями:

— Прости, дорогой. Сама не знаю, почему так получилось. Это моя вина. Дай мне верхушку, а сам съешь остальное.

Пудинг подгорел потому, что он, Джон Кристоу, просидел в своем кабинете лишних четверть часа, размышляя о Генриетте и мамаше Крэбтри, предаваясь охватившему его нелепому чувству ностальгии по Сан-Мигелю. Виноват был он сам. Что за идиотизм — тут же брать его вину на себя и класть себе подгоревшую верхушку… Это хоть кого доведет до бешенства! Почему она вечно делает из себя мученицу? Почему Тэренс смотрит на него с таким пристальным любопытством? Почему, о господи, почему Зина вечно шмыгает носом? Почему все они выводят его из себя, черт побери?!

Гнев Джона обрушился на Зину:

— Ты что, не можешь высморкаться?

— Думаю, дорогой, она немного простуди-

лась, — сказала Герда.

— Ничего подобного! Тебе вечно мерещится, что у них простуда! С ней все в порядке.

Герда вздохнула. Она не могла понять, как это врач, постоянно лечащий других людей, может быть так безразличен к здоровью собственной семьи. Джон постоянно высмеивал малейший намек на болезнь.

— Я чихнула восемь раз перед ленчем, — значительно сказала Зина.

— Это от жары, — ответил Джон.

— У нас совсем не жарко, — заметил Тэренс. — Термометр в холле показывает пятьдесят пять градусов[17].

Джон встал.

— Все закончили? Хорошо! Тогда поехали. Ты готова, Герда?

— Одну минуту, Джон. Я только уложу кое-что из вещей.

— Разве ты не могла сделать этого раньше? Чем ты занималась все утро?!

Кипя от злости, Джон вышел из столовой. Герда поспешила в спальню. В спешке она, конечно,

---

[17] Сноски: 17

Температура указана по шкале Фаренгейта, принятой на Западе; по принятой в России шкале Цельсия это составляет около 13 градусов тепла.

провозится еще дольше. Ну почему бы ей не приготовить все заранее? Его собственный чемодан был уложен и стоял в холле. Ну почему?..

Сжимая в руке колоду довольно потрепанных карт, к нему подошла Зина.

— Папа, можно я тебе погадаю? Я умею! Я уже гадала маме, и Тэрри, и Льюис, и Джэйн, и кухарке.

— Хорошо. Погадай.

«Интересно, — думал он, — сколько времени она еще проканителится». Ему хотелось скорее покинуть этот ужасный дом, эту улицу, этот город, полный страдающих, чихающих, больных людей. Скорее в лес. Влажные осенние листья… изящная отчужденность леди Энкейтлл, производящей впечатление бестелесного существа.

Зина важно раскладывала карты.

— Посередине — это ты, папа! Червонный король. Всегда гадают на червонного короля. Теперь я разложу остальные карты лицом вниз. Две налево и две направо от тебя, одну — над головой, она имеет над тобой власть, другую — в ногах, ты имеешь власть над ней… А эта карта сверху. Теперь, — Зина глубоко вздохнула, — мы начинаем переворачивать. Направо от тебя, очень близко — бубновая дама.

«Генриетта», — подумал Джон. Его забавляла

серьезность дочери.

— Рядом трефовый валет. Это какой-то совсем молодой человек. Слева от тебя — восьмерка пик. Это твой тайный враг. Папа, у тебя есть тайный враг?

— Я такого не знаю.

— За ним — королева пик. Эта леди намного старше.

«Леди Энкейтлл», — снова подумал Джон.

— Теперь… что у тебя в головах, ну то, что имеет над тобой власть. Червонная королева!

«Вероника, — подумал Джон машинально. — Вероника? Глупости! Она теперь не имеет для меня никакого значения!»

— Это у тебя в ногах, и ты имеешь над ней власть… Трефовая дама.

В комнату поспешно вошла Герда.

— Джон, я готова!

— О мама, подожди! Я гадаю папе. Последняя карта, папа, самая важная, та, что у тебя на сердце. О-о! Туз пик! Это… это значит… смерть!

— Наверное, твоя мама наедет на кого-нибудь по дороге из Лондона, — пошутил Джон. — Пошли, Герда! До свиданья, постарайтесь вести себя хорошо!

Глава 6

В субботу Мидж Хардкасл спустилась вниз часам к одиннадцати. Она позавтракала в постели, почитала, немного подремала и наконец поднялась с кровати.

Как чудесно немного побездельничать! Отдохнуть совсем неплохо! Мадам Элфридж, что и говорить, порядочно действует на нервы…

Открыв парадную дверь, Мидж окунулась в теплый, мягкий свет осеннего солнца. Сэр Генри, сидя на скамье, читал «Таймс». Он взглянул на нее и улыбнулся. Мидж ему всегда нравилась.

— Хелло, дорогая!

— Я очень поздно?

— Во всяком случае, ленч вы не проспали, — сказал, улыбаясь, сэр Генри.

Мидж села рядом и вздохнула: «Здесь так хорошо!»

— Вид у вас немного усталый.

— О, не беспокойтесь. Это такое счастье — скрыться здесь от толстух, которые пытаются влезть в платья на несколько размеров меньше, чем нужно…

— Вероятно, ужасное зрелище! — Сэр Генри взглянул на часы. — Эдвард приезжает в пятнадцать минут первого.

— В самом деле? — Мидж помолчала. — Я уже давно его не видела.

— Он все такой же, — сказал сэр Генри. — Почти не выезжает из Эйнсвика.

«Эйнсвик… — подумала Мидж. — Эйнсвик!» Сердце болезненно сжалось. Прекрасные дни в Эйнсвике! Она всегда ждала их с нетерпением. «Я поеду в Эйнсвик!» — ночами мечтала Мидж задолго до желанного дня. И наконец этот день наступал! Маленькая сельская станция, где поезд (большой лондонский экспресс) остановится, только если предупредить заранее. «Даймлер»[18], ожидавший на станции. Дорога… последний поворот, въезд в ворота и прямо через лес, пока не увидишь поляну и дом, большой, белый, радушно ожидавший гостей. Старый дядя Джеффри в своем неизменном пиджаке из твида…[19] «Ну, молодежь, а теперь развлекайтесь!» И они радова-

---

[18] Сноски: 18

«Даймлер» — марка дорогого легкового автомобиля, производимого одноименной компанией.

[19] Сноски: 19

Твид — грубая шерстяная ткань с особым диагональным плетением нитей двух или более разных цветов.

лись вовсю! Генриетта приезжала из Ирландии, Эдвард — из Итона, она сама — из унылого промышленного городка на севере страны. Для них это были райские дни.

В центре всегда был Эдвард, высокий, скромный и неизменно добрый. На нее он, конечно, не очень обращал внимание, потому что рядом была Генриетта. Застенчивый, почти робкий, он выглядел гостем, и Мидж очень удивилась, когда Тремлет, главный садовник усадьбы, однажды сказал:

— Все здесь будет когда-нибудь принадлежать Эдварду.

— Но почему, Тремлет? Он ведь не сын дяди Джеффри!

— И все-таки он наследник, мисс Мидж. Ему принадлежит титул. Мисс Люси, она, конечно, единственное дитя мистера Джеффри, но она женщина и не может наследовать, а ее муж, он только двоюродный кузен. Не такой близкий, как мистер Эдвард.

И вот теперь Эдвард жил в Эйнсвике. Жил там один и редко выезжал. Иногда Мидж спрашивала себя, как относится к этому Люси. Она всегда делала вид, будто ее это не касалось. Но Эйнсвик все-таки был ее домом, а Эдвард — только

кузен и младше ее на двадцать лет. Отец Люси, старый Джеффри Энкейтлл, был заметной фигурой в графстве, к тому же довольно богат. Большая часть его состояния перешла к Люси, так что Эдварду досталось сравнительно немного. У него, конечно, достаточно средств, чтобы содержать Эйнсвик, но сверх этого остается не так уж много.

Нельзя сказать, чтобы у Эдварда были большие запросы. Какое-то время он был на дипломатической службе, но, унаследовав Эйнсвик, ушел в отставку и поселился в этом имении. Эдвард всегда был книжником, собирал первые издания и время от времени писал небольшие, слегка иронические статьи для малоизвестных ревю. Трижды он делал предложение своей троюродной сестре Генриетте Сэвернейк выйти за него замуж.

Мидж сидела на осеннем солнце, погруженная в свои мысли. Она не могла решить, рада ли тому, что увидит Эдварда, или нет. Конечно, она не старалась его забыть, такого человека, как Эдвард, не забывают. Он всегда был в ее мыслях — и тот, каким он был тогда, в Эйнсвике, и когда поднимался ей навстречу в лондонском ресторане. С тех пор как помнит себя, она всегда любила Эдварда.

Голос сэра Генри вывел ее из задумчивости:

— Как, по-вашему, выглядит Люси?

— Очень хорошо. Она такая, как всегда. — Мидж слегка улыбнулась. — Даже лучше, чем всегда.

— Да-а. — Сэр Генри пыхнул трубкой. — Знаете, Мидж, иногда я за нее беспокоюсь.

— Беспокоитесь? — Мидж с удивлением посмотрела на него. — Почему?

Сэр Генри покачал головой.

— Люси иногда слишком много себе позволяет. — Мидж все так же удивленно смотрела на него. — Ей все сходит с рук. И всегда так было. — Он слегка улыбнулся. — Она издевалась над официальными традициями резиденции губернатора, нарочно допуская ужасные нарушения этикета, рассаживая гостей на званых обедах, а это, Мидж, непростительная вольность. Усаживала рядом заклятых врагов и ни в грош не ставила расовые различия. И вместо того чтобы вызвать колоссальный скандал и навлечь позор на британские власти — черт меня побери, — ей все сходило с рук! Этот ее трюк — смотреть, улыбаясь, беспомощно и невинно, будто ничего не случилось! То же самое и со слугами. Она причиняет им массу неприятностей, а они ее просто обожают!

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — задумчиво сказала Мидж. — То, что не простишь обычным людям, кажется естественным, если это делает Люси. Не знаю, что это. Очарование? Магнетизм?[20]

Сэр Генри пожал плечами.

— Она всегда была такая, даже в детстве. Только мне кажется, что это в ней усиливается. Я хочу сказать, она не чувствует, что существует предел. Знаете ли, Мидж, — сказал он, усмехнувшись, — иногда мне кажется, что ей сошло бы с рук даже убийство.

Генриетта вывела свой «Делаж» из гаража и после сугубо технического разговора с механиком Альбертом, который обычно следил за «состоянием здоровья» «Делажа», включила двигатель.

— Ездить на такой машине — одно удовольствие, мисс, — сказал Альберт.

Генриетта улыбнулась. Она промчалась вниз по улице Мьюз, испытывая неизменное наслаждение, как всегда, когда была в машине одна. Она предпочитала ездить одна, когда сидела за рулем, так она полнее ощущала удовольствие от

---

[20] Сноски: 20

Магнетизм — в нетерминологическом употреблении способность одних тел притягивать к себе другие, а также способность некоторых людей воздействовать на других, подчиняя себе их волю.

управления автомобилем. Ей нравилось, что она так ловко лавирует в потоке машин, нравилось разыскивать кратчайший путь. У нее были свои любимые улицы, и она знала Лондон не хуже любого таксиста.

Сейчас она решила воспользоваться недавно открытым ею маршрутом на юго-запад, беспрестанно поворачивая и протискиваясь в сложных сплетениях загородных улочек.

Было уже половина первого, когда она наконец подъехала к длинному хребту Шавл-Даун. Ей всегда нравился открывавшийся отсюда вид, и она задержалась у начала спуска. Внизу и вокруг нее сияли золотом деревья, листва на которых только-только начала покрываться коричневой патиной. Это был золотой мир, невыразимо прекрасный в лучах осеннего солнца. «Люблю осень, — подумала Генриетта, — осень намного богаче весны».

Неожиданно она почувствовала себя невероятно счастливой. Ее переполняло ощущение красоты окружающего мира и счастья от того, что она видит эту красоту. «Я никогда больше не буду так счастлива, как сейчас, — подумала она. — Никогда!»

Генриетта постояла немного, вглядываясь в

этот золотой мир, который, казалось, проплыл мимо, растворяясь и исчезая вдали, зачарованный собственной красотой. Затем спустилась к подножию холма через лес по длинной, круто уходящей вниз дороге к «Лощине».

Когда Генриетта подъехала к дому, Мидж сидела на низких перилах террасы и весело ей махала. Генриетте нравилась Мидж, и она рада была ее видеть. Из дома вышла леди Энкейтлл.

— О, вот и ты, Генриетта! Отведи свою машину на конюшню и дай ей овса. К тому времени ленч будет готов.

— Поистине проницательное наблюдение! В самое яблочко, — заметила Генриетта, объезжая дом. Мидж ехала с ней, стоя на подножке автомобиля. — Знаешь, Мидж, я всегда гордилась тем, что мне полностью удалось избежать болезни моих ирландских предков — увлечения лошадьми. Если вырос среди людей, которые не могут говорить ни о чем другом, кроме лошадей, то поневоле начинаешь чувствовать свою исключительность и превосходство, если не испытываешь особой любви к лошадям. А Люси тонко заметила — я отношусь к своей машине именно как к лошади. Она права! Это действительно так!

— Да! Люси просто неподражаема, — сказала

Мидж, — сегодня утром она сказала, что я могу грубить, сколько мне захочется.

Генриетта на мгновение задумалась, затем кивнула.

— Разумеется! — воскликнула она. — Магазин!

— Да. Когда каждый божий день торчишь в этой проклятой маленькой коробке и когда ты обязана быть неизменно вежливой с грубыми покупательницами, называть их «мадам», помогать им натягивать платья, с улыбкой проглатывая их оскорбительные замечания, то поневоле самой захочется огрызнуться! Знаешь, Генриетта, я всегда удивлялась тому, что люди считают унизительным идти в прислуги и с таким почтением относятся к работе в магазине. Вроде бы чувствуешь себя независимой! На самом деле Гаджену, или Симмонсу, или кому другому из здешней прислуги приходится сносить куда меньше оскорблений.

— Это, должно быть, ужасно, дорогая! Напрасно ты настояла на том, что сама будешь зарабатывать себе на жизнь. Я понимаю, хочется быть гордой и независимой.

— Как бы то ни было, Люси — ангел, и я буду два дня напролет немилосердно всем грубить.

— Кто приехал? — спросила Генриетта, выходя

из машины.

— Должны приехать Джон и Герда Кристоу, — ответила Мидж и, немного помолчав, добавила: — Только что приехал Эдвард.

— Эдвард? Чудесно! Не видела его целую вечность! Кто еще?

— Дэвид Энкейтлл. Люси надеется, что ты сможешь быть тут полезной. Ты должна благотворно на него воздействовать, чтобы он не грыз ногти.

— Это совсем не в моем характере! — воскликнула Генриетта. — Я терпеть не могу вмешиваться в чужие дела, и у меня и в мыслях никогда не было следить за чужими привычками. Что дословно сказала Люси?

— Это, пожалуй, все! Да, еще у него сильно выступает кадык.

— По этому поводу я тоже должна что-то предпринимать?

— И еще ты должна быть очень добра к Герде.

— Будь я на месте Герды, я бы возненавидела Люси! — воскликнула Генриетта.

— Да, завтра к ленчу должен явиться какой-то специалист по расследованию преступлений.

— Мы что, собираемся играть в какую-то «криминальную» игру?

— Не думаю. Мне кажется, это просто знак веж-

ливости. Он живет по соседству. — Голос Мидж слегка изменился. — А вот и Эдвард! Очевидно, он нас ищет.

«Милый Эдвард», — подумала Генриетта с внезапно нахлынувшей теплотой.

Эдвард Энкейтлл, очень высокий и сухощавый, улыбаясь, подошел к молодым женщинам.

— Хелло, Генриетта! Я не видел тебя больше года!

— Хелло, Эдвард.

«Какой он славный! — думала Генриетта. — Добрая улыбка, легкие морщинки у глаз… А какая прекрасная форма головы! По-моему, она мне больше всего в нем нравится».

Генриетта сама удивилась своему теплому чувству к Эдварду. Она забыла, насколько он ей был приятен.

…После ленча Эдвард предложил Генриетте пойти погулять. Прогулка в духе Эдварда — медленный, размеренный шаг. Обойдя дом, они пошли по дорожке, извивавшейся среди деревьев. «Как похоже на лес в Эйнсвике, — подумала Генриетта. — Милый Эйнсвик! Он всегда доставлял нам столько радости!»

Она начала говорить об Эйнсвике, и они оба погрузились в воспоминания.

— Ты помнишь нашу белку? Со сломанной лапкой? Помнишь, мы посадили ее в клетку, и она поправилась.

— Конечно, помню! У нее было такое странное имя… Не могу сейчас припомнить.

— Колмондели-Марджорибэнкс!

— Правильно!

Оба засмеялись.

— Старая домоправительница миссис Бонди всегда говорила, что в один прекрасный день белка удерет в дымоход!

— Мы так возмущались…

— А белка потом все-таки убежала!

— Это все миссис Бонди, — с уверенностью сказала Генриетта. — Она внушила белке мысль о побеге! Все осталось по-прежнему, Эдвард? — спросила она, помолчав. — Или переменилось? Я всегда представляю себе Эйнсвик таким, как он был раньше.

— Почему бы тебе не приехать и не посмотреть самой, Генриетта? Ты очень давно не была в Эйнсвике.

— Да… — В самом деле, почему она так долго не ездила в Эйнсвик? Вечно чем-то занята, увлечена, связана с другими…

— Ты всегда желанная гостья, Генриетта!

— Очень мило с твоей стороны, Эдвард!

«Какой он славный, — снова подумала она, — и какой у него прекрасный череп!»

— Я очень рад, что ты любишь Эйнсвик, Генриетта!

— Эйнсвик — самое прекрасное место на земле! — задумчиво сказала она.

Длинноногая девочка с гривой растрепанных каштановых волос, счастливая девчушка, которой и в голову не могла прийти мысль о том, что приготовила для нее жизнь. Девочка, любившая деревья… Она была так счастлива и, конечно, не догадывалась об этом! Если б можно было вернуться назад…

— Игдрасиль[21] все еще стоит? — внезапно спросила она.

— Его разбила молния.

— О нет, только не Игдрасиль!

Это огорчило Генриетту. Игдрасиль — так она называла большой дуб в Эйнсвике. Если боги могли сразить Игдрасиль, тогда жди беды… Лучше назад не возвращаться.

— А ты помнишь твой особый знак, знак Игдрасиля? — спросил Эдвард.

---

[21] Сноски: 21

Игдрасиль — в скандинавской мифологии гигантский ясень, древо жизни и судьбы.

— Смешное дерево, какого на свете не бывает, которое я всегда рисовала на клочках бумаги? Я до сих пор его рисую! На промокашках, в телефонных книгах, во время игры в бридж… Стоит мне только задуматься, как моментально появляется Игдрасиль! У тебя есть карандаш?

Он протянул ей карандаш и блокнот, и она, смеясь, быстро нарисовала причудливое дерево.

— Да! — воскликнул Эдвард. — Это Игдрасиль!

Они поднялись почти до конца тропы. Генриетта села на ствол поваленного дерева. Эдвард опустился рядом. Она смотрела вниз, сквозь деревья.

— Все здесь немного напоминает Эйнсвик. Карманное издание Эйнсвика. Тебе не кажется, Эдвард, что именно поэтому Люси и Генри поселились в «Лощине»?

— Возможно.

— Никогда не знаешь, что у Люси на уме, — медленно сказала Генриетта. Немного помолчав, она спросила: — Эдвард, чем ты занимался все это время?

— Ничем…

— Звучит умиротворенно.

— Я не очень-то гожусь для деятельной жизни.

Генриетта быстро взглянула на него. Что-то не

совсем обычное было в его тоне. Но он спокойно улыбался. И снова Генриетта ощутила горячую, глубокую привязанность к Эдварду.

— Наверное, ты поступаешь мудро.

— Мудро?

— Да, избегая активной деятельности.

— Странно, что это говоришь ты, Генриетта, — медленно произнес Эдвард. — Ты, человек, добившийся такого успеха!

— Ты считаешь меня преуспевающей? Смешно!

— Но это действительно так, дорогая! Ты художник и должна гордиться собой!

— Да, многие говорят мне об этом! — воскликнула Генриетта. — Но они не понимают, не понимают главного. Даже ты, Эдвард! Скульптура — не то, что выбирают, она сама выбирает тебя. Преследует, мучит, изводит вконец, так что рано или поздно ты должен поладить с ней. Тогда на время наступит покой. До тех пор, пока все опять не начнется сначала.

— Ты хочешь покоя?

— Иногда мне кажется, что я хочу этого больше всего на свете.

— Ты можешь обрести его в Эйнсвике. Я думаю, там ты можешь быть счастлива. Даже… даже

если тебе придется терпеть мое присутствие. Что ты думаешь об этом? Генриетта, мне хочется, чтобы Эйнсвик стал твоим домом. Он неизменно ждет тебя…

Генриетта медленно покачала головой.

— Если бы ты не был так мне дорог, Эдвард, легче было бы сказать «нет»!

— Значит, все-таки — нет!

— Мне очень жаль…

— Ты не раз говорила это, но сегодня… сегодня я думал, все может быть иначе: ты ведь была счастлива, когда говорила об Эйнсвике. Ты не станешь отрицать…

— Очень счастлива!

— Даже лицо… Ты выглядишь моложе, чем утром!

— Я знаю.

— Мы были счастливы, говоря об Эйнсвике, думая о нем. Генриетта, неужели ты не понимаешь, что это значит?

— Это ты, Эдвард, не хочешь понять. Все это время мы просто жили в прошлом.

— Иногда прошлое — самое подходящее место для жизни.

— Нельзя вернуться в прошлое. Это невозможно.

Эдвард помолчал.

— Ты хочешь сказать, — произнес он тихо и спокойно, — что не можешь выйти за меня замуж из-за Джона Кристоу?

Генриетта ничего не ответила.

— Это ведь так, не правда ли? — продолжал Эдвард. — Если бы на свете не было Джона Кристоу, ты вышла бы за меня замуж…

— Я не могу представить себе мир, в котором нет Джона Кристоу, — резко сказала Генриетта. — Ты должен это понять.

— Если это так, почему бы ему не развестись с женой, чтобы вы могли пожениться?

— Джон не хочет разводиться с женой. И я не знаю, смогу ли я выйти за него замуж, даже если бы он развелся. Это… Это все совсем не так, как ты думаешь!

— Джон Кристоу… — задумчиво произнес Эдвард. — В мире слишком много Джонов Кристоу.

— Ты ошибаешься! — воскликнула Генриетта. — В мире очень мало таких людей, как Джон!

— Очень хорошо, если так. Во всяком случае, я так считаю.

Он поднялся.

— Пожалуй, нам пора возвращаться.

Глава 7

Когда они сели в машину и Льюис закрыла за ними парадную дверь дома на Харли-стрит, Герда почувствовала такую безысходность, словно ее отправляли в изгнание. Захлопнувшаяся дверь неумолимо отгораживала ее от привычной жизни. Ненавистные выходные наступили. Сколько дел не сделано! Закрыла ли она кран в ванной? А где квитанция для прачечной? Кажется, она положила ее… Куда она ее положила? Как будут вести себя дети с мадемуазель? Станет ли ее слушаться Тэренс? Французские гувернантки… у них нет никакого авторитета.

Герда, все еще во власти тревожных мыслей, опустилась на водительское сиденье и нервно нажала стартер. Она нажимала его снова и снова.

— Герда, машина скорее сдвинется с места, если ты включишь зажигание, — не выдержал наконец Джон.

— О господи, какая я глупая! — Герда бросила на Джона быстрый испуганный взгляд. Если Джон выйдет из себя с самого начала… Однако, к ее величайшему изумлению, он улыбался.

«Это потому, — подумала Герда с редкой для нее проницательностью, — что он рад поездке в «Лощину». Он, бедняга, так много работает! Его жизнь бескорыстна и целиком посвящена другим. Неудивительно, что он мечтает об этих долгих, невыносимых для меня двух днях!»

Мысли Герды все еще были заняты разговором за обеденным столом, и, отпустив педаль сцепления слишком резко, так что машина скачком рванулась с места, она сказала:

— Знаешь, Джон, ты не должен так шутить. Не стоит говорить, что ненавидишь больных. Это, конечно, чудесно, что ты приуменьшаешь трудности своей работы, и я это понимаю. Но дети могут не понять. Тэрри, например, все понимает буквально.

— Иногда, — сказал Джон, — Тэрри кажется мне почти взрослым. Не то что Зина! Сколько времени должно пройти, чтобы девочка перестала быть клубком эмоций?

Герда засмеялась, легко и радостно. Она поняла, что Джон подтрунивает над ней. Но мысли у Герды были прилипчивы, и она продолжала начатое:

— Джон, я в самом деле думаю, что детям полезно знать, как бескорыстна и благородна жизнь

врача.

— О господи! — вздохнул Джон.

Герда мгновенно смешалась. Машина между тем приближалась к светофору, и зеленый свет горел уже довольно долго. Герда была почти уверена, что огни сменятся, когда она подъедет. Она сбавила скорость. Все еще зеленый!

— Зачем ты остановилась? — Джон забыл свое решение не делать никаких замечаний.

— Я думала, будет красный свет.

Она нажала на акселератор, машина немного продвинулась, чуть-чуть за светофор, и… мотор заглох. Сигнал светофора сменился. Сердито загудели машины на перекрестке…

— Герда — ты положительно самый плохой водитель во всем мире! — воскликнул Джон, скорее шутливо, чем сердито.

— Я всегда волнуюсь перед светофором. Никогда не знаешь, в какую минуту сменится сигнал!

Джон бросил взгляд на встревоженное, несчастное лицо жены.

«Герду волнует абсолютно все!» — подумал он и постарался представить себе, что значит постоянно жить в таком состоянии, но поскольку он не обладал богатой фантазией, то это ему не удалось.

— Понимаешь, — продолжала Герда, упорно развивая свою мысль, — я всегда старалась внушить детям, что жизнь врача — это самопожертвование. Быть врачом — значит постоянно помогать больным и страждущим, служить людям. Это такая благородная жизнь… И я так горжусь тобой, ведь ты, не щадя себя, всю свою энергию, все свое время отдаешь работе…

Джон перебил ее:

— Тебе никогда не приходило в голову, что мне нравится лечить? Что это для меня удовольствие, а не жертва! Неужели ты не понимаешь, что это интересно, черт побери! Интересно!

Нет, Герда этого никогда не поймет. Расскажи он ей о мамаше Крэбтри из палаты Маргарет Рассел, Герда увидит в нем нечто вроде доброго ангела, помогающего бедным.

— Сплошная патока… — проворчал он.

— Что ты сказал? — Герда наклонилась в его сторону.

Джон покачал головой.

Если бы он сказал Герде, что пытается найти средство от рака, это ей было бы понятно: ей доступны простые, ясные, сентиментальные представления. Но она никогда не сможет понять, что ему нравится распутывать головоломные

загадки болезни Риджуэя. Едва ли он сумел бы объяснить ей, что это за болезнь. «Особенно если учесть, что врачи и сами не очень ясно себе это представляют, — подумал он, усмехнувшись. — Мы в самом деле не знаем, почему происходит вырождение коры головного мозга!»

Ему вдруг пришло в голову, что Тэренс, хоть он еще ребенок, мог бы этим заинтересоваться. Джону понравилось, как сын посмотрел на него через стол, прежде чем сказал: «Я не думаю, что он шутит».

В последнее время Тэренс в немилости. Он провинился — сломал кофемолку, пытаясь получить аммоний[22]. Аммоний! Чудак, зачем ему аммоний?! А действительно — зачем?..

Молчание мужа успокоило Герду. Когда ее не отвлекали разговорами, ей было легче вести машину. Кроме того, Джон, погруженный в свои мысли, мог и не заметить резкого скрежещущего звука, когда она с силой переключала скорость. Герда старалась переключать ее как можно реже.

Герда знала, что иногда ей удавалась эта процедура довольно хорошо. Но это случалось, только

---

[22] Сноски: 22

Аммоний — не существующее в свободном виде соединение азота с водородом.

когда Джона в машине не было. Нервозность, желание сделать все правильно постоянно приводили к неудаче, ее движения становились суетливыми, она слишком сильно или, наоборот, слишком слабо нажимала на акселератор, а педаль сцепления выжимала так неловко и поспешно, что двигатель буквально вопил в знак протеста. «Мягче, мягче, Герда, — просила Генриетта, обучая Герду несколько лет назад. — Ты должна чувствовать, куда хочет двигаться рычаг переключения скорости… Он должен скользнуть в гнездо. Держи ладонь раскрытой, пока не почувствуешь. Не надо толкать как придется, нужно почувствовать!»

Но Герда была не в состоянии испытывать какие-либо чувства к рычагу переключения скорости. Если его толкать в более или менее нужном направлении, он должен повиноваться. Машина просто не должна издавать этого отвратительного скрежещущего звука!

«В общем, все пока идет неплохо», — подумала Герда, начиная спуск с Мэшем-Хилл. Джон все еще сидел задумавшись и не заметил довольно отчаянного скрежета на Кройдоне. Радуясь этому, видя, что ход машины увеличился, Герда переключила на третью скорость. Движение машины

резко замедлилось… Джон словно очнулся.

— С какой стати ты переключаешь скорость, когда подходишь к спуску?

Герда стиснула зубы. Осталось уже немного. Нельзя сказать, чтобы она торопилась приехать… Нет, конечно! Пожалуй, она согласна провести еще несколько часов за рулем, даже если Джон потеряет терпение и выйдет из себя…

Теперь они проезжали Шавл-Даун. Пламенеющий осенний лес подступал к дороге с обеих сторон.

— Как чудесно вырваться из Лондона! — воскликнул Джон. — Подумай только, Герда, мы торчим в темной гостиной за чашкой чаю… иногда при электрическом свете!

Немного темноватая гостиная на Харли-стрит возникла перед глазами Герды подобно восхитительному миражу. О, если бы она могла оказаться там сейчас!

— Все вокруг просто чудесно! — героически сказала Герда.

Вниз с крутого холма… Теперь уже не убежишь. Слабая надежда на то, что произойдет что-нибудь, вмешается какая-то сила и спасет ее от кошмарных выходных, не сбылась. Они уже приехали в «Лощину».

Она немного успокоилась, увидев Генриетту, сидевшую на перилах вместе с Мидж и каким-то худым человеком. Герда испытывала определенное доверие к Генриетте, потому что та всегда приходила на помощь, когда все складывалось уж очень плохо.

Джон тоже был рад увидеть Генриетту. Это казалось необходимым завершением всей поездки на фоне прекрасной осенней панорамы: спуститься с горы и увидеть ожидавшую его Генриетту. На ней костюм из зеленого твида, который ему нравился. Он считал, что этот костюм идет ей значительно больше лондонских нарядов. На длинных, вытянутых вперед ногах Генриетты были хорошо начищенные, удобные для ходьбы туфли.

Они обменялись быстрой улыбкой. Короткое признание того, что рады видеть друг друга. Джону не хотелось говорить с Генриеттой сейчас, ему достаточно было радостного сознания, что она здесь. Без нее отдых был бы пустым и скучным.

— Как я рада видеть вас, Герда! И вас, Джон. Прошло столько времени!

Люси явно хотела показать, что именно Герда была желанной гостьей, которую ждали с нетерпением, а Джон лишь дополнение. Уловка леди

Энкейтлл явно не имела успеха, и Герда сразу почувствовала себя скованно и неловко.

— Вы знакомы с Эдвардом? — спросила Люси. — Эдвард Энкейтлл.

— Нет, не думаю!

Джон слегка поклонился. Полуденное солнце осветило золото его волос и синеву глаз. Так мог выглядеть викинг-завоеватель, только что сошедший на берег. Голос, теплый и звучный, завораживал. Привлекательность облика этого человека сразу захватила всех присутствующих.

Яркая индивидуальность и теплота Джона нисколько не повредили Люси. Наоборот, они лишь подчеркнули ее неуловимое своеобразие. Женщина-эльф[23]. А Эдвард рядом с Джоном сразу как-то потускнел и ссутулился.

Генриетта сразу предложила Герде пройти на огород.

— Люси, конечно, захочет показать свой рокарий[24] и осенние цветы, — сказала она, проходя вперед, — но мне огород всегда казался лучше

---

[23] Сноски: 23

Эльфы — в мифологии германских народов воздушные существа, благожелательно относящиеся к людям. Имеют обыкновение водить хороводы при лунном свете.

[24] Сноски: 24

Рокарий — сад с нагромождением камней и низкорослой альпийской растительностью, имитирующий высокогорную местность.

и спокойнее. Можно посидеть на тепличных рамах, если холодно, зайти в теплицу. Иногда попадается даже что-нибудь съедобное.

Они действительно нашли несколько запоздалых стручков зеленого гороха. Генриетта ела их сырыми. Герде они не очень нравились, но она рада была уйти от Люси Энкейтлл, которая вызывала в ней еще большую тревогу, чем обычно.

Сейчас Герда говорила свободно, почти оживленно. Все, что спрашивала Генриетта, было понятно, и Герда легко находила ответ. Через десять минут она почувствовала себя значительно лучше и подумала, что, может быть, все будет не так уж страшно.

— Зина начала посещать уроки танцев, — рассказывала Герда, — ей только что пошили новое платье.

Герда подробно и долго описывала фасон. А еще ей удалось найти новый магазин, где продаются заготовки из кожи. Генриетта спросила, трудно ли самой сделать себе сумку. Герда должна научить ее.

«В сущности, сделать Герду счастливой очень легко, — подумала Генриетта. — Она вся совершенно преображается! Нужно только, чтобы ей разрешили свернуться клубочком и сладко

мурлыкать!»

Довольные, они болтали, сидя на углу тепличной рамы для огурцов, лучи заходящего солнца создавали полную иллюзию солнечного дня.

Затем наступила пауза, и оживление исчезло с лица Герды. Плечи поникли — олицетворение страдания. Она вздрогнула, услышав голос Генриетты:

— Зачем вы приехали, когда все здесь вам так ненавистно?

— О нет! Что вы! Почему вы так думаете?.. — быстро заговорила Герда. — Так чудесно уехать из Лондона, а леди Энкейтлл так добра, — добавила она, немного помолчав.

— Люси? Она совсем не добрая.

Герда казалась слегка шокированной.

— О, леди Энкейтлл действительно добра. Она всегда очень добра ко мне.

— У Люси прекрасные манеры, и она может быть любезной, но она довольно жестока. Я думаю, потому, что она так не похожа на других. Она не знает, что думают и чувствуют обыкновенные люди. А вы, Герда, вы ненавидите эти визиты! Вы знаете, что я говорю правду. Зачем приезжать, если вам не хочется?

— Видите ли, Джону нравится…

— О, Джону нравится! Почему вы тогда не отпустите его одного?

— Он так не захочет. Он не может радоваться всему этому без меня. Джон так добр. Он считает, что мне очень полезно выезжать за город.

— За городом, конечно, хорошо, — продолжала Генриетта, — но зачем тащить вас к Энкейтллам?

— Я… мне не хотелось бы, чтобы вы считали меня неблагодарной!

— Дорогая Герда! Ну с какой стати вы должны любить нас?! Я всегда считала Энкейтллов отвратительным семейством. Мы все любим собираться и говорить на необычном собственном языке. Я не удивлюсь, если кому-нибудь со стороны хочется порой просто убить нас! Я думаю, пора пить чай, — добавила она, помолчав. — Давайте вернемся.

Генриетта наблюдала за лицом Герды, когда та, поднявшись, направилась к дому. «Интересно, — думала Генриетта, помимо воли привычно наблюдая происходящее как бы со стороны. — Интересно увидеть, как на самом деле выглядели христианские мученицы, перед тем как шагнуть

на арену...»[25]

Выходя из огорода, обнесенного стеной, они услышали выстрелы, и Генриетта сказала:

— Похоже на то, что истребление Энкейтллов уже началось!

Оказалось, сэр Генри и Эдвард, беседуя об огнестрельном оружии, начали иллюстрировать дискуссию стрельбой из револьверов. Огнестрельное оружие — хобби сэра Генри, и у него собралась неплохая коллекция. Он принес несколько револьверов и мишени, и они с Эдвардом стали соревноваться в стрельбе.

— Хелло, Генриетта! Хочешь попробовать, сможешь ли ты убить грабителя?

Генриетта взяла револьвер.

— Правильно... Так! Теперь целься!

Бах!

— Промазала! — сказал сэр Генри. — Теперь вы, Герда!

— О, я думаю, что я...

— Смелей, миссис Кристоу! Это очень просто!

Зажмурив глаза и вздрогнув, Герда выстрелила.

---

[25] Сноски: 25

В первые века нашей эры христиане подвергались жестоким преследованиям со стороны римских императоров, по приказу которых их заживо сжигали, распинали на крестах, травили на потеху толпе дикими зверями.

Пуля пролетела еще дальше от мишени, чем у Генриетты.

— О-о, я тоже хочу! — сказала, подходя, Мидж. — Это труднее, чем кажется, — заметила она после нескольких выстрелов. — Но забавно!

Из дома вышла Люси. За ней следовал высокий, мрачного вида молодой человек с сильно выдающимся кадыком на худой шее.

— Это Дэвид! — сказала леди Энкейтлл.

Затем, взяв револьвер у Мидж, перезарядила его и, пока муж здоровался с Дэвидом, не говоря ни слова, всадила три пули близко от центра мишени.

— Отлично, Люси! — воскликнула Мидж. — Я не знала, что стрельба из револьвера входит в число твоих талантов!

— Люси всегда убивает своего противника, — серьезно заметил сэр Генри.

Помолчав, он задумчиво сказал:

— Однажды это оказалось очень кстати. Помнишь, дорогая, тех головорезов, которые напали на нас на азиатском берегу Босфора?[26] Двое навалились на меня, и мы катались по земле. Они хотели меня задушить.

---

[26] Сноски: 26

Босфор — узкий пролив между Мраморным и Черным морем.

— А что сделала Люси?

— Она дважды выстрелила в эту свалку. Я даже не знал, что у нее был пистолет. Одному прострелила ногу, другому плечо. Я был на волосок от гибели. Понять не могу, как она не попала в меня?!

Леди Энкейтлл мило улыбнулась мужу.

— Думаю, иногда приходится рисковать, дорогой, — сказала она мягко. — В таких случаях нужно действовать быстро, не раздумывая.

— Отличная мысль, дорогая! — воскликнул сэр Генри. — Хотя меня слегка огорчил тот факт, что риску подвергался я сам!

Глава 8

После чая Джон пригласил Генриетту погулять, а леди Энкейтлл заявила, что обязательно должна показать Герде свой рокарий, хотя, конечно, сезон не очень подходящий.

«Прогулка с Джоном, — думала Генриетта, — совсем не похожа на прогулку с Эдвардом. С Эдвардом можно потихонечку брести. Он не любит себя утомлять». А за Джоном она поспевала с трудом. Когда они добрались до Шавл-Дауна, Генриетта взмолилась, задыхаясь:

— Джон, ведь это не марафон![27]

— Я тебя совсем загонял! — Он замедлил шаг и улыбнулся.

— Да нет, я… просто зачем это нужно? Мы ведь не поезд догоняем. Откуда такая неистовая энергия? Ты что, пытаешься убежать от самого себя?

Джон резко остановился.

— Почему ты так говоришь?

---

[27] Сноски: 27

Марафон — спортивный бег на дистанцию 42 км 195 м (по названию древнегреческого поселения в Аттике к северо-востоку от Афин, где в 490 году до н. э. греки в сражении победили персов; воин, посланный с вестью о победе в Афины, добежав без остановки до города и передав сообщение, упал замертво).

— Я не имела в виду ничего определенного. — Генриетта с удивлением смотрела на него.

Джон снова двинулся вперед, но шел теперь медленнее.

— По правде говоря, — сказал он, — я устал… очень устал…

Генриетта уловила в его голосе нотку апатии.

— Как мамаша Крэбтри? Ей лучше?

— Рано еще говорить об этом. Надеюсь, мне удалось найти то, что нужно. Если я прав, — он снова ускорил шаг, — многие наши методы придется пересмотреть. Надо будет заново изучить всю проблему гормонной секреции в целом.

— Ты хочешь сказать, что будет найдено средство от болезни Риджуэя? И от нее перестанут умирать?

— Между прочим, и это…

«Какие странные люди эти врачи, — подумала Генриетта. — Между прочим!»

— С научной точки зрения это открывает широкие возможности. — Джон глубоко вздохнул. — А все-таки как хорошо оказаться здесь, глотнуть свежего воздуха… Увидеть тебя! — Он улыбнулся внезапной, мимолетной улыбкой. — И для Герды это полезно.

— Уж конечно, Герда в восторге от «Лощины»!

— Разумеется! Между прочим, я встречался раньше с Эдвардом?

— Ты встречался с ним дважды, — сухо сказала Генриетта.

— Не помню. Он из каких-то неопределенных, незаметных людей.

— Эдвард очень милый. Мне он всегда нравился.

— Ну стоит ли терять время на Эдварда! Такие люди — не в счет!

— Иногда, Джон, мне просто страшно за тебя! — тихо сказала Генриетта.

— Страшно? — удивленно посмотрел на нее Джон. — Почему?

— Ты ничего не видишь вокруг… Ты просто слепой!

— Слепой?!

— Ты не видишь, не знаешь, что чувствуют люди…

— Ну я бы этого не сказал!

— Ты видишь только то, на что смотришь. Ты… как луч маяка! Мощный луч, направленный на то, что тебя интересует, а все остальное — сплошная темнота.

— Генриетта, милая, о чем ты?

— Это опасно, Джон! Ты полагаешь, что все тебя

любят, все доброжелательны. Например, Люси.

— Разве Люси мне не симпатизирует? — спросил он удивленно. — Мне она всегда нравилась!

— И поэтому ты решил, что она отвечает тем же? А я совсем в этом не уверена. И Герда, и Эдвард… Или Мидж и Генри… Откуда ты знаешь, что они о тебе думают?

— А Генриетта? Ты знаешь, что она чувствует? — Он на минуту взял ее за руку. — По крайней мере, в тебе я уверен!

Она быстро отдернула руку.

— Ты ни в ком не можешь быть уверен, Джон! Ни в ком!

Лицо Джона помрачнело.

— Нет, я с этим не согласен! Я уверен в тебе и в себе. По крайней мере…

Тень пробежала по его лицу.

— Джон, что случилось?

— Знаешь, на чем я поймал себя сегодня? Я заметил, что все время повторяю нечто невероятно странное: «Я хочу домой!» Я повторял эту фразу, не имея ни малейшего понятия, что она значит!

— Очевидно, ты имел в виду что-то определенное, — медленно произнесла Генриетта.

— Ничего! — резко сказал Джон. — Абсолютно ничего!

Вечером за обедом Генриетту усадили рядом с Дэвидом, и тонкие брови Люси просигналили ей команду, нет, не команду, Люси никогда не командовала, а просьбу…

Сэр Генри старался занять Герду и явно преуспел в этом. Джон с интересом и видимым удовольствием следил за стремительными, оригинальными поворотами мысли Люси, легко перескакивающей с предмета на предмет. Мидж вела сухую, какую-то неестественную беседу с Эдвардом, более рассеянным, чем обычно.

Дэвид сердито смотрел на всех и крошил хлеб нервными пальцами. Он ехал в «Лощину» с большим нежеланием. До сих пор ему не приходилось встречаться ни с сэром Генри, ни с леди Энкейтлл, и, относясь отрицательно ко всей Британской империи вообще, он был готов так же критично отнестись к своим родственникам. Эдварда он знал раньше и презирал как дилетанта. Остальных гостей он тоже оценивал критически. Родственники, по его мнению, вообще довольно несносны, кроме того, от него, очевидно, ожидают какого-то общения, разговоров — одним словом, того, что он терпеть не может.

Мидж и Генриетту он сразу же зачислил в разряд пустышек и невежд. Этот доктор Кристоу —

один из типичных шарлатанов с Харли-стрит. Изысканные манеры, успех в обществе… А жена его вообще не в счет.

Дэвид нервно дернул шеей, поправляя воротничок сорочки, и подумал: как было бы хорошо, если б все эти люди знали, что он о них думает! В самом деле, все они довольно ничтожны! Повторив это заключение три раза в уме, он почувствовал себя значительно лучше. Он все еще продолжал злиться, но уже мог оставить в покое хлеб.

Генриетта, чутко уловившая сигнал бровей Люси, испытывала, однако, определенные трудности. Разговор никак не завязывался. Отрывистые ответы Дэвида были до крайности пренебрежительны. В конце концов она решила прибегнуть к испытанному средству, которое всегда применяла в общении с молчаливыми людьми. Зная, что Дэвид обладает определенными познаниями в области музыки, Генриетта умышленно сморозила какую-то глупость по поводу одного современного композитора. К ее удовольствию, уловка имела успех. Дэвид, нахохлившийся, неловко привалившийся к спинке стула, вдруг весь подобрался, перестал мямлить, заговорил четко и ясно.

— Ваши слова, — громко произнес он, устремив

холодный взгляд на Генриетту, — свидетельствуют о том, что вы ровным счетом ничего в этом не смыслите.

Он до конца обеда поучал ее очень уверенным и язвительным тоном, а Генриетта скромно молчала, изображая из себя робкую ученицу.

Люси Энкейтлл послала благодарный взгляд на другой конец стола, а Мидж про себя усмехнулась.

— Какая ты умница, дорогая, — прошептала леди Энкейтлл, взяв Генриетту под руку, когда они после обеда перешли в гостиную. — Как все-таки ужасно! Чем меньше у людей мыслей в голове, тем лучше они знают, куда девать свои руки! Как ты думаешь, что предложить — бридж, или румми, или что-нибудь страшно простенькое, вроде энимал грэб?[28]

— По-моему, Дэвид сочтет себя оскорбленным, если предложить грэб.

— Пожалуй, ты права. В таком случае — бридж. Я убеждена, что он считает бридж пустым занятием, и в таком случае его презрение к нам будет оправданно.

---

[28] Сноски: 28

Бридж, румми, энимал грэб — различные виды карточной игры; играя в румми, игроки подбирают карты по достоинству и последовательности и сбрасывают их.

Было расставлено два стола. Генриетта играла с Гердой против Джона и Эдварда. Идея распределения игроков принадлежала не Генриетте. Она только хотела отделить Герду от Люси, а если возможно, то и от Джона… Но Джон был настойчив, а Эдвард опередил Мидж.

«Обстановка, — думала Генриетта, — не очень спокойная». Но она никак не могла понять причину напряженности. Как бы то ни было, она решила, что Герда должна выиграть, может, хотя бы это внесет разрядку в напряженную атмосферу гостиной.

Герда, в общем, не так уж плохо играла в бридж. Когда рядом не было Джона, она была рядовым средним игроком, но игроком нервным, который не в состоянии правильно оценить ни свои карты, ни ситуацию. Джон был хорошим игроком, хотя слегка самоуверенным. Эдвард играл в бридж отлично.

К концу вечера за столиком Генриетты играли все тот же роббер[29]. Странная напряженность этого вечера витала над карточным столиком, и не замечал этого только один игрок. Для Герды это была просто игра, от которой она получала

---

[29] Сноски: 29

Роббер — в некоторых карточных играх законченный цикл, состоящий часто из трех партий.

редкостное удовольствие. Ею овладело приятное возбуждение. Трудные решения неожиданно облегчались тем, что Генриетта ей подыгрывала, наперед подсказывая свой ход.

Случалось, Джон, не ведавший, до какой степени она боится его замечаний, восклицал: «Ну с какой стати ты ходишь с трефовой масти?», но Генриетта тут же парировала: «Глупости, Джон, конечно же, только с трефовой! Это единственно возможный вариант».

Наконец, облегченно вздохнув, Генриетта придвинула к себе записи и сказала:

— Партия и роббер! Но я не думаю, Герда, что мы много выиграли.

— Удачная проделка! — бодро отозвался Джон.

Генриетта быстро взглянула на него. Она хорошо знала Джона и, встретившись с ним взглядом, опустила глаза. Поднявшись, она подошла к камину. Джон последовал за ней.

— Ты ведь не всегда заглядываешь в чужие карты, не правда ли? — спросил он насмешливо.

— Пожалуй, мои действия были слишком очевидны, — спокойно ответила Генриетта. — Но неужели так постыдно хотеть выиграть?

— Ты хотела, чтобы выиграла Герда. Так? Желая доставить людям удовольствие, ты готова даже

жульничать!

— Как ужасно ты это сказал! Но ты, разумеется, как всегда, прав.

— Судя по всему, твое желание выиграть разделял и мой партнер.

«Значит, Джон тоже заметил», — подумала Генриетта. Она сама не была уверена в своих подозрениях. Эдвард играет так мастерски… не к чему придраться! Случайный просчет — чего в игре не бывает! Или в другом случае — совершенно правильный и очевидный ход, который не привел к успеху только потому, что был слишком очевидным… Генриетта сразу же отметила эти нарочитые мелочи в игре Эдварда, и они обеспокоили ее. Она знала, что Эдвард никогда не станет подыгрывать, чтобы она, Генриетта, выиграла. Он был слишком верен английским представлениям о чести и порядочности. «Нет, — подумала она, — просто Эдвард не мог перенести еще одного успеха Джона Кристоу!»

Внезапно она почувствовала себя крайне взвинченной, настороженной. Эта вечеринка вдруг стала ей совсем не по душе…

И тут совершенно неожиданно, совсем как в театральном спектакле, стеклянная дверь широко распахнулась, и на пороге комнаты появилась

Вероника Крэй!

Вечер был теплый, и двери в сад были чуть приоткрыты. Вероника вошла и остановилась. Ее фигура четко вырисовывалась на фоне ночи. Вероника улыбалась слегка грустной, но очаровательной улыбкой, выдерживая маленькую паузу, словно для того, чтобы ознакомиться со своей аудиторией, прежде чем заговорить.

— Простите за неожиданное вторжение. Я ваша соседка, леди Энкейтлл… Из этого нелепого коттеджа «Голубятня». Со мной произошла ужасная катастрофа. — Улыбка Вероники стала еще шире, еще простодушнее. — Ни одной спички! Ни единой во всем доме! И это в субботу вечером! Ужасно глупо, но что мне было делать? Я пришла за помощью к моим единственным ближайшим соседям…

Какое-то мгновение все молчали — обычная реакция на ее появление. Вероника была очень красива… Вернее, даже ослепительно красива — просто дух захватывало! Волны светлых, мерцающих волос, дивный изгиб рта… Серебристый лисий мех на плечах, длинные, ниспадающие складки белого бархата… Она переводила взгляд, шутливый, прелестный, с одного из присутствующих на другого.

— А я курю, — продолжала она, — дымлю, как печная труба! Моя зажигалка не работает! К тому же завтрак… у меня газовая плита. — Она беспомощно развела руки. — Я, право же, чувствую себя так глупо.

Люси, слегка забавляясь этой сценой, чуть наклонила голову.

— Разумеется… — любезно начала она.

Но Вероника Крэй перебила ее. Она смотрела на Джона Кристоу. Выражение крайнего удивления и восторга разлилось по ее лицу. Протянув руки, она шагнула к нему.

— Да ведь это… ну конечно!.. Джон! Джон Кристоу! Невероятно! Я не видела вас бог знает сколько лет! И вдруг встречаю… здесь!

Вероника держала его руки в своих, вся — воплощение теплоты и простодушной радости. Слегка повернув голову в сторону Люси, она сказала:

— Какой замечательный сюрприз! Джон — мой старый друг. Господи, Джон был первый мужчина, которого я любила! Я была без ума от вас, Джон!

Она говорила с нежной усмешкой, как женщина, растроганная воспоминаниями о первой любви.

— Я всегда считала Джона необыкновенным!

Сэр Генри любезно предложил ей что-нибудь выпить.

— Мидж, дорогая, — сказала леди Энкейтлл, — позвони, пожалуйста, пусть придет Гаджен. Коробок спичек, Гаджен, — обратилась она к дворецкому, когда тот вошел. — Надеюсь, на кухне их достаточно?

— Сегодня получили дюжину, миледи!

— В таком случае, Гаджен, принесите полдюжины коробков.

— О нет, леди Энкейтлл, только один! — смеясь, протестовала Вероника. Держа бокал в руке, она улыбалась всем в гостиной.

— Вероника, это моя жена! — сказал Джон, представляя ей Герду.

— О! Как приятно познакомиться! — Вероника сверкнула улыбкой в ответ на полную растерянность Герды.

Гаджен принес спичечные коробки, аккуратно разложенные на серебряном подносе. Леди Энкейтлл жестом указала на Веронику, и дворецкий подошел к ней.

— О, дорогая леди Энкейтлл, мне не нужно так много!

С истинно королевской небрежностью Люси

сказала:

— Мы с удовольствием поделимся с вами.

— Как там у вас в «Голубятне»? — любезно осведомился сэр Генри.

— Обожаю «Голубятню»! Просто чудесно — недалеко от Лондона и в то же время чувствуешь себя уединенно.

Вероника поставила бокал. Она чуть плотнее закуталась в лисий мех и снова озарила всех улыбкой.

— Я вам так благодарна! Вы так добры! — Слова проплыли в воздухе где-то между сэром Генри, леди Энкейтлл и почему-то Эдвардом. — Понесу добычу домой! Джон! — Она улыбнулась ему безыскусно и дружески. — Вы должны проводить меня. Я ужасно хочу услышать обо всем, что вы делали эти долгие-долгие годы. Хотя, конечно, экскурс в прошлое заставляет чувствовать себя ужасно старой!..

Она направилась к двери, и Джон последовал за ней. И еще одна блистательная улыбка Вероники снова озарила гостиную.

— Ужасно сожалею, что вторглась к вам из-за такого пустяка. Огромное спасибо, леди Энкейтлл!

Она ушла вместе с Джоном. Сэр Генри смотрел им вслед, стоя у окна.

— Ночь довольно теплая, — сказал он.

Леди Энкейтлл зевнула.

— О господи, — проговорила она, — пора спать! Генри, мы должны посмотреть какой-нибудь кинофильм с ее участием. После сегодняшнего вечера я убеждена, что она прекрасная актриса!

Люси поднялась по лестнице. Мидж, пожелав ей спокойной ночи, спросила:

— Прекрасная актриса?

— Ты не согласна, дорогая?

— Признайся, Люси, ты считаешь, что на самом деле у нее были спички!

— Полагаю, не менее дюжины коробков, дорогая! Но мы должны быть щедрыми… К тому же это было действительно великолепное представление!

Пожелав друг другу спокойной ночи, все расходились по своим комнатам, двери вдоль коридора закрывались одна за другой.

— Я оставил дверь в сад открытой. Для Кристоу, — сказал сэр Генри.

— Как забавны эти актрисы! — Генриетта улыбнулась Герде. — Их появление и уход так восхитительно театральны! — Она зевнула. — Ужасно хочу спать!

Вероника Крэй быстро шла по узкой дорожке

через каштановую рощу. Она вышла на открытое место у плавательного бассейна. Рядом был небольшой павильон, где Энкейтллы обычно располагались в солнечные, но ветреные дни.

Вероника остановилась. Она повернулась к Джону и, засмеявшись, показала на бассейн, покрытый опавшими листьями.

— Не очень-то похоже на Средиземное море? Верно, Джон?

Теперь он понял, чего постоянно ждал все это время… Понял, что все пятнадцать лет разлуки с Вероникой она все-таки была с ним. Синева моря, запах мимозы, жаркий песок… Все это было загнано внутрь, подальше от взглядов, но не забыто. И значило только одно — Вероника! Он снова был двадцатичетырехлетним юношей, страстно и мучительно влюбленным, и на этот раз не собирался бежать.

Глава 9

Джон Кристоу вышел из каштановой рощи к зеленому склону около дома. Светила луна, и дом нежился в лунном свете, так невинно сияя своими завешенными окнами.

Джон взглянул на часы. Было три часа утра. Он глубоко вздохнул, лицо его стало озабоченным. Теперь он даже отдаленно не напоминал влюбленного двадцатичетырехлетнего юношу. Это снова был трезвый, практичный человек примерно сорока лет.

Он, конечно, вел себя как дурак, как последний дурак, черт побери, но не жалел об этом! Потому что знал — теперь он свободен! Все эти годы он тащил на себе груз, а сейчас он его сбросил. Свобода! Он стал самим собой, и теперь для него, Джона Кристоу, преуспевающего специалиста с Харли-стрит, Вероника Крэй ничего, ровным счетом ничего не значит! Все это в прошлом… Но все эти годы он презирал себя за то, что тогда попросту сбежал, вот почему образ Вероники никогда не оставлял его.

Сегодня она явилась из юношеской мечты,

сновидения… и он принял это как сон, но теперь, слава богу, навсегда освободился от наваждения. Он вернулся в настоящее… однако было три часа утра, и он порядком нагородил глупостей…

С Вероникой он пробыл часа три. Она появилась, как пиратский фрегат, захватила его в плен и унесла, словно трофей. Господи, что все они подумали о нем?!

Что, к примеру, подумала Герда?

Или Генриетта? Впрочем, Генриетта не так его беспокоила. Он чувствовал, что, если понадобится, он сможет ей все объяснить. Но что он скажет Герде!

Он не хотел, не хотел ничего терять! Всю жизнь он прибегал только к оправданному риску: в лечении больных, вложении капитала… Никакого безрассудства, лишь трезвый расчет на грани безопасности.

Если Герда догадалась… если у нее есть хоть малейшее подозрение…

Полно, какие подозрения? А в сущности, что он знает о Герде? Вообще-то Герда поверит, что белое — это черное, если он ей так скажет, но в таком вопросе, как этот…

Интересно, как он выглядел, следуя за высокой, торжествующей Вероникой? Что выражало его

лицо? Было это лицо мальчишки, ослепленного, измученного любовью, или мужчины, выполняющего долг вежливости? Этого он не знал… Не имел ни малейшего представления!

Джон испугался… испугался за привычную легкость своего упорядоченного и безопасного существования. «Я просто сошел с ума, совершенно обезумел!» — с отчаянием подумал Джон и находил утешение именно в этой мысли: никто, конечно, не поверит, что он мог до такой степени потерять голову!

Наверное, все давно в постели и спят. Стеклянная дверь в малой гостиной наполовину открыта, очевидно, оставлена до его возвращения. Джон снова посмотрел на безмятежно спящий дом. Какой-то уж слишком безмятежный и невинный.

Внезапно он вздрогнул. Он услышал, или ему показалось, что услышал, слабый звук закрываемой двери. Он резко повернул голову. Если кто-то шел за ним до бассейна… ждал его возвращения, а потом, когда он вернулся, пошел за ним следом, то этот кто-то мог войти в дом через боковую дверь. Похоже, именно ее сейчас закрыли.

Джон пристально вглядывался в окна. Ему показалось или действительно дрогнула занавеска, которую отодвинули и сразу опустили?.. Комната

Генриетты…

«Генриетта! Нет, только не Генриетта! — застучало в панике сердце. — Я не могу потерять Генриетту».

Ему вдруг захотелось бросить горсть гравия в окно и позвать ее:

«Выйди, любовь моя! Выйди ко мне. Мы пройдем через лес до вершины холма, и там я расскажу… расскажу обо всем, что знаю теперь о себе самом и что должна знать и ты, если еще не догадалась обо всем сама.

Я все начинаю сначала, — хотелось ему сказать Генриетте. — Сегодня я начинаю новую жизнь. Все, что уродовало меня и мешало мне жить, ушло. Ты права была сегодня, когда спросила, не пытаюсь ли я убежать сам от себя. Именно это я и делал все последние годы, потому что не знал, сила моя или слабость оторвала меня от Вероники. Я боялся себя, боялся жизни, боялся тебя…»

Если бы он мог разбудить Генриетту, заставить ее пойти с ним через лес туда, где они вдвоем могли бы смотреть, как солнце поднимается из-за края земли!

«Ты с ума сошел, — сказал себе Джон. Он весь дрожал. Было холодно, стояли поздние дни сентября. — Какого черта? Что с тобой творится? Ты и

так достаточно накуролесил для одного дня! Если все обойдется, можешь считать, что тебе повезло!» Господи, что подумает Герда, если он явится только утром вместе с разносчиком молока?

А что подумают Энкейтллы? Впрочем, это его не волновало. Энкейтллы сверяли время не по Гринвичу[30], а по леди Энкейтлл, а для Люси все необычное представлялось вполне разумным.

Но Герда, к сожалению, не была Энкейтлл. Гердой придется заняться, и чем скорее он это сделает, тем лучше.

Допустим, Герда следила за ним ночью…

Не стоит уверять себя в том, что люди не поступают подобным образом. Он ведь врач и слишком хорошо знает, как иногда ведут себя возвышенные, утонченные, уважаемые люди… Как они подслушивают под дверью, вскрывают чужие письма, подсматривают, и не потому, что могут найти этому хоть какое-то оправдание… Просто сила страсти доводит их до отчаянных поступков.

«Бедняги, — думал Джон. — Несчастные стра-

---

[30] Сноски: 30

Принятая в большинстве стран система исчисления времени, при которой земной шар разбит на 24 пояса и за точку отсчета берется время первого (начального) временного пояса, средний меридиан которого проходит через городок Гринвич, недалеко от Лондона.

дальцы…» Джон Кристоу знал немало о человеческих страданиях. В нем не было особой жалости к слабым, но он жалел страждущих, потому что знал: страдают сильные.

Если Герда знает…

«Глупости, — говорил он сам себе, — как она может знать? Она сразу ушла к себе и сейчас крепко спит. У нее никогда не было воображения».

Джон вошел в дом, включил лампу и закрыл стеклянную дверь в сад. Затем, выключив свет, вышел из гостиной, зажег свет в холле, быстро и легко поднялся по лестнице и выключил свет поворотом выключателя наверху. Постояв минуту перед дверью в спальню, он нерешительно взялся за ручку и наконец вошел.

В комнате было темно, и слышалось ровное дыхание Герды. Когда он закрыл за собой дверь, Герда пошевелилась.

— Это ты, Джон? — послышался ее голос, со сна невнятный и неразборчивый.

— Да.

— Ты что-то очень поздно! Который час?

— Понятия не имею! — ответил он легко. — Извини, что разбудил. Я вынужден был зайти к этой женщине и выпить. — Джон старался, чтобы голос звучал как у человека скучающего и сонного.

— О! Спокойной ночи, Джон! — пробормотала Герда.

Все было в порядке! Как всегда, ему повезло. Как всегда… Мысль о том, как часто ему везло, на минуту отрезвила его. Много раз наступал момент, когда он затаив дыхание говорил себе: «Если это не удастся…» Однако все удавалось! Но, конечно, настанет день, когда удача изменит ему…

Джон быстро разделся и лег в кровать. Ему вспомнилось забавное детское гадание: «А эта карта, которая над твоей головой, папа, она имеет над тобой власть!» Вероника! Она действительно имела над ним власть… «Но впредь, душенька, этого не будет! — подумал он с жестоким удовлетворением. — С этим покончено! Теперь я совершенно свободен!»

Глава 10

Когда на следующее утро Джон спустился вниз, было уже десять часов. Завтрак стоял на буфете. Герде подали завтрак в постель, хоть она все время переживала, что «причиняет беспокойство».

— Глупости, — сказал Джон. — Люди ранга Энкейтллов, которые все еще могут иметь дворецкого и прислугу, должны занять их работой.

Этим утром Джон был очень добр к Герде. Нервная раздражительность, буквально разъедавшая его последнее время, исчезла.

Леди Энкейтлл сказала, что сэр Генри и Эдвард отправились пострелять. Сама она была в садовых перчатках и с корзинкой — работала в саду. Джон разговаривал с ней, когда подошел Гаджен — он принес письмо на подносе.

— Только что принесли, сэр.

Джон взял письмо, слегка подняв удивленно брови.

Вероника!

Он направился в библиотеку, на ходу разрывая конверт.

«Приходи, пожалуйста, сегодня утром. Я долж-

на тебя видеть.

Вероника».

«Высокомерна и властна, как всегда!» — подумал Джон. Ему не хотелось идти, но потом он подумал, что лучше покончить со всем сразу. Он пойдет прямо сейчас.

Джон пошел по дорожке напротив библиотечного окна, мимо плавательного бассейна, который был как бы центром: от него радиусами отходили по всем направлениям дорожки: одна — вверх, к лесу; другая — к цветочным клумбам за домом; третья — к ферме; четвертая вела к неширокой дороге, по которой он и направился. Коттедж «Голубятня» был чуть выше.

Вероника ждала его. Она окликнула его из окна претенциозного, с верхним деревянным этажом дома.

— Входи, Джон! Утро сегодня холодное.

В гостиной, обставленной белой мебелью с подушками цвета бледного цикламена[31], горел камин.

Окинув Веронику оценивающим взглядом, Джон увидел при утреннем свете то, что не в состоянии был заметить прошлой ночью: разни-

---

[31] Сноски: 31

Цикламен — небольшое растение из семейства первоцветов с белыми, розовыми или пурпурными цветами.

цу между сегодняшней Вероникой и девушкой, которую постоянно помнил.

«По правде говоря, — думал Джон, — сейчас она гораздо красивее, чем была раньше». Теперь она лучше понимала свою красоту, заботилась о своей внешности и умело ее подчеркивала. Волосы, которые были прежде густого золотого цвета, стали серебристо-платиновыми. Новый рисунок бровей придавал большую пикантность. Красота Вероники никогда не была ни глупой, ни пустой. Вероника, насколько он помнил, всегда считалась одной из «интеллектуальных актрис». У нее были университетский диплом и степень, а также собственное мнение о Стриндберге[32] и Шекспире.

Джона поразило то, о чем он лишь смутно догадывался раньше: перед ним была чудовищно эгоистичная женщина. Она привыкла всегда получать желаемое, и под привлекательной, красивой внешностью Джон чувствовал отталкивающе жесткий характер.

— Я послала за тобой, — сказала Вероника, протягивая ему коробку сигарет, — потому что нам необходимо поговорить. Мы должны предпри-

---

[32] Сноски: 32

Стриндберг Юхан Август (1849–1912) — известный шведский писатель.

нять определенные шаги. Я имею в виду наше будущее.

Джон взял сигарету, закурил.

— А у нас есть будущее?

Вероника пристально посмотрела на него.

— Что ты имеешь в виду? Конечно, у нас есть будущее. Мы и так потеряли пятнадцать лет.

Джон сел.

— Извини, Вероника, но, боюсь, ты не так поняла. Мне… было очень приятно встретиться с тобой, но у тебя своя жизнь, а у меня — своя. Они совершенно разные.

— Глупости, Джон! Я люблю тебя, и ты любишь меня. Мы всегда любили друг друга. Ты был невероятно упрям, но не стоит теперь говорить об этом. Наши с тобой жизни не будут мешать друг другу. Я не собираюсь возвращаться в Штаты. Когда закончится моя работа в фильме, который сейчас снимается, я буду играть на лондонской сцене. У меня есть чудесная пьеса… Элдертон написал ее специально для меня. Успех будет грандиозный!

— Не сомневаюсь, — любезно сказал Джон.

— Ты можешь продолжать свою работу. — В ее голосе была доброта и снисходительность. — Говорят, ты довольно известен.

— Я женат, дорогая! У меня дети.

— Я и сама в данный момент замужем. Но это легко уладить. Хороший адвокат обо всем позаботится. — Вероника ослепительно улыбнулась. — Мне всегда хотелось выйти за тебя замуж. Сама не могу объяснить этого желания, но это так!

— Прости, Вероника, но никакой, даже самый хороший адвокат не понадобится. У нас с тобой нет ничего общего.

— И после вчерашнего?..

— Ты не ребенок, Вероника. У тебя было немало мужей и, по-видимому, немало любовников. Что значит прошлая ночь? Ничего, и ты это знаешь.

— О Джон, дорогой мой! — Она все еще была в хорошем настроении и снисходительна. — Если бы ты видел свое лицо… там, в этой душной гостиной! Можно было подумать, что ты снова очутился в Сан-Мигеле!

Джон вздохнул.

— Я был в Сан-Мигеле, — сказал он. — Попытайся понять, Вероника. Ты явилась ко мне из прошлого. Вчера я тоже был весь в прошлом, но сегодня… сегодня все иначе. Я стал на пятнадцать лет старше. Человек, которого ты не знаешь и который, я полагаю, тебе не очень бы понравился,

узнай ты его поближе.

— Ты предпочитаешь мне своих детей и жену?! — Она была искренне удивлена.

— Как ни странно тебе это покажется — да!

— Глупости, Джон! Ты меня любишь.

— Прости, Вероника.

— Ты не любишь меня? — спросила она недоверчиво.

— Ты необыкновенно красивая женщина, Вероника, но я не люблю тебя.

Вероника застыла, словно восковая фигура, и эта неподвижность вызывала тревогу. Когда она заговорила, в ее голосе было столько злобы, что Джон отпрянул.

— Кто она?

— Она? Кого ты имеешь в виду?

— Женщина, которая вчера вечером стояла у камина?

«Генриетта, — подумал Джон. — Черт побери, как она догадалась?» Вслух он сказал:

— О ком ты говоришь? Мидж Хардкасл?

— Мидж? Эта коренастая темноволосая девушка? Нет, я не ее имею в виду и не твою жену. Я говорю об этой дерзкой чертовке, которая стояла, облокотившись о камин. Это из-за нее ты меня отталкиваешь! О, не притворяйся па-

инькой. У него, видите ли, жена и дети. Это та, другая женщина! — Вероника встала и подошла к нему. — Пойми, Джон, с тех пор как полтора года назад я вернулась в Англию, я думаю только о тебе. Как по-твоему, почему я приехала в этот дурацкий коттедж? Да я просто-напросто узнала, что ты часто наезжаешь сюда, к Энкейтллам!

— Значит, все вчерашнее было спланировано заранее?!

— Ты мой, Джон! И всегда был моим!

— Я — ничей, Вероника! Разве жизнь до сих пор не научила тебя, что нельзя владеть душой и телом другого человека? Я любил тебя, когда был молод, хотел, чтобы ты разделила мою судьбу. Ты отказалась!

— Моя жизнь и карьера были намного важнее твоей. Стать врачом — это каждый может!

Ее заносчивость вывела его из себя.

— Не думай, что ты так знаменита, как тебе кажется!

— Ты хочешь сказать, что я не достигла вершины? Я там буду! Буду!

Джон Кристоу посмотрел на нее с холодным любопытством.

— Знаешь, я не верю, что ты этого добьешься. У тебя есть одно неприятное качество, Вероника.

Тебе бы только все хватать и вырывать… В тебе нет истинного великодушия. Я думаю…

Вероника поднялась с кресла.

— Ты отверг меня пятнадцать лет назад, — тихо сказала она. — И отвергаешь снова. Я заставлю тебя пожалеть об этом.

Джон встал, собираясь уходить.

— Прости, Вероника, если я тебя обидел. Ты очень красива, дорогая, и я очень любил тебя. Но нельзя ли нам на этом и остановиться?

— До свиданья, Джон. Нет, на этом мы не остановимся. Скоро ты это поймешь. Мне кажется… я ненавижу тебя, как никого на свете!

Джон пожал плечами.

— Прости! И… прощай.

Джон медленно возвращался через лес; дойдя до плавательного бассейна, сел на скамью. Он не жалел, что так обошелся с Вероникой. «Вероника, — подумал он бесстрастно, — отвратительное создание!» Она всегда была такой, и самое лучшее, что он когда-либо сделал, — это вовремя освободился от нее! Не сделай он этого, один господь бог знает, что бы с ним было.

Он испытывал необыкновенное чувство, сознавая, что начинает новую жизнь, не запятнанную прошлым. Последний год или два жить с ним,

пожалуй, было невероятно трудно… «Бедная Герда, — думал он, — с ее бескорыстием и постоянным желанием угодить!» Впредь он будет добрее.

Может быть, теперь он перестанет злиться на Генриетту. Вообще-то Генриетта не из тех, кого можно задирать. Бури проносятся над ее головой, словно бы ее не задевая, ее взгляд всегда устремлен на вас откуда-то издалека.

«Я пойду к Генриетте и скажу ей…» — подумал он.

Вдруг Джон резко поднял голову, потревоженный каким-то неожиданным звуком. В лесу, чуть повыше, раздавались выстрелы; отовсюду доносились привычные лесные шорохи, печальный, чуть слышный шелест падающих листьев. Но это был другой звук… сухой, отрывистый щелчок.

Внезапно Джон остро ощутил опасность. Сколько времени он просидел здесь? Полчаса? Час? Кто-то следил за ним. Кто-то… Этот щелчок, конечно, это…

Джон резко повернулся. Он вообще реагировал на все очень быстро. Но в данном случае недостаточно быстро… Глаза его широко раскрылись от удивления, но он не успел издать ни звука.

Прогремел выстрел, и Джон упал, растянув-

шись на краю бассейна. Темное пятно медленно расползлось на левом боку; тоненькая струйка потекла на бетон, а оттуда красные капли стали падать в голубую воду бассейна.

Глава 11

Эркюль Пуаро смахнул последнюю пылинку со своих туфель. Он очень тщательно одевался к предстоящему ленчу и остался доволен результатом.

Хотя он достаточно хорошо знал, какой костюм полагался для воскресного дня в загородном английском поместье, он не пожелал следовать английской традиции. У Эркюля Пуаро были свои собственные представления об элегантности. Он не английский помещик и не станет одеваться, как английский помещик. Он — Эркюль Пуаро!

Пуаро не нравилось (он признавался себе в этом) жить в сельской местности, проводить выходные в коттедже!.. Но многие из его друзей так носились с этой идеей, что и он наконец купил коттедж «Тихая гавань», хотя единственное, что ему нравилось, — это архитектура дома… Настоящий куб, совсем как коробка! Местные пейзажи хоть и числились красивейшими в Англии, для Пуаро были совершенно безразличны. Все здесь было, по его мнению, слишком асимметрично, чтобы нравиться. Пуаро не любил деревьев из-за

их неопрятной привычки сбрасывать листья. Он еще мог терпеть тополь и одобрял араукарию[33], но буйство дубов и буков совсем не производило на него впечатления. Таким пейзажем лучше всего наслаждаться в погожий день из окна автомобиля и, воскликнув «Quel beau paósage!»[34], поскорее возвратиться в хороший отель.

Лучшим местом в «Тихой гавани», по мнению Пуаро, был маленький огород с аккуратно спланированными грядками. Их разбил садовник-бельгиец Виктор, а его жена охотно посвятила себя заботам о желудке хозяина.

Эркюль Пуаро прошел через калитку, вздохнув, посмотрел еще раз на свои сверкающие черные туфли, поправил гамбургскую шляпу[35] и оглядел дорогу. При виде соседнего коттеджа — «Голубятни» — он даже слегка вздрогнул. Эти два коттеджа — «Тихая гавань» и «Голубятня» — были построены соперничавшими архитекторами,

---

[33] Сноски: 33

Араукария — чилийская ель, хвойное растение из семейства еловых с большими яйцевидными шишками, достигающее значительной высоты и растущее в Америке.

[34] Сноски: 34

Какой красивый вид! *(фр.)*

[35] Сноски: 35

Гамбургская шляпа — мужская фетровая шляпа с узкими, немного загнутыми полями и продольной вмятиной на мягкой тулье (названа по городу Гамбург, где впервые стали производить такие шляпы).

которые приобрели по небольшому участку земли. Дальнейшая их деятельность была ограничена Национальным комитетом по охране природы. Коттеджи представляли разные школы архитектурной мысли. «Тихая гавань» — коробка с крышей, строго современная и несколько скучная; «Голубятня» — смесь разных стилей, затиснутая в минимальное пространство.

Эркюль Пуаро вел мысленный спор сам с собой, каким путем направиться к «Лощине». Он знал, что немного выше дороги есть небольшая калитка и тропинка. Этот «неофициальный» путь сэкономит добрых полмили. Однако Эркюль Пуаро, приверженец этикета, избрал более длинный путь, чтобы подойти к дому, как полагается, с главного входа.

Это был его первый визит к сэру и леди Энкейтлл, и он полагал, что не стоит пользоваться кратчайшим путем без специального разрешения, особенно если идешь в гости к людям с видным общественным положением. Пуаро, признаться, был польщен этим приглашением.

— Je suis un peu snob![36] — пробормотал он.

У него сохранилось приятное впечатление от

---

[36] Сноски: 36
Я немножко сноб! *(фр.)*

встречи с Энкейтллами в Багдаде, особенно от леди Энкейтлл. «Une originale!»[37] — подумал он.

Пуаро рассчитал, сколько потребуется времени, чтобы пройти пешком до «Лощины», и его расчет оказался верным. Без одной минуты час он позвонил в дверь. Пуаро был рад, что наконец добрался; он не любил ходить пешком и слегка устал.

Дверь открыл великолепный, по мнению Пуаро, дворецкий. Прием, однако, оказался не совсем таким, как он надеялся.

— Ее сиятельство в павильоне около плавательного бассейна. Не угодно ли вам следовать за мной?

Пристрастие англичан к приемам на свежем воздухе всегда раздражало Эркюля Пуаро. «В середине лета с такой прихотью еще можно мириться, — думал он, — но в конце сентября!» Дни, правда, стояли теплые, но все же, как и полагается осенью, в воздухе чувствовалась сырость. Насколько приятнее было бы войти в уютную гостиную, где, может быть, даже горит камин… Так нет же! Вместо этого его через застекленную дверь по склону лужайки потащили в сад, мимо

---

[37] Сноски: 37
Оригиналка! *(фр.)*

рокария и, наконец, через небольшую калитку вывели на узкую тропинку, проложенную среди густо растущих каштанов.

У Энкейтллов было заведено приглашать гостей к часу дня и в погожие дни пить коктейли и херес в небольшом павильоне около плавательного бассейна. Ленч назначался на час тридцать с тем расчетом, что к этому времени сумеют прибыть даже самые непунктуальные из гостей и это даст возможность замечательному повару леди Энкейтлл — миссис Медуэй — спокойно приступить к приготовлению суфле и прочих деликатесов, требующих строго определенного срока.

Подобный распорядок совсем не прельщал Пуаро.

«Еще немного, и я вернусь туда, откуда сегодня вышел», — думал он, продолжая следовать за высокой фигурой Гаджена и все больше и больше чувствуя, как узки его туфли.

Вдруг впереди он услышал, как кто-то вскрикнул, и это еще больше усилило его недовольство. Крик был совершенно неуместен в этой обстановке. Пуаро не определил его характер, да и вообще не думал о нем. Позднее, когда он размышлял об этом, то не мог вспомнить, какие чувства пере-

давал этот крик. Испуг? Удивление? Ужас? Одно можно было сказать наверняка: кто-то вскрикнул от неожиданности.

Выйдя из каштановой рощи, Гаджен почтительно отступил в сторону, чтобы дать Пуаро пройти, и одновременно откашлялся, готовясь произнести: «Мистер Пуаро, миледи» — почтительно приглушенным тоном. И вдруг он застыл неподвижно, громко ловя ртом воздух, что было совсем недостойно образцового дворецкого.

Эркюль Пуаро вышел на открытое место, окружавшее бассейн, и тоже мгновенно замер.

Ну это было уж слишком… в самом деле слишком! Такой дешевки он не ожидал. Утомительный путь пешком, разочарование из-за приема на открытом воздухе… и теперь это! Странное чувство юмора у этих англичан!

Пуаро был раздражен и удручен… Да, крайне удручен! Смерть не может быть забавной. А для него приготовили эту шутку, ибо то, что он видел, являло собой в высшей степени ненатуральную сцену убийства. На краю бассейна лежало тело, артистично расположенное, с откинутой рукой, и даже алая краска, переливаясь через бетонный край бассейна, тихо капала в воду. Это было очень эффектное тело красивого светловолосого муж-

чины. Над ним, держа револьвер в руке, стояла женщина средних лет, крепкого телосложения, со странным, отсутствующим взглядом.

Было еще три актера. В дальнем конце бассейна стояла высокая молодая женщина с волосами цвета осенних листьев глубоких коричневых тонов. В руках у нее была корзинка, полная срезанных отцветших георгинов. Несколько поодаль — мужчина, довольно обыкновенный внешне, с ружьем и в охотничьем костюме, а слева от него с корзиной яиц в руке сама хозяйка дома, леди Энкейтлл.

Пуаро успел заметить, что здесь, у бассейна, сходилось несколько дорожек, значит, все эти люди пришли с разных сторон. Все, казалось, было рассчитано заранее и выглядело крайне неестественно.

«Enfin!»[38] — вздохнул Пуаро. Чего они ждут от него? Чтобы он притворился, что верит в это «убийство»? Выразил растерянность… беспокойство?.. Или ему следует поклониться и поздравить хозяйку: «Ах, как прелестно вы все для меня устроили!..»

В самом деле, чрезвычайно глупо… и неин-

---

[38] Сноски: 38
В конце концов! *(фр.)*

теллигентно. Кажется, королева Виктория[39] говорила: «Нас это не позабавило!» Пуаро испытывал сильное желание повторить то же самое: «Меня, Эркюля Пуаро, это не забавляет!»

Леди Энкейтлл направилась к тому месту, где лежало тело. Пуаро поспешил за ней, чувствуя тяжелое дыхание Гаджена за своей спиной. «Он явно не был посвящен в розыгрыш», — подумал Пуаро. Те двое с другой стороны бассейна тоже подошли, так что теперь все были довольно близко, и стояли, глядя вниз на эффектно раскинувшуюся фигуру на краю бассейна.

Внезапно произошло нечто ужасное. Подобно тому как на экране кинематографа расплывчатое пятно изображения, попав в фокус, принимает четкие очертания, так Пуаро неожиданно понял: эта неестественно театральная сцена — реальность. Он смотрел если не на мертвого, то, во всяком случае, на умирающего, а через бетонный край бассейна капала в воду не краска, а кровь… Этот человек был убит… и убит совсем недавно.

Пуаро быстро взглянул на женщину с револьвером в руке. На лице — никаких чувств, оно казалось бессмысленным и даже тупым.

---

[39] Сноски: 39

Виктория (1819–1901) — английская королева, последняя из Ганноверской династии, правившая в 1837–1901 годах.

«Любопытно, — подумал Пуаро, — она так опустошена, потому что вложила в этот выстрел все душевные силы? И теперь осталась лишь пустая оболочка? Может быть…»

Он перевел взгляд на тело и невольно вздрогнул: глаза были открыты. Ярко-голубые глаза. И хотя Пуаро не мог объяснить их взгляд, но для себя определил его как предельно напряженный…

Пуаро вдруг показалось, что во всей этой группе людей по-настоящему живым был только один человек… тот, который находился теперь на грани смерти. Никогда еще Пуаро не встречал настолько ярко выраженной жизненной силы. Все остальные в сравнении с ним были лишь бледными, тенеподобными фигурами, актерами далекой драмы, а он один был — настоящий!

Губы Джона Кристоу дрогнули.

— Генриетта!.. — Голос был неожиданно сильный и настойчивый.

Но веки тотчас закрылись, голова дернулась в сторону.

Эркюль Пуаро опустился на колени и, удостоверившись, встал, машинально стряхнув пыль с брюк.

— Да, он мертв…

И сразу картина дрогнула, рассыпалась, чтобы

через миг опять стать четкой. Теперь видна была индивидуальная реакция… мелкие, тривиальные случайности. Пуаро чувствовал, что его слух и зрение необыкновенно обострились, он мысленно регистрировал, да, именно регистрировал, все происходящее.

Он увидел, как руки леди Энкейтлл, державшие корзину, разжались, и Гаджен, выскочив вперед — «Разрешите мне, миледи…» — быстро взял корзину из ее рук.

— Спасибо, Гаджен, — механически поблагодарила леди Энкейтлл, а затем нерешительно произнесла: — Герда…

Женщина с револьвером в руке наконец пошевелилась. Она посмотрела вокруг. Когда она заговорила, в ее голосе звучало полное замешательство.

— Джон мертв, — сказала она. — Джон мертв…

Высокая молодая женщина с волосами цвета осенних листьев быстро и решительно подошла к ней.

— Дайте мне это, Герда! — сказала она и проворно, прежде чем Пуаро успел запротестовать или вмешаться, взяла револьвер из рук Герды.

Пуаро быстро шагнул вперед:

— Вы не должны были этого делать, мадему-

азель…

При звуке его голоса молодая женщина нервно вздрогнула, и револьвер с плеском упал в воду.

— Ох! — воскликнула она с испугом и, повернув голову, виновато посмотрела на Эркюля Пуаро. — Какая я глупая! — произнесла она. — Простите!

Пуаро ничего не ответил, он пристально смотрел на нее. Чистые карие глаза женщины твердо встретили его взгляд, и Пуаро усомнился в справедливости своего мгновенного подозрения.

— По возможности, — сказал он тихо, — ничего нельзя трогать до прихода полиции.

Легкое движение… чуть заметное, всего лишь слабая зыбь тревоги.

— Разумеется. Я полагаю… Да, конечно, полиция, — с неудовольствием сказала леди Энкейтлл.

— Боюсь, Люси, это неизбежно, — тихо сказал мужчина в охотничьем костюме. — Полиция! — в негромком голосе слышался легкий оттенок неприязни.

В установившейся тишине послышались шаги и голоса; уверенные, быстрые шаги и неуместно веселые голоса. По дорожке со стороны дома, разговаривая и смеясь, шли сэр Генри и Мидж. При виде застывшей группы возле бассейна сэр

Генри резко остановился.

— В чем дело? Что случилось? — воскликнул он с удивлением.

— Герда, — сказала леди Энкейтлл и вдруг остановилась. — Я хочу сказать… Джон…

— Джон убит… — безжизненным голосом произнесла Герда. — Он мертв.

Все смущенно отвели от нее взгляд.

— Моя дорогая, — быстро заговорила леди Энкейтлл, — я думаю, вам лучше всего пойти и… и лечь. Пожалуй, нам всем лучше вернуться в дом. Генри и мосье Пуаро могут остаться здесь и… и ждать полицейских.

— Думаю, это самое правильное решение, — сказал сэр Генри. Он повернулся к Гаджену: — Вы позвоните в полицию, Гаджен? Сообщите точно, что произошло. Когда явятся полицейские, проводите их прямо сюда.

— Слушаюсь, сэр Генри! — Гаджен слегка наклонил голову. Он немного побледнел, но оставался все таким же идеальным слугой.

— Пойдемте, Герда, — сказала высокая молодая женщина и, взяв ее под руку, повела по дорожке к дому.

Герда шла как во сне. Гаджен отступил немного в сторону, чтобы дать им пройти, а затем после-

довал за ними с корзинкой яиц в руках.

Когда они ушли, сэр Генри обернулся к жене:

— Ну а теперь, Люси, скажи, что все это значит? Что на самом деле произошло?

Леди Энкейтлл протянула руки в беспомощном, красивом жесте. Эркюль Пуаро оценил его очарование.

— Я и сама не знаю, дорогой! Я была в курятнике. Услышала выстрел, и так близко, но я не придала этому никакого значения. В конце концов, — она обращалась теперь ко всем, — кто мог подумать! Потом я по дорожке пришла к бассейну… Там лежал Джон, а над ним стояла Герда с револьвером. Генриетта и Эдвард появились почти одновременно… Вон оттуда. — Она кивнула в сторону дальнего конца бассейна, где две тропинки вели в лес.

Эркюль Пуаро кашлянул.

— Кто такие Джон и Герда? — спросил он. — Могу ли я узнать? — добавил он извиняющимся тоном.

— Да, конечно, — повернулась к нему леди Энкейтлл и в свою очередь поспешно извинилась: — Простите… но как-то не думаешь о том, что нужно представлять людей друг другу, когда только что произошло убийство. Джон — это

Джон Кристоу, доктор Кристоу. Герда Кристоу — его жена.

— А леди, которая пошла в дом вместе с миссис Кристоу?

— Моя кузина, Генриетта Сэвернейк.

Пуаро заметил легкое, едва уловимое движение человека, стоявшего слева от него. «Ему не хотелось бы, чтоб это имя упоминалось, — подумал Пуаро. — Но ведь я все равно узнаю!»

«Генриетта!» — сказал умирающий, и сказал очень необычно. Это напомнило Пуаро… какой-то инцидент… Какой же? Неважно, он вспомнит потом.

Между тем леди Энкейтлл продолжала, решив все-таки исполнить свои обязанности хозяйки:

— А это другой наш кузен, Эдвард Энкейтлл, и мисс Хардкасл.

Эркюль Пуаро ответил вежливым поклоном. Глядя на это, Мидж вдруг почувствовала, что сейчас истерически рассмеется. Она с трудом сдержалась.

— А теперь, дорогая, — сказал сэр Генри, — я думаю, как ты и предлагала, вам всем лучше вернуться в дом, а мы с мосье Пуаро немного поговорим.

Леди Энкейтлл задумчиво смотрела на них.

— Надеюсь, Герда легла, — наконец сказала она. — Я правильно сделала, что предложила ей лечь? Я просто не знала, что сказать! Такого у нас не случалось. Действительно, что говорят женщине, которая только что убила своего мужа?

Она посмотрела на всех, словно надеясь получить какой-нибудь ответ, потом пошла по дорожке к дому. Мидж последовала за ней. Эдвард замыкал шествие.

Пуаро остался с хозяином дома. Сэр Генри кашлянул. Казалось, он не знал, что сказать.

— Кристоу, — произнес он наконец, — был очень способный человек… очень способный.

Взгляд Пуаро снова остановился на мертвом теле, распростертом у бассейна. Пуаро все еще не оставляло странное ощущение, что в убитом больше жизненной силы, чем в живых. Странно, почему у него сложилось такое впечатление?

— Да, вас постигло большое несчастье, — вежливо сказал Пуаро.

— Подобные происшествия больше по вашей части, — заметил сэр Генри. — Кажется, мне никогда не приходилось так близко сталкиваться с убийством. Надеюсь, я действовал правильно?

— Да, вполне. Вы известили полицию, и до прихода полицейских ничего не остается… разве что

следить, чтобы никто не трогал ни тела, ни улик.

Говоря это, он смотрел в бассейн, где на бетонном дне лежал револьвер, очертания которого были слегка искажены толщей голубой воды. Об уликах, пожалуй, уже «позаботились», прежде чем он смог этому помешать. Нет, это была случайность.

— Вы полагаете, мы должны оставаться здесь? — с неудовольствием спросил сэр Генри. — Холодновато. Вы не возражаете, если мы зайдем в павильон?

Чувствуя сырость сквозь подошву ботинок и дрожь во всем теле, Пуаро с удовольствием согласился. Павильон находился с другой, удаленной от дома стороны бассейна. Оттуда через открытую дверь были видны и бассейн, и тело убитого, и дорожка, ведущая к дому, на которой должны были появиться полицейские.

Павильон был роскошно обставлен: удобные диваны, на полу — яркие восточные ковры. На крашеном железном столике стоял поднос с бокалами и бутылкой хереса.

— Я предложил бы вам выпить, — сказал сэр Генри, — но полагаю, лучше ничего не трогать до прихода полиции… Хотя не думаю, что здесь есть что-либо интересное для полицейских, но

лучше не рисковать. Гаджен, я вижу, не приносил коктейли. Ждал вашего прихода.

Они осторожно уселись на плетеные кресла около двери, чтобы видеть дорожку и дом. Оба чувствовали себя скованно. Пустой светский разговор в данной ситуации был как-то неуместен.

Пуаро обвел глазами павильон, подмечая все, что казалось ему необычным. На спинке стула была небрежно брошена дорогая пелерина из светло-серебристого меха. Кому она могла принадлежать? Ее слишком броское великолепие не соответствовало облику ни одной из увиденных им здесь женщин. Он, например, никак не мог представить себе такую пелерину на плечах леди Энкейтлл.

Это его насторожило. Вещь свидетельствовала о претенциозности, любви к саморекламе, а этих качеств он не подметил ни в ком в этом доме.

— Ну, курить, я думаю, мы можем, — сказал сэр Генри, протягивая Пуаро свой портсигар.

Прежде чем закурить, Пуаро несколько раз глубоко втянул воздух. Французские духи… дорогие французские духи. Правда, в павильоне остался лишь слабый след, но он все же был ощутим, и опять-таки этот запах не ассоциировался ни с кем из обитательниц или гостей «Лощины».

Наклонившись вперед, чтобы зажечь сигарету от зажигалки сэра Генри, Пуаро увидел небольшую стопку спичечных коробков… шесть штук, сложенных на маленьком столике одного из диванов.

Эта деталь поразила его своей необычностью.

Глава 12

— Половина третьего, — сказала леди Энкейтлл.

Она сидела в гостиной вместе с Мидж и Эдвардом. Дверь в кабинет сэра Генри была закрыта; оттуда доносились тихие голоса. Кроме сэра Генри, там были Эркюль Пуаро и инспектор Грэйндж.

Леди Энкейтлл вздохнула.

— Знаешь, Мидж, я чувствую: что-то надо предпринять с ленчем. Конечно, кажется очень бессердечным сесть за стол, как будто ничего не случилось. Но, в конце концов, мосье Пуаро был приглашен на ленч, и он, наверное, голоден. К тому же он не может быть в такой степени, как мы, огорчен тем, что бедный Джон Кристоу убит. И хотя мне есть не хочется, но Генри и Эдвард, должно быть, невероятно голодны, после того как все утро стреляли в лесу…

— Дорогая Люси, обо мне не беспокойся, — сказал Эдвард.

— Ты, Эдвард, всегда очень деликатен! И потом, Дэвид… Я заметила, как он много ел вчера за

обедом. Должно быть, люди, занятые интеллектуальным трудом, всегда нуждаются в большом количестве пищи. Между прочим, где Дэвид?

— Он поднялся в свою комнату, когда узнал, что случилось, — ответила Мидж.

— Ну что ж, довольно тактично с его стороны. Думаю, он почувствовал себя неловко. Конечно, что ни говори, а убийство создает определенные трудности — угнетающе действует на прислугу и нарушает установленный порядок… На ленч сегодня должны быть утки. К счастью, их можно есть и холодными. А как быть с Гердой? Подать что-нибудь ей в комнату? Может, немного крепкого бульона?

«В самом деле, Люси просто бесчеловечна!» — подумала Мидж. И тут же усомнилась в своей правоте. Может, Люси, наоборот, слишком человечна и потому так шокирует окружающих? Разве не правда, что трагедии сопровождаются заурядными, тривиальными проблемами? Это правда, простая и неприукрашенная! Люси просто высказала то, в чем большинство людей не признаются. На самом деле все помнят о прислуге, беспокоятся об обеде и даже испытывают голод. Мидж и сама в эту минуту чувствовала себя голодной! «Хочется есть, — думала она, — и

в то же время тошнит при мысли о еде. Странное сочетание!» Ну и, конечно, все испытывают неловкость, не зная, как теперь относиться к этой тихой, заурядной женщине, которую все еще вчера называли «бедняжкой Гердой» и которая, очевидно, скоро предстанет перед судом по обвинению в убийстве мужа.

«До сих пор я считала, что такое случается только с другими людьми, — думала Мидж. — Это не может быть с нами! — Через комнату она посмотрела на Эдварда. — Не должно случиться с такими уравновешенными людьми, как Эдвард».

Глядя на Эдварда, Мидж немного успокоилась: он так рассудителен, добр и сдержан.

Вошел Гаджен и, конфиденциально склонившись, произнес приглушенным (соответственно обстоятельствам) голосом:

— Сандвичи и кофе сервированы в столовой, миледи.

— О, благодарю вас, Гаджен! Гаджен неподражаем! — сказала леди Энкейтлл, как только дворецкий удалился. — Что бы я без него делала! Он всегда знает, как надо поступить! Действительно, большие сытные сандвичи не хуже, чем полноценный ленч… К тому же в них нет ничего бессердечного, вы понимаете, что я имею

в виду…

— О, Люси, не надо!..

Мидж вдруг почувствовала, как горячие слезы побежали по щекам. Леди Энкейтлл с удивлением прошептала:

— Бедняжка! Все это слишком потрясло тебя.

Эдвард подошел к дивану и, усевшись рядом с Мидж, обнял ее за плечи.

— Успокойтесь, малышка Мидж!

Уткнувшись ему в плечо, Мидж плакала, испытывая облегчение. Ей почему-то вспомнилось, как добр был к ней Эдвард, когда в Эйнсвике у нее умер кролик.

— Это шок, — мягко сказал Эдвард. — Люси, можно я налью ей коньяку?

— На буфете в столовой. Не думаю…

В комнату вошла Генриетта, и Люси сразу замолкла, Мидж выпрямилась, а Эдвард весь напрягся и сидел неподвижно.

«Что чувствует сейчас Генриетта?» — думала Мидж. Ей почему-то не хотелось смотреть на кузину… К тому же та держалась странно.

Генриетта выглядела, пожалуй, воинственно. Она вошла с высоко поднятой головой, на щеках румянец, движения быстрые.

— О, это ты, Генриетта! — воскликнула леди Эн-

кейтлл. — А я уж думала… Полицейский с Генри и мосье Пуаро. Что ты дала Герде? Коньяк? Или чай и аспирин?

— Я дала ей немного коньяку… и грелку.

— Правильно, — одобрила леди Энкейтлл. — Этому учат на занятиях по оказанию первой помощи… Я имею в виду, при шоке — грелка и коньяк. Теперь, правда, против стимуляторов, но, я думаю, это просто мода. В Эйнсвике, когда я была еще ребенком, мы всегда давали коньяк при шоке. Хотя на самом деле, я думаю, у Герды не совсем шоковое состояние. В общем, я не представляю, что чувствуют, убив мужа… Это невозможно себе представить, но все-таки это не шок. Я хочу сказать, в этом случае нет фактора неожиданности.

Холодный как лед голос Генриетты нарушил мирную атмосферу гостиной:

— Почему вы все уверены, что Джона убила Герда?

В наступившей тишине Мидж ощутила перемену в настроении присутствующих… Смущение, натянутость и, наконец, напряженность…

— Это казалось очевидным, — произнесла через некоторое время леди Энкейтлл. Голос ее был совершенно ровным. — А что ты предполагаешь?

— Разве не могло быть так, что Герда, придя к бассейну, увидела там Джона… лежащим на земле и только подняла револьвер, как мы все подошли.

Снова воцарилось молчание. Затем леди Энкейтлл спросила:

— Это Герда так говорит?

— Да.

Ответ Генриетты не был простым подтверждением, в нем чувствовалась сила, и прозвучал он неожиданно, как револьверный выстрел.

Брови леди Энкейтлл высоко поднялись, затем она сказала с явной непоследовательностью:

— Сандвичи и кофе сервированы в столовой.

Она слегка запнулась, когда в гостиную вошла Герда Кристоу.

— Я… я чувствую, что не могу больше лежать, — быстро, извиняющимся тоном произнесла Герда. — Так… так тревожно!

— Вы должны сесть! — воскликнула леди Энкейтлл. — Вы должны немедленно сесть!

Согнав Мидж с дивана, она усадила Герду, подложив ей под спину подушку. «Бедняжка!» Слова и действия леди Энкейтлл выражали заботу и в то же время казались совершенно бессмысленными.

Эдвард подошел к окну и стал смотреть в сад.

— Я… я только сейчас начинаю понимать, — сказала Герда, отбросив со лба прядь неопрятных волос. Она говорила нервно и обескураженно. — Понимаете, я не могла поверить… Я все еще не могу поверить, что Джон… мертв! — Она начала дрожать. — Кто мог его убить? Кто же мог… его убить?

Леди Энкейтлл глубоко вздохнула и вдруг резко повернула голову: дверь из кабинета сэра Генри открылась, и он появился в сопровождении инспектора Грэйнджа, крупного тяжеловесного человека с усами, пессимистически опущенными вниз.

— Это моя жена… Инспектор Грэйндж.

Инспектор поклонился.

— Леди Энкейтлл, — спросил он, — могу я немного поговорить с миссис Кристоу?

Леди Энкейтлл указала на женщину, сидевшую на диване.

— Миссис Кристоу?

— Да, я миссис Кристоу, — поспешно ответила Герда.

— Мне не хотелось вас беспокоить, миссис Кристоу, но я вынужден задать вам несколько вопросов. Вы, конечно, можете, если хотите, по-

требовать присутствия вашего поверенного…

— В некоторых случаях, Герда, это разумнее, — вмешался сэр Генри.

— Поверенный? — перебила его Герда. — Зачем поверенный? Почему поверенный должен что-то знать о смерти Джона?

Инспектор кашлянул. Сэр Генри хотел было заговорить, но Генриетта поспешно сказала:

— Инспектор просто хочет знать, что случилось сегодня утром.

— Все было похоже на дурной сон… — В голосе Герды звучало удивление. — Я… я не могла даже плакать. Кажется, ничего не чувствовала, совсем ничего.

— Это шок, миссис Кристоу, — сказал успокаивающе Грэйндж.

— Да-да… наверное. Видите ли, все случилось так внезапно. Я вышла из дома и пошла по дорожке к бассейну…

— В котором часу, миссис Кристоу?

— Около часа… приблизительно без двух минут час. Я знаю, потому что посмотрела на часы. А когда я пришла туда… там лежал Джон… и кровь на бетонной плите бассейна…

— Вы слышали выстрел, миссис Кристоу?

— Да… нет… я не знаю. Я знала, что сэр Генри и

мистер Энкейтлл стреляли в лесу… Я… я только видела Джона…

— Да, миссис Кристоу, продолжайте.

— Джона… и кровь… и револьвер. Я подняла револьвер.

— Почему?

— Простите?

— Почему вы подняли револьвер?

— Я… я не знаю.

— Вы не должны были его трогать!

— Не должна? — Взгляд у Герды был рассеянный, лицо безучастное. — Но я подняла револьвер. Я взяла его в руку…

Она посмотрела на свои руки, словно видела лежащий в них револьвер, затем круто повернулась к инспектору. Голос у нее стал неожиданно резким, полным душевной муки:

— Кто мог убить Джона? Никто не мог желать ему смерти! Он… был лучший в мире! Такой добрый, бескорыстный… Он жил для других. Его все любили, инспектор. Он был замечательный доктор! Самый добрый, самый хороший муж. Это, должно быть, несчастный случай… несчастный случай! Спросите кого угодно, — она жестом обвела гостиную, — никто не мог хотеть смерти Джона! Правда?

Она обращалась ко всем, кто находился в комнате. Инспектор Грэйндж закрыл свой блокнот.

— Благодарю вас, миссис Кристоу, — сказал он ровным, бесстрастным тоном. — Пока это все!

Эркюль Пуаро и инспектор Грэйндж через каштановую рощу подошли к бассейну. То, что недавно было Джоном Кристоу, а теперь стало просто «телом», сфотографированное, промеренное, описанное и обследованное полицейским врачом, было уже убрано и отправлено в морг. Плавательный бассейн показался Пуаро странно безмятежным. Все касающееся этого дня было странно расплывчатым. Только не Джон Кристоу! Даже умирая… он сохранил целеустремленность и чувство реальности. Теперь плавательный бассейн был не просто бассейном, а местом, где обнаружили тело Джона Кристоу и где его кровь стекала по бетонному краю в неестественно голубую воду.

Неестественно… Пуаро ухватился за это слово. Да, во всем происшедшем было что-то неестественное. Словно…

К инспектору подошел человек в купальном костюме.

— Вот револьвер, сэр, — сказал он.

Грэйндж осторожно взял револьвер, с которого

капала вода.

— Конечно, никакой надежды на отпечатки пальцев, — заметил он, — но, к счастью, в данном случае это не имеет значения. Миссис Кристоу держала револьвер в руках, когда вы пришли. Верно, мосье Пуаро?

— Да.

— Следующий этап — опознание оружия, — продолжал Грэйндж. — Я думаю, это сделает сэр Генри. Полагаю, она взяла револьвер из его кабинета.

Он окинул взглядом бассейн.

— Итак, давайте еще раз проверим. Дорожка ниже бассейна ведет к ферме, как раз по ней пришла леди Энкейтлл. Двое других — мистер Эдвард Энкейтлл и мисс Сэвернейк — появились из леса, но не вместе, он пришел по левой тропинке, а она по правой, ведущей к длинной цветочной куртине[40] выше дома. Но когда вы пришли, они оба стояли в дальнем конце бассейна. Так?

— Да.

— А эта дорожка от павильона ведет к проселочной дороге. Верно? Вот по ней мы и пойдем.

По пути Грэйндж продолжал говорить спо-

---

[40] Сноски: 40

Куртина — огороженная дерном цветочная или иная гряда в саду.

койно, со знанием дела и с известной долей пессимизма.

— Мне никогда не нравились подобные случаи в судебной практике. В прошлом году, например… около Эшриджа. Он был военный в отставке… отличная карьера. Его жена — приятная тихая женщина шестидесяти пяти лет, старомодные манеры, седые волосы… довольно красивые, волнистые. Увлекалась садоводством. В один прекрасный день она идет в его комнату, берет револьвер, выходит в сад и стреляет в него. Вот так-то! Конечно, за всем этим всегда что-то кроется, и это «что-то» надо раскрыть. Иногда придумывают глупую историю о каком-то бродяге! Мы, пока ведем следствие, конечно, делаем вид, что верим в бродягу, но понимаем, что к чему.

— Значит, вы решили, что миссис Кристоу убила своего мужа. Вы это хотите сказать?

Грэйндж с удивлением посмотрел на него.

— А вы, разве вы так не думаете?

— Возможно, все было так, как она говорит, — раздумчиво сказал Пуаро.

Инспектор пожал плечами:

— Возможно. Но маловероятно. Все они тоже считают, что она его убила. Они знают что-то, че-

го мы не знаем. — Он с любопытством посмотрел на своего спутника. — Когда вы пришли, вы ведь тоже думали, что она его убила. Верно?

Пуаро, стараясь вспомнить, закрыл глаза. Он, Пуаро, идет по дорожке… Гаджен отступает в сторону… Герда Кристоу стоит над телом мужа с револьвером в руке… Взгляд у нее отсутствующий. Да, как сказал Грэйндж, он подумал тогда, что это сделала Герда. Во всяком случае, подумал, что они, устроив эту сцену, хотели, чтобы у него сложилось такое впечатление…

Да, но ведь это не одно и то же!

Театральная сцена… чтобы ввести в заблуждение…

Была ли похожа Герда на женщину, которая только что убила своего мужа? Именно это хотел знать инспектор Грэйндж.

Неожиданно Эркюль Пуаро с огромным удивлением подумал, что, несмотря на свой большой опыт в расследовании преступлений, ему никогда не приходилось сталкиваться, так сказать, лицом к лицу с женщиной, только что убившей мужа. Как выглядит женщина в подобных ситуациях? Торжествующей, повергнутой в ужас, удовлетворенной, ошеломленной, скептической, опустошенной?

«Возможно любое из этих чувств!» — подумал он.

Инспектор продолжал говорить, но Пуаро не слушал его и уловил лишь конец фразы:

— …как только соберешь все факты, а это обычно делается через прислугу.

— Миссис Кристоу возвращается в Лондон? — спросил Пуаро.

— Да, там остались дети. Придется отпустить ее. Конечно, мы не выпустим ее из поля зрения, но она об этом не узнает. Будет думать, что выкрутилась. По-моему, умом она не блещет.

«Понимает ли Герда, — спрашивал себя Пуаро, — что думает полиция… и что думают все Энкейтллы? Кажется, она ничего не понимает. У нее замедленная реакция. Она выглядит как женщина, совершенно убитая горем».

Они вышли на проселок. Пуаро остановился у своей калитки.

— Ваше гнездышко? Просто и аккуратно! Ну что ж, до свиданья, мосье Пуаро! Спасибо за помощь. Я загляну к вам как-нибудь рассказать, как идут дела.

Он оглядел дорогу.

— Кто ваш сосед? Кажется, здесь поселилась наша новая знаменитость?

— По-моему, актриса, мисс Вероника Крэй. Приезжает на выходные.

— Да, конечно, «Голубятня». Мне мисс Крэй понравилась в «Леди верхом на тигре», но вообще-то она не в моем вкусе. Слишком высокомерна. Мне подавайте Дину Дурбин[41] или Хэйди Ламарр[42].

Инспектор стал прощаться.

— Пожалуй, мне пора. Служба требует. Пока, мосье Пуаро!

— Узнаете, сэр Генри?

Инспектор Грэйндж положил револьвер на стол перед сэром Генри и выжидательно смотрел на него.

— Можно взять? — Рука сэра Генри замерла над револьвером.

Грэйндж кивнул.

— Он был в бассейне. Все отпечатки, естественно, уничтожены. Смею заметить, очень жаль, что мисс Сэвернейк уронила револьвер в воду.

— Д-да… разумеется, но это был очень неприят-

---

[41] Сноски: 41

Дина Дурбин (род. 1921) — актриса кино и театра, родившаяся в Канаде; в 30–40-х годах работала в Голливуде.

[42] Сноски: 42

Хэйди Ламарр (род. 1914) — псевдоним австрийской актрисы Хедвиги Кислер, работавшей с 1937 года в Голливуде, а также на американском радио и телевидении.

ный момент для всех нас. Женщинам свойственно, разволновавшись… гм… ронять вещи.

Инспектор Грэйндж снова кивнул:

— Мисс Сэвернейк в общем-то кажется хладнокровной и расторопной молодой леди.

Инспектор говорил совершенно бесстрастно, однако что-то в его словах заставило сэра Генри посмотреть ему в глаза.

— Итак, сэр Генри?!

Взяв в руки револьвер, сэр Генри внимательно осмотрел его, взглянул на номер и сравнил с данными небольшой записной книжки в кожаном переплете. Затем, вздохнув, он закрыл книжку и сказал:

— Да, инспектор, револьвер из моей коллекции.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Вчера во второй половине дня. Мы стреляли по мишеням, и это один из револьверов, которые были у нас.

— Кто вчера стрелял из этого револьвера?

— Думаю, все, хотя бы по одному выстрелу.

— И миссис Кристоу?

— И миссис Кристоу.

— А после того, как вы кончили стрелять?

— Я положил револьвер на место. Сюда.

Из большого письменного стола он выдвинул ящик, наполовину заполненный револьверами разных систем.

— У вас большая коллекция огнестрельного оружия, сэр Генри!

— Это было моим хобби в течение многих лет.

Взгляд инспектора задумчиво остановился на экс-губернаторе островов Хэллоуин. Представительный, незаурядный человек, под чьим началом он сам был бы не прочь послужить. Собственно говоря, он с удовольствием предпочел бы его своему теперешнему начальнику. Инспектор Грэйндж был невысокого мнения о начальнике полиции Уилдшира, человеке суетливом, деспотичном, к тому же барском прихвостне… Инспектор с усилием заставил себя вернуться к делу.

— Револьвер, разумеется, не был заряжен, когда вы возвратили его на место, сэр Генри?

— Конечно, нет!

— А где вы храните патроны?

— Здесь.

Сэр Генри взял ключ из специального отделения письменного стола и открыл им один из ящиков.

«Довольно просто! — подумал инспектор. —

Миссис Кристоу видела, где хранятся патроны. Ей нужно было только прийти и взять их. Ревность делает с женщинами черт знает что!..»

Инспектор готов был поставить десять против одного, что это была ревность. Все станет ясным, когда он закончит работу здесь и отправится на Харли-стрит. Но все должно идти своим чередом.

Инспектор поднялся.

— Благодарю вас, сэр Генри! — сказал он. — Я сообщу вам, когда будет назначено заседание суда.

Глава 13

На обед была подана холодная утка, за которой следовало крем-брюле, что, по мнению леди Энкейтлл, свидетельствовало о немалой чуткости со стороны миссис Медуэй.

— Вот вам яркий пример проявления деликатности, — сказала леди Энкейтлл, — наша кухарка, миссис Медуэй, знает, что мы не очень любим крем-брюле. Было бы крайне непристойно сразу же после смерти друга есть любимый пудинг. А крем-брюле — так просто… Оно такое, как бы это лучше сказать, — скользкое… и его всегда можно немного оставить на тарелке.

Затем, вздохнув, она выразила надежду, что они поступили правильно, отпустив Герду в Лондон.

— И хорошо, что Генри поехал вместе с ней.

Сэр Генри настоял на том, чтобы отвезти Герду на Харли-стрит.

— Она, конечно, должна будет приехать на заседание суда, — рассуждала леди Энкейтлл, задумчиво продолжая есть крем-брюле. — Естественно, Герда хотела сама сообщить детям… Они

могли узнать обо всем из газет… В доме осталась только гувернантка-француженка. Всем известно, как француженки возбудимы, возможно, у нее crise de nerfs[43]. Генри все уладит. И я думаю, с Гердой все будет в порядке. Она, очевидно, пригласит кого-нибудь из родственников… скорее всего сестер. У таких женщин, как Герда, обязательно есть сестры, три или четыре. Я думаю, они живут в Танбридж-Уэллс.

— Люси! Ты говоришь невероятные вещи! — воскликнула Мидж.

— Ну, если хочешь, пусть будет Торки… Хотя нет, не Торки… Им было бы по крайней мере шестьдесят пять лет, если бы они жили в Торки… Может быть, Истборн или Сент-Леонард…

Леди Энкейтлл посмотрела на последнюю ложку крем-брюле, подумала и очень деликатно отложила ее в сторону, оставив крем несъеденным. Дэвид, единственный, кто любил десерт, мрачно смотрел на свою пустую тарелку.

Леди Энкейтлл встала из-за стола.

— Я думаю, всем сегодня хочется лечь спать пораньше, — сказала она. — Такой напряженный день, не правда ли? Когда читаешь о подобных ве-

---

[43] Сноски: 43
Нервный шок *(фр.)*.

щах в газете, не можешь даже представить себе, насколько это утомительно. Я чувствую себя так, словно прошла пешком миль[44] пятнадцать… Хотя я ничего не делала, а только сидела… Но это тоже утомительно! Ведь не станешь читать книгу или газету — это так бессердечно выглядит! Хотя, я думаю, прочитать передовую статью в «Обзёрвер»[45] вполне прилично… Но не «Ньюс оф де уорлд»[46]. Вы со мной согласны, Дэвид? Мне интересно знать, что думают молодые люди. Не хочется отставать от жизни.

Дэвид проворчал, что никогда не читает «Ньюс оф де уорлд».

— А я всегда читаю, — заявила леди Энкейтлл. — Мы, правда, делаем вид, что получаем ее ради слуг, но Гаджен, человек весьма тактичный, забирает газету только после чая. По-моему, это самая интересная газета! Все подробности о женщинах, которые кончают жизнь самоубийством, положив голову на газовую плиту… Оказывается,

---

[44] Сноски: 44

Миля — мера длины, равная 1,609 км.

[45] Сноски: 45

«Обзёрвер» — старейшая воскресная газета умеренно-консервативного направления.

[46] Сноски: 46

«Ньюс оф де уорлд» — воскресная газета бульварного толка, часто публикующая сенсационные материалы, основанная в 1843 году.

таких невероятное множество!

— Что они будут делать, когда в домах все будет электрифицировано? — произнес Эдвард с легкой улыбкой.

— Думаю, они вынуждены будут примириться со своим существованием… И это намного разумнее!

— Я с вами не согласен, сэр, — сказал Дэвид, — в том, что все дома в будущем должны быть электрифицированы. Нельзя исключать централизованного обеспечения электроэнергией. Все дома рабочего класса должны быть экономичными…

Эдвард поспешил заметить, что не очень разбирается в этом вопросе, и губы Дэвида скривились в презрительной улыбке.

Гаджен, двигаясь несколько медленнее обычного, чтобы передать ощущение скорби, внес на подносе кофе.

— О, Гаджен, — обратилась к нему леди Энкейтлл, — об этих яйцах… Я хотела было, как всегда, поставить на них карандашом дату. Не попросите ли вы миссис Медуэй сделать это?

— Я думаю, миледи, вы сами убедитесь в том, что все исполнено должным образом. — Он кашлянул. — Я сам все сделал.

— О, благодарю вас, Гаджен!

Когда он вышел, леди Энкейтлл негромко заметила:

— Поистине Гаджен великолепен! Да и все слуги просто удивительны. Им можно посочувствовать, что приходится терпеть в доме полицейских. Для них это, наверное, ужасно. Между прочим, кто-нибудь остался?

— Ты имеешь в виду полицейских? — спросила Мидж.

— Да. Разве они обычно не оставляют в холле кого-то из своих? Или, может быть, он следит за парадной дверью из кустов?

— Зачем им нужно стеречь парадный вход?

— Я, право, не знаю. Судя по книгам, они всегда так делают. А потом ночью еще кто-нибудь оказывается убитым.

— О Люси, не надо! — воскликнула Мидж.

— Извини, дорогая. Глупо с моей стороны. И конечно, никого больше не убьют. Герда уехала домой… Я хочу сказать… О, Генриетта, дорогая, извини! Я не хотела…

Генриетта ничего не ответила. Она стояла у круглого столика, разглядывая записи, сделанные во время вчерашней игры в бридж.

— Извини, Люси, что ты сказала? — спросила

она.

— Мне хотелось бы знать, остался ли кто-нибудь из полицейских?

— Как остатки товара после распродажи? Не думаю. Они все, должно быть, отправились к себе в участок, чтобы записать все, что мы сообщили, соответствующим «полицейским языком».

— На что ты смотришь, Генриетта?

— Да так, ни на что. — Она прошла через комнату и подошла к камину. — Что, по-твоему, делает сегодня Вероника Крэй?

Выражение беспокойства промелькнуло на лице леди Энкейтлл.

— Дорогая! Уж не думаешь ли ты, что она может снова явиться? Она, должна быть, уже слышала…

— Да, — задумчиво произнесла Генриетта, — думаю, она слышала.

— Кстати, это мне напомнило… — сказала леди Энкейтлл. — Я обязательно должна позвонить Кари. Мы не можем принять их завтра к ленчу, сделав вид, будто ничего не произошло.

Она вышла из гостиной.

Дэвид, проклиная в душе своих родственников, проворчал, что хочет посмотреть что-то в «Бри-

танике»[47]. «В библиотеке, — подумал он, — по крайней мере, будет спокойнее».

Генриетта, подойдя к стеклянной двери и открыв ее, вышла в сад. После минутного колебания Эдвард последовал за ней. Когда он подошел, она стояла, глядя на небо.

— Не так тепло, как вчера, не правда ли? — сказала она.

— Да, заметно холоднее, — вежливо отозвался Эдвард.

Генриетта стояла, глядя на дом. Окинула взглядом окна, потом повернулась в сторону парка. Эдвард понятия не имел о том, что у нее на уме.

— Давай лучше вернемся. Холодно. — Он двинулся к дому.

Генриетта покачала головой.

— Хочу немного пройтись. К бассейну…

— Я пойду с тобой… — Он сделал шаг в ее сторону.

— Нет, спасибо, Эдвард. — Слова звучали резко, словно рассекали холодный воздух. — Я хочу побыть одна с моим мертвым…

— Генриетта, милая… Я ничего не говорил, но

[47] Сноски: 47

«Британика» (Британская энциклопедия) — крупнейшая английская энциклопедия, впервые изданная в трех томах в 1768–1771 годах в Эдинбурге, а в 1979 году вышедшая в тридцати томах.

ты знаешь, как я сожалею…

— Сожалеешь? Ты сожалеешь, что умер Джон Кристоу? — Тон был все таким же неприятно резким.

— Я хотел сказать, что мне жаль тебя, Генриетта. Я понимаю, это должно быть… большим потрясением.

— Потрясением? О, я очень вынослива, Эдвард! Я могу выдержать потрясение. А для тебя это тоже было потрясением? Что ты чувствовал, когда увидел его лежащим там, у бассейна? Полагаю, ты был доволен. Тебе не нравился Джон Кристоу.

— Он и я… У нас не очень много общего, — тихо сказал Эдвард.

— Как деликатно ты выражаешься! Как сдержанно! Однако, по правде говоря, у вас было нечто общее. Вы оба любили меня, не правда ли? Только это не объединяло вас… как раз наоборот.

Луна полностью вышла из-за облака, и Эдвард поразился, увидев лицо Генриетты. Он всегда представлял себе Генриетту в отражении Эйнсвика. Для него она навсегда осталась смеющейся девушкой с глазами, полными радостного ожидания. Женщина, которую он видел теперь перед собой, казалась незнакомой. Глаза ее сверкали, но были холодны и смотрели на него враждебно.

— Генриетта, милая, — сказал он серьезно, — поверь, я сочувствую тебе… в твоем горе, твоей потере.

— Горе?

Вопрос удивил его. Казалось, она спрашивала не его, а самое себя.

— Так быстро… это может случиться так быстро, — проговорила она тихо. — Сейчас жив, дышит, а через мгновение — мертв, его не стало, пустота!.. О, пустота! А мы едим крем-брюле и считаем себя живыми, в то время как Джон, который был самым живым среди нас, — мертв! Ты вслушайся в это слово: мертв… мертв… мертв. И вот оно уже не имеет смысла… никакого смысла. Просто странное коротенькое слово, похожее по звуку на треск сломанной ветки. Мертв… мертв… мертв… Как тамтам[48], звучащий в джунглях, верно? Мертв… мертв… мертв…

— Прекрати! Ради всего святого, прекрати!

Она с удивлением посмотрела на него.

— Ты не ожидал, что я буду так вести себя? Ты думал, я буду сидеть и тихо лить слезы в

---

[48] Сноски: 48

Тамтам (томтом) — звукоподражательное слово, воспроизводящее звук барабана и используемое как название простейших барабанов, бой которых в некоторых обществах сопровождает ритуальные танцы, передает сигналы и сообщения и т. п.

хорошенький носовой платочек, а ты будешь успокаивать меня, держа за руку? Конечно, это большое потрясение, но со временем я успокоюсь, а ты прекрасно утешишь меня. Ты в самом деле хороший. Ты очень хороший, Эдвард, но такой… совсем другой.

Эдвард отшатнулся. Лицо его напряглось.

— Да, я всегда это знал, — сказал он сухо.

Генриетта с ожесточением продолжала:

— Как ты думаешь, каково мне было сидеть весь вечер, зная, что Джон мертв и никому до этого нет дела, кроме меня и Герды! Ты — доволен, Дэвид — смущен, Мидж — взволнована, Люси — деликатно радуется тому, что ожили страницы «Ньюс оф де уорлд»!.. Разве ты не видишь всей чудовищности этого фантастического кошмара?

Эдвард ничего не ответил. Он отступил назад, в тень.

— Сегодня, — сказала Генриетта, глядя на него, — никто не кажется мне настоящим, никто… кроме Джона!

— Да, знаю. Я не очень настоящий, — тихо сказал Эдвард.

— Какая же я дрянь, Эдвард! Но я не могу иначе, не могу согласиться с тем, что Джон, в котором было столько жизни, — мертв!

— А я, наполовину мертвый, — живу…

— Этого я не имела в виду, Эдвард!

— Думаю, ты имела в виду именно это, и, очевидно, ты права.

— Это не горе… — продолжала она задумчиво, возвращаясь к прежней мысли. — Может быть, я не могу почувствовать горя. Может, никогда не смогу… И все же… мне хотелось бы горевать по Джону…

Ее слова казались невероятными. Однако Эдвард удивился еще больше, когда Генриетта вдруг сказала почти деловым тоном:

— Я должна идти к бассейну, — и скрылась за деревьями.

С трудом переставляя негнущиеся ноги, Эдвард вошел в дом.

Мидж видела, как Эдвард шагнул в гостиную. Ничего не видящий взгляд; в сером, словно иззябшем лице — ни кровинки. Он не заметил ее короткого восклицания, которое она сразу же подавила. Почти машинально он прошел по комнате, опустился на стул и, чувствуя, что от него чего-то ждут, сказал:

— Холодно.

— Вам холодно, Эдвард? Может быть, мы… может быть, я зажгу камин?

— Что?

Мидж взяла коробок спичек с камина, опустилась на колени и разожгла огонь. Осторожно, искоса она посмотрела на Эдварда. Он был, казалось, совершенно ко всему безразличен.

— Огонь — это очень хорошо, — наконец произнес Эдвард. — Он согревает…

«Надо же, совсем застыл, — подумала Мидж. — Но сейчас ведь не так холодно… Это Генриетта. Что она ему сказала?»

— Эдвард, пододвиньте стул ближе к огню.

— Что?

— Ваш стул, Эдвард, ближе к огню, — сказала она громко и медленно, словно говорила с глухим.

Неожиданно, настолько неожиданно (у Мидж сразу камень свалился с души), Эдвард, прежний Эдвард был опять с ней и нежно ей улыбнулся.

— Вы что-то сказали, Мидж? Извините! Я задумался.

— О, ничего особенного. Просто зажгла камин.

Трещали поленья, ярким и чистым пламенем горели еловые шишки. Эдвард смотрел на них.

— Какой приятный огонь!

Он протянул к пламени длинные тонкие руки, чувствуя, как напряжение покидает его.

— В Эйнсвике у нас всегда были еловые шишки, — сказала Мидж.

— И теперь тоже. Каждый день корзинка с еловыми шишками ставится у каминной решетки.

Эдвард в Эйнсвике… Мидж прикрыла глаза, представляя себе эту картину. Эдвард, скорее всего, в библиотеке, в западной части дома. Высокая магнолия почти закрывает одно окно, в полдень наполняя всю комнату золотисто-зеленым светом. Из другого окна видна лужайка, где, как страж, поднимается высокая сосна, а немного вправо от нее — большой медный бук.

О, Эйнсвик… Эйнсвик!

Мидж явственно ощутила аромат магнолии, на которой даже в сентябре остается несколько крупных белых восковых цветков, издающих сладковатый запах… И запах сосновых шишек, горящих в камине… И специфический, чуть затхлый запах старой книги в руках у Эдварда. Он читает, сидя на стуле с седловидной спинкой. Взгляд от книги скользит к огню; он думает о Генриетте…

Мидж шевельнулась и спросила:

— Где Генриетта?

— Пошла к бассейну.

— Зачем?

Отрывистый, глубокий голос Мидж словно разбудил Эдварда.

— Мидж, дорогая, вы, конечно, знаете… или догадываетесь. Генриетта знала Кристоу довольно близко…

— О разумеется, это всем известно! Но мне непонятно, зачем она отправилась на то место, где он был убит. Это совсем не похоже на Генриетту. Ей не свойственна сентиментальность!

— Разве кто-нибудь из нас знает своего ближнего? Например, Генриетту…

Мидж нахмурилась.

— В конце концов, Эдвард, вы и я, мы знаем Генриетту всю нашу жизнь!

— Она изменилась.

— Да нет! Я не думаю, что человек может измениться.

— Генриетта очень изменилась.

Мидж удивленно посмотрела на него.

— Больше, чем вы или я?

— О, я знаю, что не изменился. А вы…

Взгляд Эдварда наконец остановился на девушке, стоявшей на коленях у каминной решетки. Он вглядывался в ее лицо как бы издалека: квадратный подбородок, темные глаза, решительный рот.

— Мне хотелось бы чаще видеть вас, Мидж.

Она улыбнулась:

— Я понимаю, в наши дни общаться нелегко.

Снаружи донесся какой-то звук, и Эдвард встал.

— Люси права, — сказал он. — День был действительно утомительный…

Он вышел из комнаты в ту минуту, когда из сада через застекленную дверь вошла Генриетта.

— Что ты сделала с Эдвардом? — накинулась на нее Мидж.

— С Эдвардом? — спросила рассеянно Генриетта; наморщив лоб, она, казалось, думала о чем-то очень далеком.

— Да, с Эдвардом. Он выглядел ужасно: холодный, мрачный и бледный.

— Мидж, если тебе так небезразличен Эдвард, почему ты не предпримешь что-нибудь?

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю. Стань на стул и закричи! Чтобы он обратил на тебя внимание. Разве ты не знаешь, что с такими людьми, как Эдвард, по-другому нельзя?

— Он никого не полюбит, кроме тебя, Генриетта. Он всегда тебя любил!

— Это очень неразумно с его стороны. — Генри-

етта быстро взглянула на бледное лицо Мидж. — Я обидела тебя. Извини. Просто сегодня я ненавижу Эдварда!

— Ненавидишь Эдварда? Как ты можешь?..

— О да, могу! Ты не знаешь…

— Что?

— Он напоминает мне многое, — медленно сказала Генриетта, — что я хотела бы забыть.

— Что именно?

— Ну, например, Эйнсвик!

— Эйнсвик? Ты хотела бы забыть Эйнсвик?! — В голосе Мидж было недоумение.

— Да, да, да! Я была там счастлива! А сейчас я не могу вынести даже напоминания о счастье. Неужели ты не понимаешь? Это было время, когда не знаешь, что тебя ждет, когда веришь, что все будет прекрасно! Некоторые люди мудры… они не надеются быть счастливыми. Я надеялась… Я никогда не вернусь в Эйнсвик! — резко добавила она.

— Кто знает, — задумчиво сказала Мидж.

Глава 14

В понедельник утром Мидж проснулась внезапно. Мгновение она лежала в полусне, взгляд ее беспокойно устремлялся к двери, она ожидала увидеть там леди Энкейтлл… Что это Люси сказала в то первое утро, появившись в дверях? Трудные выходные? Она была озабочена… думала, случится что-то неприятное…

Да, что-то неприятное произошло… что-то лежащее теперь тяжким грузом на сердце и душе Мидж… о чем она не хочет ни думать, ни вспоминать… Что-то пугающее, связанное с Эдвардом!

Мгновенно вернулась память. Какое омерзительное слово «убийство»!

«О нет, — думала Мидж, — не может быть! Мне просто приснилось. Джон Кристоу убит, мертв… там, около бассейна. Кровь и голубая вода… как на обложке детективного романа. Неправдоподобно, нереально! С нами такое не должно было случиться. Если бы мы сейчас были в Эйнсвике! Там ни за что бы не случилось ничего подобного».

Невыносимая тяжесть, давившая на нее, сконцентрировалась теперь под ложечкой, вызывая

легкую тошноту.

Нет, это не сон! Происшествие в стиле «Ньюс оф де уорлд»! В этом деле замешаны все: и она, и Эдвард, и Люси, и Генри, и Генриетта…

Несправедливо! Совершенно несправедливо… Герда убила своего мужа, а мы тут совершенно ни при чем!

Мидж беспокойно шевельнулась.

Тихая, неумная, чуть жалкая Герда… Разве она способна на такие мелодрамы? Герда, конечно, никого бы не смогла убить.

И снова ей стало не по себе. Нет-нет, так думать нельзя… Если не Герда, то кто же другой? Герда стояла над телом Джона с револьвером в руке. Револьвер она взяла из кабинета Генри.

Герда сказала, что нашла Джона мертвым и подняла револьвер. А что она могла сказать? Она ведь должна была что-то ответить, бедняга.

Хорошо Генриетте защищать Герду… Однако, заявив, что все сказанное Гердой правдоподобно, подумала ли она, к чему может привести следствие? К самым невероятным результатам.

Вчера вечером Генриетта была очень странной. Но это, конечно, шок, вызванный смертью Джона Кристоу. Бедная Генриетта… Она так сильно любила Джона! Но, конечно, со временем это

пройдет, все проходит… И тогда она выйдет замуж за Эдварда и будет жить в Эйнсвике, и Эдвард наконец будет счастлив.

Генриетте всегда нравился Эдвард. Просто так уж случилось, что Джон Кристоу, энергичный, властный, встал на их дороге, и Эдвард в сравнении с ним выглядел таким… таким блеклым.

Когда Мидж спустилась к завтраку, она была поражена — Эдвард теперь, когда рядом не было Джона Кристоу, снова стал самим собой. Он выглядел более уверенным, не таким замкнутым и нерешительным. Эдвард любезно разговаривал с Дэвидом, который по-прежнему смотрел сердито и отвечал неохотно.

— Дэвид, вы должны чаще приезжать в Эйнсвик. Мне хотелось бы, чтобы вы чувствовали себя там как дома и получше познакомились с имением.

Накладывая себе джем, Дэвид холодно ответил:

— Такие большие имения абсолютно нелепы. Их необходимо разделить.

— Надеюсь, это произойдет после меня, — улыбаясь, сказал Эдвард. — Мои арендаторы довольны.

— А не должны бы! — заявил Дэвид. — Никто

не должен быть доволен.

— «Если бы мартышки были довольны своими хвостами», — проговорила леди Энкейтлл, стоя у буфета и рассеянно глядя на блюдо с почками. — Эти стихи я учила еще в детстве и никак не могу припомнить, как дальше. Я должна поговорить с вами, Дэвид, и узнать от вас новые идеи. Насколько я поняла, нужно всех ненавидеть и в то же время предоставить им бесплатное образование и медицинское обслуживание. Бедняги! Эти беспомощные детишки, толпящиеся каждый день в школах… и рыбий жир, который насильно вливают младенцам, хотят они того или нет… Препротивно пахнущая жидкость!

«Люси, — подумала Мидж, — ведет себя как всегда». Гаджен, мимо которого Мидж прошла в холле, тоже выглядел как всегда. Жизнь в «Лощине», казалось, опять шла своим чередом. С отъездом Герды все происшедшее стало похоже на страшный сон. Вскоре послышался скрип колес по гравию, и машина сэра Генри подъехала к дому. В Лондоне он переночевал в клубе и выехал рано.

— Ну как, дорогой, — спросила Люси, — все в порядке?

— Да, секретарь — очень компетентная де-

вушка — была на месте и все взяла на себя. Там, кажется, была сестра. Ее вызвала секретарша.

— Я так и думала, — сказала леди Энкейтлл. — Из Танбридж-Уэллс.

— Кажется, Бексхилл[49], — взглянув с недоумением на жену, ответил сэр Генри.

— Бексхилл? Пожалуй… Да, вполне возможно, — после некоторого раздумья согласилась леди Энкейтлл.

Подошел Гаджен:

— Сэр Генри, звонил инспектор Грэйндж. Заседание суда назначено на среду в одиннадцать часов.

Сэр Генри кивнул головой.

— Мидж, — сказала леди Энкейтлл, — ты позвонила бы в свой магазин…

Мидж медленно пошла к телефону. Вся жизнь ее протекала так размеренно и заурядно… Она чувствовала, что ей не хватит слов, чтобы объяснить хозяйке магазина, почему после четырех выходных она все-таки не может вернуться на работу. Сказать, что она замешана в убийстве… Это звучит просто дико! Дико! К тому же мадам Элфридж — особа, которой не так-то просто что-

---

[49] Сноски: 49

Бексхилл — город на побережье пролива Ла-Манш, курорт.

либо объяснить…

Мидж решительно вздернула подбородок и сняла телефонную трубку.

Разговор вышел таким, как она и ожидала. Противный хриплый голос той ядовитой коротышки прозудел:

— Что такое, мизз Харуказзл? Змерть? Похороны? Вы прекраззно знаете, что у меня не хватает людей! Вы думаете, я буду терпеть важи оправдания? О конежно, вы там, полагаю, развлекаетезь!

Мидж, прервав ее, объяснила все коротко и понятно.

— Полизия?! Вы зказали, полизия… — Голос мадам Элфридж сорвался на визг. — Вы зпутались з полизия?!

Стиснув зубы, Мидж продолжала объяснять. Как грязно опошлила эта женщина на другом конце провода случившееся у них горе. Вульгарное полицейское дело! Сколько же желчи в этом существе!

В комнату вошел Эдвард, но, увидев, что Мидж говорит по телефону, хотел было уйти. Она остановила его:

— Останьтесь, Эдвард. Пожалуйста, прошу вас!

Присутствие Эдварда давало ей силу противостоять ядовитым замечаниям, сыпавшимся ей в

ухо. Она убрала руку, которой закрывала трубку.

— Что? Да, извините, мадам. Но, видите ли, это не моя вина…

Противный хриплый голос продолжал сердито кричать:

— Кто эти важи друзья? Что это за люди, езли у них в доме полизия и убийство? Мне вообже хочется, чтобы вы не возвражжализ! Я не могу допузтить, чтобы позтрадала репутазия моего магазина!

Мидж отвечала покорно и уклончиво. Наконец со вздохом облегчения положила трубку. Ее подташнивало и всю трясло.

— Это место, где я работаю, — объяснила она. — Я должна была сообщить, что не могу вернуться до вторника из-за судебного разбирательства и… полиции.

— Что собой представляет этот магазин одежды, где вы работаете? Надеюсь, хозяйка магазина вела себя порядочно? Она симпатичная, приятная женщина?

— Я бы этого не сказала! Она из Уайтчепла[50]. С крашеными волосами и голосом как у коро-

---

[50] Сноски: 50

Уайтчепл — один из беднейших районов Ист-Энда в Лондоне.

стеля[51].

— Но, Мидж, милая…

Выражение ужаса на лице Эдварда почти заставило Мидж рассмеяться — он выглядел таким озабоченным.

— Дитя мое… вы не должны работать в этом магазине. Если уж работать, надо выбрать место с приятным окружением, чтобы вам были по душе люди, с которыми общаешься.

Мидж мгновение смотрела на него, не отвечая.

«Ну, как ему объяснишь, — думала она, — такому человеку, как Эдвард? Что он знает о рынке труда, о работе?» В душе Мидж внезапно поднялась волна горечи. Люси, Генри, Эдвард… да, даже Генриетта… всех их отделяет от нее непреодолимая пропасть… пропасть, разделяющая праздных людей и работающих. Они не имеют представления о том, как трудно найти работу, а уж если нашел, то чего стоит ее не потерять! Конечно, можно сказать, что ей, собственно говоря, нет надобности зарабатывать на жизнь. Люси и Генри с удовольствием взяли бы ее к себе… или с равным удовольствием могли бы выделить

[51] Сноски: 51

Коростель — небольшая птица семейства пастушковых, живущая на лугах, быстро бегающая и плохо летающая. Издает громкие резкие звуки.

ей содержание. Эдвард охотно сделал бы то же самое. Но что-то не позволяло ей принять легкую жизнь, предлагаемую состоятельными родственниками. Изредка приезжать и погружаться в прекрасно налаженную, роскошную жизнь «Лощины» — само по себе превосходно! Этим Мидж могла наслаждаться. Однако стойкий дух независимости удерживал ее от того, чтобы принять такую жизнь из чьих-то рук. Это же чувство не разрешало Мидж открыть собственное дело — не хотела одалживаться у родственников и друзей. Она вдоволь насмотрелась, чем это кончается.

Мидж не хотела ни брать деньги взаймы, ни пользоваться протекцией. Она сама нашла себе работу на четыре фунта в неделю, и мадам Элфридж, нанявшей ее в надежде, что Мидж направит в ее магазин своих друзей из фешенебельного общества, пришлось разочароваться. Мидж стойко отклоняла подобные попытки всех друзей и знакомых.

Мидж не питала никаких иллюзий в отношении своей работы. Она испытывала отвращение к магазину, к мадам Элфридж, к постоянному раболепству перед раздражительными и дурно воспитанными покупательницами, но она очень сомневалась в том, что сможет найти другое, бо-

лее приятное место, ведь у нее не было никакой специальности.

Разглагольствования Эдварда о том, что перед ней открыт широкий выбор, невыносимо ее раздражали. Как он мог жить в мирке, настолько оторванном от реальности?

Они — Энкейтллы! Все до одного! А она… она лишь по матери Энкейтлл! Порою, как, например, этим утром, она вообще не чувствовала себя своей в этой семье. Она была дочерью только своего отца.

Воспоминания об отце вызвали в душе острую боль и жалость. Седой, с вечно усталым лицом. Он столько лет старался спасти небольшое семейное предприятие, которое было обречено и, несмотря на все усилия и заботы, медленно разорялось. Не из-за неспособности отца вести дела… Просто оно устарело — наступал прогресс.

Как ни странно, любовь Мидж была отдана не ее блестящей матери из рода Энкейтллов, а тихому усталому отцу. Каждый раз, возвращаясь после визита в Эйнсвик, которым неистово восторгалась всю жизнь, она читала легкое неодобрение на усталом отцовском лице и тогда бросалась ему на шею, повторяя: «Я рада, что вернулась домой… Я рада быть дома!»

Мать умерла, когда Мидж было тринадцать лет. Иногда Мидж сознавала, как мало она знала о своей матери, рассеянной, очаровательной и веселой. Сожалела ли она о своем замужестве, которое поставило ее вне клана Энкейтллов? Этого Мидж не знала.

После ее смерти отец становился все более тихим и на глазах седел. Попытки устоять в борьбе с конкурентами делались все более бесполезными. Он умер тихо и незаметно, когда Мидж было восемнадцать лет.

Мидж жила у многих родственников со стороны Энкейтллов, принимала от них подарки, развлекалась, но от денежной помощи отказывалась. И хотя она любила их, иногда остро чувствовала себя человеком не из их круга.

«Они ничего не знают о жизни», — думала она с затаенной враждебностью.

Эдвард, чуткий, как всегда, озадаченно смотрел на нее.

— Я чем-то вас расстроил? — спросил он мягко.

В комнату вошла Люси. Она была в самой середине одного из своих обычных диалогов.

— …Видите ли, в самом деле неизвестно, предпочтет ли она «Белого оленя» или нас.

Мидж удивленно посмотрела на нее, потом на

Эдварда.

— На Эдварда смотреть бесполезно, он все равно не знает, — заявила леди Энкейтлл. — Но ты, Мидж, ты всегда очень практична.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, Люси!

Люси казалась удивленной.

— Судебное заседание, дорогая! Должна приехать Герда. Остановится она у нас или в «Белом олене»? Конечно, здесь все связано с тяжелыми переживаниями… но в «Белом олене» найдутся люди, которые будут глазеть на нее, и, конечно, репортеры. В среду в одиннадцать или в одиннадцать тридцать? — Внезапно улыбка озарила лицо леди Энкейтлл. — Я никогда не была на суде. Думаю, что серый костюм и, конечно, шляпа, как в церкви, но, разумеется, без перчаток!

Люси прошла по комнате и, подняв телефонную трубку, сосредоточенно ее рассматривала.

— Знаете, — продолжала она, — у меня, кажется, вообще теперь нет перчаток, кроме садовых! Ну и, конечно, длинных, вечерних, оставшихся еще со времен губернаторства Генри. Перчатки — это довольно глупо, не правда ли?

— Их единственное назначение — избежать отпечатков пальцев во время преступления, — сказал улыбаясь Эдвард.

— Как интересно, что ты сказал именно это! Очень интересно! А зачем мне эта штука? — Леди Энкейтлл с легким отвращением посмотрела на телефонную трубку, которую держала в руке.

— Может быть, ты хотела кому-нибудь позвонить?

— Не думаю. — Леди Энкейтлл задумчиво покачала головой и бережно положила трубку на место. — Мне кажется, Эдвард, что ты не должен волновать Мидж. Она и так переживает из-за смерти Джона больше, чем мы.

— Дорогая Люси! — воскликнул Эдвард. — Я только выразил беспокойство по поводу места, где работает Мидж. По-моему, оно совершенно неподходящее.

— Эдвард считает, что у меня должен быть восхитительный, полный понимания и сочувствия работодатель, который сможет меня оценить, — сухо сказала Мидж.

— Милый Эдвард, — с полным пониманием улыбнулась Люси и вышла из гостиной.

— Серьезно, Мидж, — обратился к ней Эдвард, — меня беспокоит…

— Она платит мне четыре фунта в неделю, — перебила его Мидж. — В этом все дело!

Она быстро прошла мимо Эдварда и вышла

в сад.

Сэр Генри сидел на своем привычном месте — низкой ограде, но Мидж свернула в сторону и направилась к цветочной дорожке. Ее родственники, конечно, очаровательны, но сегодня все их очарование ей ни к чему.

В верхней части дорожки на скамье сидел Дэвид Энкейтлл. Чрезмерным очарованием он не отличался. Мидж направилась прямо к нему и села рядом, отметив про себя со злорадством его замешательство.

«Как невероятно трудно, — подумал Дэвид, — удрать от людей».

Он вынужден был покинуть спальню из-за стремительного нашествия горничных со швабрами и тряпками. Библиотека с «Британикой», на что он уповал с оптимизмом, тоже оказалась ненадежным убежищем. Леди Энкейтлл дважды появлялась и исчезала из библиотеки, ласково обращаясь к нему с вопросами, на которые, кажется, просто невозможно дать разумный ответ.

Он вышел в сад поразмышлять о своем положении. Этот визит, на который он нехотя согласился, теперь затянулся из-за внезапного убийства. Дэвид, предпочитавший созерцательность «Академического прошлого» или серьезные дис-

куссии относительно «Будущего левого крыла», не привык иметь дело с жестокой реальностью настоящего. Дэвид, как он решительно заявил леди Энкейтлл, никогда не читал «Ньюс оф де уорлд», но случилось так, что происшествие, достойное этой газетенки, само пожаловало в «Лощину».

Убийство! Что подумают его друзья! Как, вообще говоря, следует относиться к убийству? Какую реакцию оно должно вызвать — скуку? Отвращение? Или восприниматься как нечто слегка забавное?

Стараясь разобраться во всем этом, Дэвид меньше всего хотел, чтоб ему помешала Мидж. Он с беспокойством посмотрел на нее, когда она села рядом, и его удивил вызывающий взгляд, которым она ему ответила. Несимпатичная девушка, и никакого интеллекта.

— Как вам нравятся ваши родственники?

Дэвид пожал плечами:

— Разве об этом думают!

— Стоит ли вообще о чем-либо думать?! — подхватила Мидж.

«Уж она-то, — заметил про себя Дэвид, — вовсе не способна думать». И добавил почти любезно:

— Я анализировал свою реакцию на убийство.

— Странно, конечно, быть причастным к убийству, — сказала Мидж.

— Утомительно, — отозвался, вздохнув, Дэвид. — Пожалуй, это самое подходящее определение. Все клише, которые приходят на ум, существуют только на страницах детективных романов!

— Вы, наверное, сожалеете о том, что приехали? — спросила Мидж.

Дэвид вздохнул.

— Да, я мог бы остаться с моим другом в Лондоне. У него книжный магазин, где продаются книги «Левого крыла».

— Я думаю, здесь комфортабельнее, — сказала Мидж.

— Разве комфорт так уж необходим? — презрительно спросил Дэвид.

— Иногда я чувствую, что не могу думать ни о чем другом, — сказала Мидж.

— Отношение к жизни избалованного человека! — заявил Дэвид. — Если бы вы работали…

— А я работаю, — прервала его Мидж. — Именно поэтому у меня тяга к комфорту: удобные кровати, мягкие подушки. Рано утром у вашей постели тихо ставят чашку чаю. Керамическая ванна, много горячей воды, чудесные соли для купанья,

мягкие кресла, в которых просто утопаешь…

Мидж остановилась.

— Все это рабочие должны иметь, — заявил Дэвид.

Хотя он несколько сомневался по поводу ранней чашки чаю, тихо поставленной на подносе у кровати. Это звучало уж слишком по-сибаритски[52] для серьезно организованного общества.

— Не могу не согласиться с вами, — сердечно подхватила Мидж.

[52] Сноски: 52

Сибарит — праздный, изнеженный роскошью человек (по названию древнегреческого города Сибариса на юге Италии, жители которого, по преданию, славились любовью к роскоши и удовольствиям).

Глава 15

Когда зазвонил телефон, Эркюль Пуаро наслаждался утренней чашечкой шоколада. Он встал и поднял трубку.

— Алло!

— Мосье Пуаро?

— Леди Энкейтлл?

— Как мило, что вы узнали меня по голосу. Я не помешала?

— Нисколько! Надеюсь, на вас не слишком сказались вчерашние горестные события?

— Нет, благодарю вас. В самом деле горестные, хотя я чувствую себя полностью от них отстраненной. Я позвонила, чтобы узнать, не сможете ли вы зайти… Я понимаю, что причиняю вам неудобство, но я в самом деле очень обеспокоена.

— Разумеется, леди Энкейтлл. Вы хотите, чтобы я зашел сейчас?

— Да, именно сейчас. Как можно скорее. Очень любезно с вашей стороны.

— Не стоит благодарности. Разрешите, я пройду через лес.

— О да, конечно… Это кратчайший путь. Очень

вам благодарна, мосье Пуаро!

Задержавшись, чтобы смахнуть несколько соринок с бортов пиджака и облачиться в свое легкое пальто, Пуаро вышел из дому, пересек дорогу и поспешил по тропинке через каштановую рощу. У бассейна никого не было. Полицейские закончили свою работу и ушли. В мягком туманном осеннем свете все выглядело безмятежно и мирно.

Пуаро заглянул в павильон. Он заметил, что накидку из чернобурых лисиц уже убрали, а шесть спичечных коробков все еще лежали на столике около дивана. Он снова удивился, откуда они здесь взялись.

«Совсем неподходящее место держать спички… здесь сыро. Возможно, один коробок для удобства… но не шесть!»

Пуаро наклонился над крашеным железным столиком. Поднос с бокалами тоже был убран. Кто-то набросал карандашом на столике небрежный рисунок какого-то совершенно кошмарного дерева. Эркюлю Пуаро было просто больно смотреть на него, оно оскорбляло его строго упорядоченный ум. Пуаро щелкнул языком, покачал головой и поспешил по дорожке к дому, с удивлением думая о причине такого срочного вызова.

Леди Энкейтлл ждала у застекленной двери и сразу же увлекла его в гостиную.

— Очень любезно с вашей стороны, мосье Пуаро! — Она тепло пожала ему руку.

— К вашим услугам, мадам.

Руки леди Энкейтлл взлетели в выразительном жесте, прекрасные голубые глаза широко раскрылись.

— Видите ли, все так сложно! Инспектор Грэйндж лично беседует с Гадженом, нет, допрашивает… снимает показания… Какой термин тут подходит? Вся наша жизнь здесь зависит от Гаджена, и он, безусловно, вызывает сочувствие. Просто ужасно, что его допрашивает полицейский, пусть даже сам инспектор Грэйндж. Хотя, мне кажется, инспектор Грэйндж — приятный человек и хороший семьянин. Я полагаю, сыновья… и он, наверное, помогает им по вечерам с «Меккано»…[53] и жена, которая содержит дом в идеальной чистоте, хотя у них несколько тесновато…

Эркюль Пуаро удивленно мигал, следя за тем, как леди Энкейтлл разворачивала перед ним воображаемую картину семейной жизни инспек-

---

[53] Сноски: 53

«Меккано» — фирменное название детского конструктора.

тора Грэйнджа.

— Между прочим, у него какие-то опущенные усы, — продолжала леди Энкейтлл. — Я думаю, что чересчур чистый дом может быть иногда гнетущим… Как лица больничных медицинских сестер. Их лица прямо-таки блестят от мыла! Впрочем, это чаще за границей — там не поспевают за прогрессом! В лондонских частных лечебницах много пудры и по-настоящему яркая губная помада. Но я хотела сказать, мосье Пуаро, вы в самом деле должны прийти к нам на ленч, когда вся эта нелепая история будет позади.

— Вы очень добры.

— Я лично не против полиции, — сказала леди Энкейтлл. — И нахожу это довольно интересным. «Разрешите помочь вам по мере сил», — сказала я инспектору Грэйнджу. Он кажется сбитым с толку, но методичным. Для полиции так важно определить мотив, — продолжала она. — Кстати, о больничных сестрах… Мне кажется, что Джон Кристоу… Медсестра с рыжими волосами и вздернутым носиком… довольно привлекательная. Конечно, все это было давно, и полиция может не заинтересоваться. Но, вообще говоря, неизвестно, что приходилось выносить бедняжке Герде. Она принадлежит к типу преданных людей, не так

ли? Или попросту верит всему, что ей говорят. Я думаю, это разумно, если у человека нет большого ума.

Совершенно неожиданно леди Энкейтлл распахнула дверь в кабинет и увлекла за собой Пуаро, оживленно воскликнув: «Вот и мосье Пуаро!» Она проскользнула мимо него и исчезла, закрыв за собой дверь. Инспектор Грэйндж и Гаджен сидели у стола, в углу расположился молодой человек с записной книжкой. Гаджен уважительно поднялся со стула.

Пуаро поспешно извинился:

— Я сейчас уйду. Уверяю вас, я не имел ни малейшего представления, что леди Энкейтлл…

— Нет-нет, пожалуйста. — Усы Грэйнджа в это утро выглядели еще более пессимистично.

«Может быть, — подумал Пуаро, пораженный недавним описанием инспектора, сделанным леди Энкейтлл, — может быть, в доме была большая уборка, или, возможно, купили индийский медный столик, так что бедному инспектору повернуться негде…»

Пуаро сердито отогнал эти мысли. Слишком чистый, но тесноватый дом инспектора Грэйнджа, его жена, сыновья с их увлечением «Меккано» — все это измышления беспокойного ума леди

Энкейтлл. Однако живость и правдоподобие этой картинки заинтересовали его.

— Садитесь, мосье Пуаро, — предложил Грэйндж. — Мне хотелось кое о чем спросить вас. Я уже почти закончил.

Он снова обратился к Гаджену, который почтительно, хотя против воли, занял свое место, и повернул к собеседнику невозмутимое лицо.

— И это все, что вы можете вспомнить?

— Да, сэр. Все было как всегда, сэр. Никаких неприятностей.

— Меховая накидка… в летнем павильоне у бассейна. Кому она принадлежит?

— Вы говорите, сэр, о меховой накидке? Я заметил ее вчера, когда уносил бокалы из павильона. Эта вещь не принадлежит никому в доме, сэр.

— Чья же она?

— Возможно, она принадлежит мисс Крэй, сэр. Мисс Веронике Крэй, киноактрисе. На ней было что-то похожее.

— Когда?

— Позапрошлой ночью, когда она была здесь, сэр.

— Вы не упоминали ее в числе гостей.

— Она не была приглашена, сэр. Мисс Крэй живет в «Голубятне», гм… в коттедже, вверх по

дороге. Она пришла после обеда, чтобы занять коробок спичек — у нее спички кончились.

— Она взяла шесть коробок? — спросил Пуаро.

— Верно, сэр. Ее светлость, узнав, что у нас спичек достаточно, настояла на том, чтобы мисс Крэй взяла полдюжины коробков.

— Которые она затем оставила в павильоне?

— Да, сэр. Я заметил их там вчера утром.

— Наверное, мало что ускользает от этого человека, — сказал Пуаро, когда Гаджен ушел, закрыв за собой дверь тихо и почтительно.

— Прислуга чертовски хитра, — заметил инспектор Грэйндж. — И все-таки, — добавил он с воодушевлением, — всегда есть судомойка! Судомойки — говорят! Не то что эти высокомерные дворецкие. Я отправил человека порасспросить на Харли-стрит, — продолжал инспектор, — и сам попозже поеду туда. Там мы что-нибудь узнаем. Я полагаю, знаете ли, что жене Кристоу пришлось немало вытерпеть. Вообще эти модные доктора с их пациентками… Можно только удивляться! Как я понял со слов леди Энкейтлл, были какие-то неприятности из-за медсестры. Разумеется, леди Энкейтлл говорила очень неопределенно.

— Да, — согласился Пуаро, — это в ее манере!

Умело созданная картина. Джон Кристоу и

любовные интриги с медсестрами… пикантные возможности в жизни доктора… достаточно повода, чтобы ревность Герды Кристоу привела к кульминации — убийству!

Да, ловко брошенные несколько фраз привлекают внимание к дому на Харли-стрит и уводят подальше от «Лощины», подальше от того момента, когда Генриетта Сэвернейк взяла револьвер из несопротивляющейся руки Герды Кристоу, и от другого момента, когда умирающий Джон Кристоу произнес: «Генриетта…» — размышлял, прикрыв веки, Пуаро. Внезапно он широко раскрыл глаза и спросил с нескрываемым любопытством:

— Ваши мальчики играют с «Меккано»?

— Что?! — Прервав свои размышления, инспектор Грэйндж уставился на Пуаро. — Странный вопрос. Вообще говоря, они еще маловаты, но я подумывал о том, чтобы подарить Тэдди на Рождество набор «Меккано». А почему вы спросили?

Пуаро покачал головой.

«Такие интуитивные невероятные предположения леди Энкейтлл, — подумал Пуаро, — часто могли оказаться правильными, и это делало леди Энкейтлл особенно опасной. Беспечными — кажущимися беспечными — словами она

создавала картину. И если часть этой картины оказывалась правильной, вы начинали помимо вашей воли полагать, что и другая часть картины тоже верна».

— Я хотел спросить вас, мосье Пуаро, — сказал инспектор Грэйндж, — эта мисс Крэй, актриса… она тащится сюда за спичками… Если ей нужны были спички, почему она не пришла к вам, вы живете всего в двух шагах от нее. Зачем тащиться добрых полмили?

Эркюль Пуаро пожал плечами.

— По разным причинам. Может, снобизм? Мой коттедж невелик и незначителен. Я бываю здесь только в конце недели, а сэр Генри и леди Энкейтлл — известные люди… Они живут здесь постоянно. Они, что называется, господа в этом графстве. Может быть, Вероника Крэй хотела познакомиться с ними… в конце концов, так оно и вышло…

Инспектор Грэйндж встал.

— Конечно, — согласился он, — это вполне вероятно, но не хотелось бы упустить чего-нибудь. Все-таки я не сомневаюсь, что все пойдет как по маслу. Сэр Генри опознал револьвер — он из его коллекции. Похоже, они в самом деле развлекались стрельбой по мишеням накануне — где-то

после полудня. Миссис Кристоу нужно было только войти в кабинет и взять револьвер и патроны. Она видела, куда он их положил. Все довольно просто!

— Да, — пробормотал Пуаро, — все кажется довольно просто.

«Такая женщина, как Герда Кристоу, — подумал Пуаро, — именно так могла совершить убийство. Без всяких уверток и ухищрений… под влиянием тяжкого страдания — поступок в духе ограниченной, но глубоко любящей натуры. И все-таки у нее наверняка хватило бы ума хоть как-то себя обезопасить. Или она действовала в ослеплении… так сказать, в состоянии аффекта… когда разум молчит?»

Пуаро вспомнилось пустое, ошеломленное лицо Герды.

Пока он не знал… просто не знал. Но предчувствовал, что скоро узнает.

Глава 16

Герда стянула через голову черное платье, и оно соскользнуло на стул.

— Я не знаю… Я в самом деле не знаю, — сказала она. Лицо ее было жалким. — Теперь, кажется, ничто не имеет значения.

— Понимаю, дорогая, понимаю. — Миссис Паттерсон была доброжелательна, но тверда. Она умела обращаться с людьми, понесшими тяжелую утрату. В семье о ней всегда говорили: «В критических ситуациях Элси просто великолепна!»

В данный момент она была «великолепной» в спальне своей сестры Герды на Харли-стрит. Элси Паттерсон, высокая худощавая женщина с решительными манерами, смотрела на Герду со смешанным чувством раздражения и сострадания.

Бедняжка Герда… Какая трагедия — потерять мужа… и так ужасно… но и теперь она как будто все еще не в полной мере осознает то, что произошло. «Конечно, — размышляла миссис Паттерсон, — у Герды всегда была ужасно замед-

ленная реакция. А тут еще и шок, об этом тоже нельзя забывать!»

— Я бы выбрала это черное креповое за двенадцать гиней, — сказала Элси отрывисто. «Вечно все надо решать!» — подумала она.

Герда стояла неподвижно, нахмурив брови.

— Я не знаю, — сказала она нерешительно, — как относился Джон к трауру. Кажется, он однажды говорил, что это ему не нравится.

«Джон, — подумала она, — если бы Джон был здесь и сказал, что мне делать». Но Джон больше не вернется. Никогда… никогда… никогда! Остывающая баранина на столе… стук захлопнувшейся двери приемной… Джон, взбегающий по лестнице через две ступеньки, энергичный, бодрый, полный жизни…

Полный жизни…

Распростертый у плавательного бассейна… капли крови, медленно стекающие через край… ощущение револьвера в руке… Кошмар, страшный сон, скоро она проснется, и все это окажется неправдой.

— Ты должна быть в черном на суде. — Резкий голос сестры прорвался сквозь неясные мысли Герды. — Будет более чем странно, если ты явишься туда в ярко-синем платье.

— Это разбирательство в суде, — произнесла Герда, прикрыв глаза. — Ужасно.

— Конечно, ужасно, дорогая, — быстро сказала Элси Паттерсон. — Но когда все кончится, ты сразу поедешь к нам, и мы позаботимся о тебе.

Туманная пелена, словно обволакивающая ее мозг, сгустилась.

— Что же я буду делать без Джона? — проговорила она, и в ее голосе звучал почти панический испуг.

На это у Элси Паттерсон был готовый ответ:

— У тебя есть дети. Ты должна жить для них.

Зина, как же она плакала… «Мой папа умер!» И ничком на кровать… Тэрри, бледный, с бесконечными вопросами, не проливший ни слезинки.

«Несчастный случай, — сказала она детям. — С бедным папой произошел несчастный случай!»

Берил Кольер (очень предусмотрительно с ее стороны) спрятала все утренние газеты, чтобы дети их не видели. И предупредила слуг. В самом деле, Берил очень добра и внимательна!

Тэренс пришел к матери в темную гостиную. Губы мальчика были плотно сжаты, лицо необычно бледное, почти зеленоватое.

— Почему убили отца?

— Несчастный случай, дорогой… Я… я не могу

говорить об этом.

— Это не был несчастный случай. Почему ты говоришь неправду? Это было убийство. Так пишут в газете.

— Тэрри, где ты раздобыл газету? Я сказала мисс Кольер…

Он несколько раз кивнул головой. Так странно, совсем как глубокий старик.

— Вышел и купил. Я знал, там должно быть что-то, о чем ты нам не сказала, иначе зачем было мисс Кольер их прятать?

От Тэрри никогда нельзя было скрыть правду. Он такой дотошный, постоянно требовал объяснений.

— Мама, почему его убили?

Совершенно потрясенная, почти в истерике она закричала:

— Не спрашивай меня об этом… Не говори об этом… Я не могу говорить об этом… Это слишком ужасно!

— Но они узнают, правда? Я хочу сказать, они должны узнать. Это необходимо.

Так разумно, так трезво… Герде хотелось закричать, и засмеяться, и заплакать… «Ему безразлично, — подумала она, — ему все равно… Он только задает вопросы. Он даже не заплакал».

Тэренс ушел, стараясь избежать утешений своей тетки Элси. Одинокий мальчуган с застывшим лицом. Он всегда чувствовал себя одиноким. Но до сегодняшнего дня это не имело значения. «Сегодня, — думал он, — все совсем иначе!» Хоть бы кто-нибудь ответил на его вопросы разумно и внятно.

Завтра, во вторник, он и Николсон Майнор должны были провести опыт с нитроглицерином. Он с таким волнением ждал этой минуты! Теперь радостное ожидание исчезло. Ему безразлично, даже если никогда больше он не получит нитроглицерин… При этой мысли Тэренс пришел в ужас. Никогда больше не мечтать о научных экспериментах?! «Но если отец убит… — думал он, — мой отец — убит…»

Что-то в нем шевельнулось… укоренилось… стало медленно расти… Гнев!

Постучав, Берил Кольер вошла в спальню. Она была бледна, собранна и, как всегда, практична.

— Пришел инспектор Грэйндж, — сообщила она.

Но когда Герда, судорожно вздохнув, жалобно посмотрела на нее, Берил поспешно добавила:

— Он сказал, что нет надобности вас беспокоить. Он поговорит с вами, перед тем как уйти.

Это обычные вопросы, касающиеся практики доктора Кристоу, и я смогу сообщить все, что его интересует.

— О, спасибо, Колли!

Берил быстро вышла, а Герда вздохнула с облегчением:

— Колли так помогает! Она такая практичная.

— Да, разумеется, — согласилась миссис Паттерсон, — я думаю, она отличная секретарша. Очень некрасива, бедняжка, верно? Ну что ж, это даже лучше. Особенно если работаешь с таким привлекательным мужчиной, как Джон.

— Что ты имеешь в виду? — набросилась на сестру Герда. — Джон никогда… он никогда… Ты говоришь так, словно Джон мог флиртовать или что-нибудь еще похуже, если бы у него была хорошенькая секретарша? Джон был совсем не такой!

— Конечно, нет, дорогая, — сказала миссис Паттерсон, — но все-таки мы знаем, каковы мужчины!

В приемном кабинете инспектор Грэйндж был встречен холодным, воинственным взглядом Берил Кольер. Что взгляд был именно воинственный, инспектор заметил сразу. Ну что ж, может быть, это естественно.

«Некрасивая девица, — подумал он, — я думаю, между ней и доктором ничего не было. Хотя он, может быть, ей нравился. Иногда такое бывает».

«Но не в этом случае», — пришел он к выводу после пятнадцатиминутной беседы. Ответы Берил Кольер на все его вопросы были образцово четкими. Она отвечала быстро и, совершенно очевидно, знала все детали врачебной практики доктора Кристоу как свои пять пальцев. Инспектор сменил тактику и начал потихоньку интересоваться отношениями между Джоном Кристоу и его женой.

— Они были, — сказала Берил, — в прекрасных отношениях.

— Полагаю, все же ссорились время от времени, как все супружеские пары? — Голос инспектора звучал естественно и доверительно.

— Я не помню никаких ссор. Миссис Кристоу была невероятно предана своему мужу… прямотаки рабски предана.

В голосе Берил мелькнул легкий оттенок презрения. Инспектор его заметил. «Да она феми-

нистка!»[54] — подумал он, а вслух спросил:

— Совсем не могла постоять за себя?

— Нет. Просто для нее он всегда был непререкаемым авторитетом.

— Деспотичен?

Берил задумалась.

— Нет, я бы этого не сказала. Но он был, по-моему, очень эгоистичным человеком и принимал как должное то, что миссис Кристоу всегда все делала так, как он того хотел.

— Какие-нибудь трудности с пациентами? Я имею в виду с женщинами. Не бойтесь быть откровенной, мисс Кольер. Всем известно, что у докторов бывают трудности в этом плане.

— О, вот вы о чем! — презрительно сказала Берил. — Доктор Кристоу прекрасно справлялся с подобными трудностями. У него были превосходные манеры и отличные отношения с пациентками. Он в самом деле был замечательным доктором, — добавила она с невольным восхищением в голосе.

— Были у него связи с женщинами? — спросил

---

[54] Сноски: 54

Феминизм — движение за освобождение женщин, за равенство женщин с мужчинами во всех областях жизни: в политике, в избирательных правах и т. д.; первоначально феминизм возник как движение в XVIII веке в США.

Грэйндж. — Отбросьте щепетильность, мисс Кольер, нам это очень важно знать!

— Да, я поняла. Мне об этом ничего не известно.

«Пожалуй, несколько резко, — подумал инспектор, — она не знает, но, видимо, догадывается».

— А что вы скажете о Генриетте Сэвернейк? — прямо спросил инспектор.

Берил крепко сжала губы.

— Она была близким другом семьи.

— Не было… неприятностей из-за нее между доктором и миссис Кристоу?

— Разумеется, нет!

Ответ был категоричен. Слишком категоричен.

— А что вы можете сказать о мисс Веронике Крэй?

— Вероника Крэй?

Удивление в голосе Берил было искренним.

— Она была другом доктора Кристоу, не так ли? — спросил инспектор.

— Я никогда о ней не слышала. Хотя мне, кажется, знакомо это имя…

— Киноактриса.

— Конечно! — Нахмуренные брови Берил расправились. — Недаром мне казалось, я где-то его слышала. Но я не знала, что доктор Кристоу был

с ней знаком.

Она говорила так уверенно, что инспектор решил оставить этот вопрос. Он начал расспрашивать о том, каким был доктор Кристоу в предыдущую субботу. И тут ответы Берил стали не столь четкими.

— Его поведение не было обычным, — сказала она раздумчиво.

— Чем же оно отличалось?

— Он казался рассеянным. Он долго не вызывал в кабинет последнюю пациентку, хотя обычно накануне выходных он всегда торопился поскорее закончить прием. Я думаю… да, я уверена, он был чем-то озабочен.

Но ничего более определенного она не сказала.

Инспектор Грэйндж был не очень доволен результатами допроса. Он так и не смог установить мотив преступления, а сделать это было необходимо — до того, как дело поступит к прокурору.

В глубине души Грэйндж был уверен в том, что Герда Кристоу застрелила своего мужа. Он подозревал, что она сделала это из ревности, но до сих пор не нашел никаких подтверждений. Сержант Кумбз беседовал с прислугой, но все слуги повторяли одно и то же: миссис Кристоу готова была целовать землю, по которой ступал ее муж.

«Если что-то произошло, — думал он, — то это связано с «Лощиной». Вспоминая «Лощину», инспектор испытывал определенное беспокойство. Все они там, мягко говоря, странные.

На письменном столе зазвенел телефон, и мисс Кольер сняла трубку.

— Это вас, инспектор, — сказала она.

— Алло! Грэйндж у телефона. Слушаю. Что?..

Берил почувствовала перемену в его голосе и с любопытством на него посмотрела. Лицо инспектора было еще менее выразительным, чем обычно. Он слушал… что-то ворчал…

— Да… да, понял… Это абсолютно точно? Да? Ни тени сомнения. Да… да… да. Сейчас еду. Я здесь почти кончил… Да!

Он положил трубку и какое-то время сидел молча. Наконец, взяв себя в руки, спросил совсем другим голосом, не таким, каким задавал предыдущие вопросы:

— У вас, вероятно, нет собственного мнения обо всей этой истории?

— То есть?..

— Нет ли у вас соображений относительно личности убийцы?

— Ни малейших, инспектор, — ответила она решительно.

— Когда обнаружили тело, миссис Кристоу стояла возле него с револьвером в руке… — Инспектор умышленно не закончил фразу.

Реакция Берил была быстрой и четкой.

— Если вы подозреваете миссис Кристоу, то вы ошибаетесь. Миссис Кристоу совсем не из решительных женщин. Она очень мягкая, покорная и была полностью у мужа под башмаком. Мне кажется крайне странным, что кто-то может хоть на мгновение вообразить, будто она его застрелила. Если даже обстоятельства складываются против нее.

— Ну, а если не она, то кто? — резко спросил он.

— Понятия не имею… — подумав, ответила Берил.

Инспектор направился к двери.

— Вы хотели повидать миссис Кристоу, прежде чем уйдете? — спросила она.

— Нет… Да, пожалуй, так будет лучше!

Берил снова удивилась: тон инспектора совершенно переменился, совсем не такой, как до телефонного звонка. Какое известие могло вызвать такую значительную перемену?

Герда нервно вошла в комнату. Она выглядела несчастной и ошеломленной.

— Вы узнали что-нибудь новое о том, кто убил Джона? — спросила она негромким, дрожащим голосом.

— Еще нет, миссис Кристоу.

— Это невероятно… совершенно невероятно!

— И тем не менее это случилось, миссис Кристоу.

Она кивнула, глядя вниз, комкая носовой платок, скатывая его в маленький шарик.

— Миссис Кристоу, у вашего мужа были враги? — спросил он тихо.

— У Джона? О нет! Он был удивительный человек! Все его обожали.

— А вы знаете кого-нибудь, кто затаил бы зло против него, — инспектор сделал паузу, — или против вас?

— Против меня? — Она казалась изумленной. — О нет, инспектор.

Инспектор Грэйндж вздохнул.

— А мисс Вероника Крэй?

— Вероника Крэй? О, вы имеете в виду женщину, которая пришла в тот вечер за спичками?

— Да, вы ее знали?

Герда покачала головой.

— Я никогда не видела ее раньше. Джон был знаком с ней много лет тому назад… во всяком

случае, она так сказала…

— Может быть, у нее было что-то против доктора Кристоу, а вы об этом не знали?

— Я не верю, чтобы кто-нибудь затаил злобу против Джона, — с достоинством произнесла Герда. — Он был самый добрый и бескорыстный из людей… Да, один из благороднейших людей!

— Гм, да, конечно! — сказал инспектор. — Ну что же, доброго вам утра, миссис Кристоу. Вы помните о судебном заседании? В среду, в одиннадцать часов в Маркет-Деплич. Все будет очень просто… не беспокойтесь… Очевидно, отложат на неделю, чтобы мы могли продолжить расследование.

— О да, понимаю. Спасибо.

Она стояла, внимательно глядя на него. Инспектору казалось, что она даже сейчас не уразумела того, что является главным лицом, на кого падает подозрение.

Грэйндж подозвал такси — оправданный расход в свете только что полученной им по телефону информации. Куда эти сведения приведут, он не знал. На первый взгляд они казались совершенно не относящимися к делу, даже… невероятными. В этом не было никакого смысла. Однако каким-то образом — он пока не мог понять как — это

должно было иметь определенную связь с расследованием.

Единственный вывод, который можно было сделать, — эта история оказалась не такой уж простой, как ему показалось сначала.

Глава 17

Сэр Генри удивленно смотрел на инспектора Грэйнджа.

— Я не совсем уверен, что правильно вас понимаю, инспектор.

— Все довольно просто, сэр Генри. Я прошу вас проверить вашу коллекцию огнестрельного оружия. Я думаю, она каталогизирована и снабжена указателем?

— Естественно. Однако я уже опознал револьвер как оружие из моей коллекции.

— Все оказалось не так просто, сэр Генри. — Инспектор сделал паузу. Инстинктивно он всегда был против того, чтобы сообщать какую-либо информацию, но в данном случае вынужден был это сделать. Сэр Генри — человек значительный. Он, без сомнения, уступит просьбе, но потребует объяснений. Инспектор решил, что такие объяснения необходимо дать. — Доктор Кристоу был убит выстрелом не из того револьвера, который вы опознали сегодня утром, — спокойно объяснил Грэйндж.

Брови сэра Генри поднялись.

— Удивительно! — сказал он.

Грэйндж почувствовал некоторое облегчение и благодарность сэру Генри. «Удивительно!» — вот именно, очень точное слово. Инспектор был благодарен и за то, что сэр Гэнри воздержался от комментариев. Да пока и не о чем было говорить. Удивительно… лучше и не скажешь.

— У вас есть основания полагать, — спросил сэр Генри, — что оружие, из которого был произведен роковой выстрел, из моей коллекции?

— Ни малейших. Но я должен убедиться, что оружие в самом деле не из вашей коллекции.

Сэр Генри одобрительно кивнул головой.

— Я вас понимаю. Ну что же, давайте начнем. Это займет немного времени.

Сэр Генри отпер стол и вынул записную книжку в кожаном переплете. Раскрывая ее, он снова повторил:

— Нужно совсем немного времени, чтобы проверить…

Что-то в голосе сэра Генри привлекло внимание инспектора. Он пристально посмотрел на него. Плечи сэра Генри поникли… он выглядел старше и более усталым.

Инспектор нахмурился. «Черт меня побери, — подумал он, — если я понимаю этих людей…»

— Гм!.. — произнес сэр Генри.

Грэйндж повернулся к нему всем корпусом. Краем глаза взглянул на стрелки часов. Двадцать… нет, тридцать минут прошло с тех пор, как сэр Генри сказал: «Это займет немного времени…»

— Сэр? — отрывисто спросил Грэйндж.

— «Смит-и-вессон-38»[55] отсутствует. Он был в коричневой кожаной кобуре в глубине этого ящика.

— Так… — Голос инспектора казался спокойным, хотя сам он был возбужден. — А когда, по-вашему, вы видели его на месте в последний раз?

Сэр Генри на секунду задумался.

— Это нелегко сказать, инспектор. Последний раз я открывал этот ящик неделю назад и, думаю… не будь револьвера на месте, я бы это заметил. Но я не могу сказать с уверенностью, что видел револьвер.

Инспектор утвердительно кивнул.

— Благодарю вас, сэр Генри. Я вполне понимаю. Ну что ж, я должен идти.

Инспектор спешно вышел из комнаты… Он

---

[55] Сноски: 55

«Смит-и-вессон-38» — система револьвера, личного многозарядного нарезного огнестрельного оружия большого калибра.

явно был озабочен. После ухода инспектора сэр Генри некоторое время стоял неподвижно, потом медленно вышел через застекленную дверь на террасу. Его жена (с корзинкой, в перчатках) была в саду: подрезала ножницами какие-то редкостные кусты. Она весело помахала ему.

— Что хотел инспектор? Надеюсь, он больше не будет беспокоить слуг. Знаешь, Генри, им это не по душе. Они не могут видеть в этом ничего нового или занимательного, как мы.

— А мы именно так это воспринимаем?

Она заметила необычный тон мужа и мило улыбнулась ему.

— Как устало ты выглядишь, Генри! Можно ли позволять себе так беспокоиться?

— Убийство вызывает беспокойство, Люси.

Леди Энкейтлл мгновение раздумывала, машинально продолжая подрезать ветки. Затем лицо ее стало хмурым.

— О господи!.. Это ужасные ножницы! Просто заколдованные! Вечно срезаешь ими больше, чем нужно… Что ты сказал? Убийство вызывает беспокойство? Но в самом деле, Генри, я никогда не могла понять почему! Я хочу сказать, раз уж человек должен умереть — от рака, или туберкулеза в одном из этих отвратительных светлых сана-

ториев, или от удара (ужасно! с перекошенным на сторону лицом), или его убьют, или зарежут, или, может быть, удушат… Все сводится к одному, то есть, я хочу сказать, — к смерти. На этом все беспокойства его кончаются. Зато начинаются у родственников: ссоры из-за денег, соблюдать ли траур или нет, кому достанется письменный стол тети Селины и тому подобное!..

Сэр Генри сел на каменную ограду.

— Все может оказаться более неприятным, чем мы думали, Люси.

— Ну что ж, дорогой, нужно перетерпеть! А когда все будет позади, мы можем куда-нибудь уехать. Не стоит огорчаться сегодняшними неприятностями. Давай лучше думать о будущем. Как по-твоему, нам следует отправиться в Эйнсвик на Рождество… или лучше отложить до Пасхи?

— До Рождества еще далеко, рано составлять рождественские планы.

— Да, но мне хочется мысленно представить все заранее. Пожалуй, Пасха. Да! — Люси радостно улыбнулась. — Она, конечно, придет в себя к этому времени.

— Кто? — спросил с удивлением сэр Генри.

— Генриетта, — спокойно ответила леди Эн-

кейтлл. — Я думаю, если свадьба будет в октябре… я имею в виду в октябре следующего года, тогда мы сможем провести в Эйнсвике Рождество. Я думаю, Генри…

— Лучше не надо, дорогая. Твои мысли слишком забегают вперед.

— Ты помнишь сарай в Эйнсвике? — спросила Люси. — Из него получится прекрасная мастерская! Генриетте нужна будет студия. Ты ведь знаешь, у нее настоящий талант. Эдвард, конечно, будет невероятно гордиться ею! Два мальчика и девочка было бы чудесно… или два мальчика и две девочки…

— Люси… Люси! Ты слишком увлеклась!

— Но, дорогой, — Люси широко распахнула прекрасные голубые глаза, — Эдвард ни на ком, кроме Генриетты, не женится. Он очень, очень упрям. Похож в этом на моего отца. Если уж он вбил себе что-нибудь в голову!.. Так что Генриетта, разумеется, должна выйти за него замуж! И теперь, когда Джона нет, она это сделает. Встреча с Джоном в самом деле была для нее величайшим несчастьем.

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Мне всегда казалось, Люси, что Кристоу тебе нравится.

— Я находила его забавным. В нем было очарование. Но я всегда считала, что не нужно уделять слишком много внимания кому бы то ни было.

И леди Энкейтлл осторожно, с улыбающимся лицом без сожаления срезала еще одну ветку на кусте.

Глава 18

Эркюль Пуаро посмотрел в окно и увидел Генриетту Сэвернейк, идущую по тропинке к дому. На ней был все тот же костюм из зеленого твида, в котором она была в тот день, когда был убит Кристоу. Рядом с ней бежал спаниель.

Пуаро поспешил к парадной двери: перед ним, улыбаясь, стояла Генриетта.

— Можно мне войти и посмотреть ваш дом? Мне нравится осматривать дома. Я вывела собаку на прогулку.

— Конечно, конечно! Как это по-английски — гулять с собакой!

— Да, — сказала Генриетта, — я думала об этом. Вы помните эти милые стихи:

Неспешно дни летели чередой…
Кормил утят и ссорился с женой,
На флейте «Ларго» Генделя[56] *играл,*
С собакой каждый день гулял.

---

[56] Сноски: 56

Гендель Георг Фридрих (1685–1759) — немецкий композитор и музыкант, значительную часть жизни проживший в Англии и возглавлявший в Лондоне оперный театр; автор монументальных сочинений.

И она снова улыбнулась мимолетно сверкнувшей улыбкой.

Пуаро проводил Генриетту в гостиную. Она окинула взглядом строгую, опрятную обстановку и кивнула головой.

— Очень славно. Всего по два. Какой ужасной показалась бы вам моя студия!

— Ужасной? Но почему?

— О, повсюду налипла глина… тут и там разбросаны вещи, которые когда-то мне почему-то понравились и которые могут быть только в одном экземпляре… в паре они просто убили бы друг друга!

— Это я могу понять, мадемуазель. Вы художница — человек искусства.

— А вы, мосье Пуаро, вы разве не человек искусства?

Пуаро склонил голову набок.

— Это нелегкий вопрос. Но, в общем, я бы сказал — нет! Я знал несколько преступлений, задуманных артистически… Они являлись, понимаете ли, высшим проявлением воображения… Но раскрытие этих преступлений… Нет, здесь нужна не сила созидания. Здесь требуется страсть к установлению истины.

— Страсть к истине, — задумчиво произнесла

Генриетта. — Да, я понимаю, насколько это делает вас опасным. Однако удовлетворит ли вас знание истины?

Пуаро с любопытством взглянул на нее.

— Что вы имеете в виду, мисс Сэвернейк?

— Я могу понять ваше желание знать. Однако достаточно ли для вас знать истину? Или вы будете вынуждены идти дальше: на основании этой истины — действовать?

Такой подход заинтересовал Пуаро.

— Вы хотите сказать, что, узнав правду о смерти доктора Кристоу, я мог бы удовлетвориться тем, что держал бы эту правду при себе. А вы знаете правду об этой смерти?

Генриетта пожала плечами.

— Кажется очевидным ответ — Герда. Как цинично, что жена или муж всегда подозреваются в первую очередь!

— Вы с этим не согласны?

— Я всегда стараюсь быть объективной.

— Мисс Сэвернейк, зачем вы явились сюда? — тихо спросил Пуаро.

— Должна признаться, что не обладаю вашей страстью докапываться до истины, мосье Пуаро. Прогулка с собакой — чисто английский предлог. Но вы, конечно, заметили, что у Энкейтллов нет

собаки.

— Этот факт от меня не ускользнул.

— Поэтому я взяла спаниеля взаймы у садовника. Теперь вы видите, мосье Пуаро, что я не очень правдива.

И снова сверкнула короткой улыбкой. Она показалась Пуаро невероятно трогательной.

— Нет, но вы — цельная натура.

— Почему вы так говорите?

«Она удивлена… почти напугана…» — подумал Пуаро.

— Потому что, по-моему, это действительно так, — сказал он.

— Цельная натура, — повторила задумчиво Генриетта, — хотела бы я знать, что это значит на самом деле.

Она сидела очень тихо, уставившись на ковер, затем подняла голову и посмотрела на него.

— Вы не хотите узнать, почему я пришла?

— Вам, наверное, трудно подобрать нужные слова.

— Да, пожалуй. Завтра заседание в суде, мосье Пуаро. Нужно бы решить, насколько…

Она не договорила. Встав с кресла, прошла по комнате, подошла к камину, поменяла местами несколько безделушек, а вазу с астрами, стояв-

шую в центре стола, переставила на самый край камина, отступила назад и, склонив голову набок, разглядывала результат.

— Как вам это нравится, мосье Пуаро?

— Совсем не нравится, мадемуазель!

— Я так и думала. — Она засмеялась и быстро и ловко вернула все на прежнее место. — Ну что ж, если решила что-то сказать, нечего зря тянуть! Вы такой человек, которому почему-то можно сказать все. Итак, начнем! Как вы думаете, нужно ли, чтобы полиция знала, что я была любовницей Джона Кристоу?

Голос у нее был сухой, бесстрастный. Она смотрела не на него, а на стену, поверх его головы. Указательный палец двигался по изгибам кувшина, в котором стояли пурпурные астры. Пуаро подумал, что именно это движение помогает ей справиться с волнением.

— Понимаю. Вы были его возлюбленной, — произнес Пуаро четко и тоже бесстрастно.

— Если вы предпочитаете такое выражение.

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Разве вы не то сказали?

— Нет!

— Почему?

Генриетта подошла и села рядом с ним на ди-

ван.

— Нужно называть вещи своими именами, — сказала она с расстановкой.

Интерес Пуаро усилился.

— Вы были любовницей доктора Кристоу… — сказал он. — Как долго?

— Около шести месяцев.

— Я полагаю, полиция без труда сможет установить этот факт?

— Думаю, да, — ответила она, немного поразмыслив, — если, конечно, полицейские будут искать чего-то в этом роде.

— О, конечно, будут. Уверяю вас.

— Да, думаю, что так. — Она помолчала. Положила руки на колени, вытянув пальцы, посмотрела на них, затем дружески взглянула на Пуаро. — Ну что ж, мосье Пуаро, что теперь делать? Идти к инспектору Грэйнджу и сказать… Да что можно сказать таким усам, как у него?! Это такие домашние, семейные усы.

Рука Пуаро потянулась к его собственным усам, которыми он очень гордился.

— Ну а мои, мадемуазель?

— Ваши усы, мосье Пуаро, — триумф искусства! Они несравнимы. Они, я в этом абсолютно уверена, — уникальны!

— Безусловно!

— И вполне вероятно, что именно они являются причиной моей откровенности. Однако если предположить, что полиция должна знать правду о Джоне и обо мне, так ли необходимо разглашать эту правду?

— Все зависит от обстоятельств, — сказал Пуаро. — Если полиция решит, что это не имеет отношения к делу, они будут сдержанны. Вас… это тревожит?

Генриетта кивнула. Некоторое время она пристально смотрела вниз, на свои пальцы, затем, подняв голову, сказала легко и бесстрастно:

— Зачем усугублять страдания бедной Герды? Она обожала Джона, а он мертв. Она его потеряла. К чему взваливать на нее дополнительную тяжесть?

— Вы о ней беспокоитесь?

— Вы считаете это лицемерием? Вы думаете, что, если бы меня хоть немного волновало состояние Герды, я не стала бы любовницей Джона. Но вы не понимаете… Все было совсем не так. Я не разбивала его семейную жизнь… Я была… одна из многих.

— Ах вот как!

— Нет, нет, нет! — сказала она резко. — Совсем

не то, что вы думаете. Это как раз возмущает меня больше всего! Превратное представление, которое может сложиться у большинства о том, каким на самом деле был Джон. Поэтому я пришла поговорить с вами… У меня была слабая надежда, что я сумею заставить вас понять. Я хочу сказать, мне нужно, чтоб вы поняли, какой личностью был Джон! Я так и вижу заголовки в газетах — «Интимная жизнь доктора»… Герда, я, Вероника Крэй! А Джон не был таким. Он не был человеком, у которого на уме одни женщины. Не женщины занимали главное место в его жизни, а работа! Именно работа давала ему самую большую радость и… да, и возможность ощутить риск. Если бы Джона неожиданно попросили назвать имя женщины, постоянно занимающей его мысли, он сказал бы: «Миссис Крэбтри!»

— Миссис Крэбтри? — переспросил с удивлением Пуаро. — Кто же такая миссис Крэбтри?

— Это старуха, — в голосе Генриетты слышались и слезы и смех, — безобразная, грязная, морщинистая и неукротимая! Джон в ней души не чаял. Его пациентка из больницы Святого Христофора. У нее болезнь Риджуэя, очень редкая и неизлечимая болезнь… против нее нет никаких средств. Джон тем не менее пытался найти

способ лечения. Я не могу объяснить научно; все было очень сложно… какая-то проблема гормонной секреции. Джон проводил эксперименты, и миссис Крэбтри была его самой ценной больной. У нее большая сила воли и мужество. Она хочет жить. И она любила Джона! Джон и она были заодно, они сражались вместе. Болезнь Риджуэя и миссис Крэбтри месяцами занимали Джона… день и ночь, и ничто другое не имело значения. Вот что значило для Джона быть доктором… не кабинет на Харли-стрит и богатые толстые пациентки. Все это было побочным. Главным были напряженная научная работа — и результат. Я… О! Мне так хочется, чтоб вы поняли!

Ее руки взлетели в необычном отчаянном жесте, и Эркюль Пуаро невольно подумал, как эти руки красивы и выразительны.

— Вы, по-видимому, понимали Джона Кристоу очень хорошо, — заметил он.

— О да! Я понимала. Джон обычно, как приходил, сразу начинал говорить. Не совсем со мной… скорее, мне думается, он просто рассуждал вслух. Таким образом многое становилось для него яснее. Иногда он был почти в отчаянии… например, не знал, как преодолеть возрастающую интоксикацию… И тогда у него появилась идея

варьировать лекарства. Я не могу объяснить, что это было… Больше всего это было похоже на сражение! Вы даже представить себе не можете — это неистовство, эта отрешенность от всего и вся, эти мучительные поиски. А порой — полнейшее изнеможение…

Генриетта замолчала, глаза ее потемнели; она вспоминала.

— Наверное, вы сами обладаете определенными знаниями в этой области? — с любопытством спросил Пуаро.

— Нет. Лишь настолько, чтоб понимать, о чем говорил Джон. Я достала кое-какие книги.

Она снова умолкла, лицо стало мягче, губы полуоткрылись. «Ее снова увлекли воспоминания», — подумал Пуаро. Наконец, вздохнув, она заставила себя вернуться к настоящему и грустно посмотрела на Пуаро.

— Если бы я могла сделать так, чтобы вы представили…

— Вы этого достигли, мадемуазель.

— В самом деле?

— Да, истину узнаешь, когда ее слышишь!

— Благодарю вас, но инспектору Грэйнджу объяснить это будет непросто.

— Пожалуй, вы правы. Он будет акцентировать

внимание на аспекте личных отношений.

— А это как раз совсем не важно, — с жаром сказала Генриетта. — Совершенно не важно.

Пуаро удивленно поднял брови, и Генриетта ответила на его невысказанный протест:

— Уверяю вас! Видите ли… я стала со временем как бы преградой между Джоном и тем, чему он отдавал всего себя. Он все больше ко мне привязывался, из-за меня не мог не отвлекаться от главного. Испугался, что полюбит меня… а он не хотел никого любить. Джон был физически близок со мной, потому что не хотел слишком много обо мне думать. Он хотел, чтобы наша связь походила на прочие его мимолетные увлечения.

— А вы… — Пуаро пристально наблюдал за ней, — а вас удовлетворяло… такое положение вещей?

Генриетта встала.

— Нет, конечно же, нет. В конце концов, я живой человек…

— В таком случае, мадемуазель, почему вы мирились?.. — спросил Пуаро, помолчав.

— Почему? — резко перебила его Генриетта. — Потому что хотела, чтобы Джон был доволен, чтоб было так, как он хотел, чтоб он мог продолжать заниматься тем, что ценил больше всего, — сво-

ей работой! Если он не хотел новых сердечных переживаний… не хотел снова чувствовать себя уязвимым… Ну что ж… я приняла это…

Пуаро потер нос.

— Только что, мисс Сэвернейк, вы упомянули Веронику Крэй. Она тоже была другом Джона Кристоу?

— До ее визита в «Лощину» в прошлую субботу он не видел ее пятнадцать лет.

— Он знал ее пятнадцать лет тому назад?

— Они были помолвлены. — Генриетта вернулась к дивану и села. — Я вижу, что должна все объяснить. Джон безумно любил Веронику, а она всегда была, да и сейчас осталась, настоящей стервой. Это величайшая эгоистка. Вероника поставила условие, чтобы Джон бросил все, что было ему дорого, и стал послушным муженьком мисс Вероники Крэй. Джон разорвал помолвку… и правильно сделал, но мучился дьявольски. И у него появилась идея: взять в жены кого-нибудь, кто был бы как можно меньше похож на Веронику. Он женился на Герде, грубо говоря, редкостной дуре. Все это было очень мило и удобно, однако произошло то, что должно было произойти, — настал день, когда эта женитьба стала его раздражать. У него появились разные

интрижки… ничего серьезного. Герда, разумеется, ничего об этом не знала. Но я думаю, все эти пятнадцать лет с Джоном было что-то неладно, что-то связанное с Вероникой. Он так и не смог забыть ее. И вот в прошлую субботу он опять с ней встретился.

После долгой паузы Пуаро задумчиво произнес:

— В ту ночь он пошел ее провожать и вернулся в «Лощину» в три часа утра.

— Как вы узнали?

— У горничной болели зубы.

— В «Лощине» слишком много прислуги, — неожиданно заметила Генриетта.

— Но вы, мадемуазель, сами знали об этом.

— Да.

— Откуда?

После незначительной паузы Генриетта раздумчиво ответила:

— Я смотрела в окно и видела, как он вернулся.

— Зубная боль, мадемуазель?

Она улыбнулась.

— Боль совсем иного рода, мосье Пуаро! — сказала Генриетта и, поднявшись, направилась к двери.

— Я провожу вас, мадемуазель.

Они перешли дорогу и через калитку вошли в каштановую рощу.

— Нам необязательно идти мимо бассейна, — сказала Генриетта. — Мы можем обойти слева по верхней тропинке и выйти к цветочной дорожке.

Тропинка вела круто вверх к лесу. Через некоторое время они вышли на более широкую тропу, ведущую наискосок через холм, высившийся над каштановой рощей, и подошли к скамье. Генриетта села, Пуаро опустился рядом. За спиной у них был лес, под ногами — густая каштановая рощица. Как раз против их скамьи тропинка, извиваясь, вела вниз, где тускло мерцала голубая вода бассейна.

Пуаро молча наблюдал за Генриеттой. Выражение ее лица смягчилось, напряжение исчезло, лицо казалось круглее и моложе. Пуаро представил себе, как она выглядела в юности.

— О чем вы думаете, мадемуазель? — наконец спросил он очень мягко.

— Об Эйнсвике.

— Что такое Эйнсвик?

— Эйнсвик? Это имение. — Генриетта описывала Эйнсвик почти мечтательно: — Изящный белый дом… рядом высокая магнолия, а вокруг

поднимающиеся амфитеатром холмы, поросшие лесом.

— Это был ваш дом?

— Не совсем. Я жила в Ирландии. В Эйнсвик все приезжали по праздникам — Эдвард, и Мидж, и я. На самом деле это был дом Люси. Он принадлежал ее отцу, а после его смерти перешел к Эдварду.

— Не к сэру Генри? Титул, однако, у него.

— Кавалер Ордена Бани![57] — объяснила она. — Генри — всего лишь дальний кузен.

— К кому перейдет Эйнсвик после Эдварда Энкейтлла?

— Как странно! Никогда об этом не думала. Если Эдвард не женится... — Она замолчала, и тень прошла по ее лицу.

Эркюлю Пуаро захотелось узнать, какие мысли роятся у нее в голове.

— Наверное, — медленно проговорила Генриетта, — Эйнсвик перейдет к Дэвиду. Так вот почему!

— Что почему?

— Почему Люси пригласила его. Дэвид и Эйнс-

---

[57] Сноски: 57

Орден Бани один из высших орденов Великобритании, учрежденный королем Георгом I в 1725 году. Имеет три степени и два класса: упоминание Ордена Бани второй степени в переносном смысле, по-видимому, означает и наследника второй степени, который поэтому не наследует имение предков.

вик?.. — Генриетта покачала головой. — Они как-то не подходят друг другу.

Пуаро показал на тропинку перед ними.

— По этой тропинке, мадемуазель, вы пришли вчера к плавательному бассейну?

Она вздрогнула.

— Нет, по той, что ближе к дому. Этой тропинкой пришел Эдвард. — Она внезапно повернулась к Пуаро. — Хватит об этом! Я ненавижу этот бассейн. Я ненавижу даже «Лощину»!

Пуаро тихо продекламировал:

Ненавижу страшную лощину,
за темным лесом скрытую вдали,
Красный вереск покрыл уступы; они алы,
как губы в крови.

Словно рот кровавый,
лощина холодным ужасом дышит,
О чем ни спросишь там эхо –
в ответ только «Смерть!» услышишь[58].

---

[58] Сноски: 58

Цитата из поэмы «Мод» (1855) английского поэта Викторианской эпохи Альфреда Теннисона (1809–1892).

Генриетта повернула к нему удивленное лицо.

— Теннисон, — сказал Эркюль Пуаро, с гордостью кивнув головой. — Стихи вашего лорда Теннисона.

— О чем ни спросишь там эхо… — повторила за ним Генриетта, затем произнесла тихо, почти про себя: — Ну конечно… так и есть… Эхо!

— Эхо? Что вы имеете в виду?

— Эта усадьба… Сама «Лощина»! Я почти поняла это раньше… в субботу, когда мы с Эдвардом отправились на прогулку к холмам. «Лощина» — эхо Эйнсвика! И мы все Энкейтллы! Мы не настоящие… не такие живые, каким был Джон! — Она снова повернулась к Пуаро. — Как жаль, что вы не знали его, мосье Пуаро! Мы все — тени по сравнению с Джоном. Джон был по-настоящему живым!

— Я понял это, мадемуазель, когда видел его умирающим.

— Знаю. Это чувствовал каждый. И вот Джон мертв, а мы — эхо! Мы существуем. Это, знаете ли, похоже на скверную шутку.

С лица Генриетты исчезла молодость, губы искривила горечь внезапной боли. Когда Пуаро спросил ее о чем-то, она не сразу поняла, о чем речь.

— Извините. Что вы сказали, мосье Пуаро?

— Я спросил, нравился ли вашей тете, леди Энкейтлл, доктор Кристоу?

— Люси? Между прочим, она мне кузина, а не тетя… Да, он ей очень нравился.

— А ваш… тоже кузен… мистер Эдвард Энкейтлл… ему нравился доктор Кристоу?

— Нет, не очень… но, в общем, он почти не знал его.

«Ее голос, — подумал Пуаро, — звучит несколько натянуто».

— А ваш… еще один кузен? Мистер Дэвид Энкейтлл?

Генриетта улыбнулась:

— Дэвид, я думаю, ненавидит всех нас. Он проводит время, заточившись в библиотеке, читает «Британскую энциклопедию».

— О! Серьезный юноша.

— Мне жаль его. У него тяжелая обстановка дома… Мать — человек неуравновешенный… инвалид. Единственный его способ самозащиты — чувствовать свое превосходство над окружающими. Если это ему удается — все в порядке, но иногда эта защита рушится, и тогда виден истинный Дэвид, легкоранимый и уязвимый.

— Он чувствовал свое превосходство над док-

тором Кристоу?

— Пытался… но, мне кажется, из этого ничего не получалось. Я подозреваю, что Джон Кристоу был как раз таким человеком, каким хотел бы стать Дэвид… В результате — он питал к Джону отвращение.

Пуаро задумчиво кивнул головой:

— Да… Самонадеянность, уверенность, мужество — черты сугубо мужского характера. Это интересно… очень интересно.

Генриетта ничего не ответила.

Сквозь каштаны, внизу у бассейна, Эркюль Пуаро увидел человека, который, наклонившись, казалось, что-то искал.

— Интересно… — снова тихо повторил Пуаро.

— Что вы сказали?

— Это кто-то из людей инспектора Грэйнджа, — ответил Пуаро. — Он как будто что-то ищет?

— Наверное, улики. А что еще могут искать полицейские? Пепел от сигарет, следы башмаков, обгорелые спички? — В голосе Генриетты была горькая насмешка.

— Да, они ищут все это, — серьезно ответил Пуаро, — иногда находят. Но настоящие улики, мисс Сэвернейк, в деле, подобном этому, обычно нужно искать в личных отношениях людей, свя-

занных с преступлением.

— Я что-то не понимаю вас.

— Важны мелочи! — сказал Пуаро. Он сидел, откинув голову назад, полуприкрыв веками глаза. — Не сигаретный пепел или отпечатки резиновых каблуков, а жест, взгляд, неожиданный поступок…

Генриетта, резко обернувшись, пристально посмотрела на него. Пуаро почувствовал этот взгляд, но не повернул головы.

— Вы имеете в виду… что-нибудь определенное?

— Я думал о том, как вы, шагнув вперед, взяли револьвер из рук миссис Кристоу, а затем уронили его в бассейн.

Он почувствовал, что она слегка вздрогнула, но голос ее остался таким же ровным и спокойным:

— Герда, мосье Пуаро, довольно неуклюжий человек. В состоянии шока она могла бы выстрелить и, если в револьвере была еще пуля… поранить кого-нибудь.

— Однако было очень неуклюже с вашей стороны уронить револьвер в воду, не правда ли?

— Видите ли… У меня тоже был шок… — Генриетта помолчала. — На что вы намекаете, мосье Пуаро?

Пуаро выпрямился, повернулся в ее сторону и заговорил обычным деловым тоном:

— Если были отпечатки пальцев на этом револьвере… Я имею в виду отпечатки, сделанные до того, как миссис Кристоу взяла его в руки, было бы интересно узнать, кому они принадлежали… но этого мы теперь никогда не узнаем.

— Вы хотите сказать, что там были мои отпечатки пальцев, — тихо, но твердо сказала Генриетта. — Вы намекаете, что это я застрелила Джона и оставила револьвер около тела, чтобы Герда могла подойти и взять его… Вы на это намекаете, не так ли? Однако, если я так сделала, согласитесь, у меня хватило бы ума прежде всего стереть свои собственные отпечатки пальцев.

— Вы, мадемуазель, достаточно умны и понимаете, что, сделай вы так и не окажись на револьвере никаких следов, это было бы крайне странным! Потому что все вы накануне стреляли из этого револьвера. Герда Кристоу вряд ли стерла отпечатки пальцев до выстрела… К чему ей это?

— Значит, вы думаете, что я убила Джона? — медленно сказала Генриетта.

— Умирая, доктор Кристоу сказал: «Генриетта!»

— И вы считаете, что это было обвинением?

Это не так.

— Что же в таком случае?

Генриетта, вытянув ногу, чертила носком туфли что-то на земле.

— Вы не забыли, — сказала она тихо, — что я говорила вам не так давно? О наших отношениях?

— Ах да! Вы были его возлюбленной… и, умирая, он произносит ваше имя. Очень трогательно!

— Издеваетесь?

— Нет, что вы. Но я не люблю, когда мне лгут, а именно это, я думаю, вы и пытаетесь делать.

— Я же говорила вам, что не очень правдива, — тихо сказала Генриетта, — но когда Джон сказал «Генриетта!», он не обвинял меня в убийстве. Неужели вы не можете понять, что такие люди, как я, не могут лишить кого-либо жизни?! Мы творим, а не уничтожаем. Я не убиваю людей, мосье Пуаро. Я не могла бы убить, это чистая правда. Вы подозреваете меня только потому, что мое имя прошептал умирающий человек, который вряд ли сознавал, что говорит.

— Доктор Кристоу знал, что говорил! Голос был энергичный и уверенный, как у доктора во время жизненно важной операции, который говорит четко и настойчиво: «Сестра, пинцет, пожалуйста!»

— Но… — Она казалась ошеломленной, захваченной врасплох.

— И это не только из-за слов, сказанных умирающим доктором Кристоу. Я не верю, что вы способны на предумышленное убийство… Нет! Но вы могли выстрелить внезапно, под влиянием сильной обиды, негодования… и если так… если так, мадемуазель, у вас достаточно изобретательности, чтобы скрыть следы.

Генриетта поднялась со скамьи. Мгновение она стояла, глядя на него, бледная, потрясенная. Затем сказала с неожиданно разочарованной улыбкой:

— А я думала, что вы мне симпатизируете.

Пуаро вздохнул.

— К сожалению, так оно и есть, — грустно сказал он.

Глава 19

Генриетта ушла, а Пуаро все еще сидел на скамье, пока не увидел, как инспектор Грэйндж решительным шагом обогнул бассейн и направился по тропинке мимо павильона.

Инспектор, видимо, шел с определенной целью: или в «Тихую гавань», или в «Голубятню». «Интересно все же, куда?» — подумал Пуаро.

Пуаро поднялся и пошел назад тем же путем, каким пришел. Если инспектор Грэйндж направлялся к нему, Пуаро не прочь был узнать, что тот хотел ему сообщить.

Однако, вернувшись в «Тихую гавань», он не обнаружил никаких посетителей. Пуаро задумчиво посмотрел вдоль дороги в сторону «Голубятни». Он знал, что Вероника Крэй не уехала в Лондон.

Интерес Эркюля Пуаро к Веронике Крэй усилился: роскошный мех, горка спичечных коробков, неубедительное объяснение по поводу неожиданного вторжения в субботу вечером и, наконец, рассказ Генриетты о Джоне Кристоу и Веронике.

Интересная модель отношений. Да, он воспринимал это именно так. Сложные переплетения

чувств и характеров. Странный, запутанный узор, пронизанный темными нитями ненависти и страсти.

Действительно ли Герда Кристоу убила мужа? Или все было сложнее? Вспомнив свой разговор с Генриеттой, Пуаро решил, что все было не так просто. Генриетта сделала поспешный вывод, что он ее подозревает в убийстве, хотя на самом деле у него и в мыслях ничего подобного не было. Он просто считал, что она что-то знает. Знает и скрывает…

Пуаро недовольно покачал головой.

Сцена у бассейна. Инсценированная сцена, театральная.

Инсценированная кем? И для кого?

Ответ на второй вопрос был совершенно очевидным — для Эркюля Пуаро?! Так он думал в то время. Посчитал это дерзостью, шуткой дурного тона. Это так и осталось дерзостью… но не было шуткой.

А ответ на первый вопрос?

Пуаро покачал головой. Он не знал. Не имел ни малейшего представления. Он прикрыл глаза и сразу же представил себе всех их очень четко… Сэр Генри, честный, ответственный, доверенное лицо империи. Леди Энкейтлл, призрачная,

неуловимая, неожиданно и ошеломляюще очаровательная, обладающая чрезвычайно опасной силой алогичного внушения. Генриетта Сэвернейк, которая любила Джона Кристоу сильнее, чем себя; мягкий и неуверенный в себе Эдвард Энкейтлл; темноволосая прямолинейная девушка по имени Мидж Хардкасл; ошеломленное лицо Герды Кристоу, сжимающей в руке револьвер; уязвимый юноша Дэвид Энкейтлл…

Все они угодили в сети закона. Все связаны на какое-то время безжалостными последствиями неожиданного убийства. У каждого из этих людей собственная судьба, по-своему трагичная. И где-то в этом взаимодействии характеров и эмоций скрывается истина.

Пожалуй, единственное, что увлекало Пуаро больше феномена человеческой личности, был поиск истины. И он был намерен установить истину в деле с убийством Джона Кристоу.

— Разумеется, инспектор, — сказала Вероника. — Я очень хочу помочь вам!

— Благодарю вас, мисс Крэй.

Вероника Крэй выглядела совсем не так, как представлял себе инспектор. Он был готов к встрече с неким романтическим ореолом, искусственностью, героикой и отнюдь не был бы

удивлен, если бы она разыграла перед ним какую-нибудь сцену. Фактически она, как и подозревал инспектор, разыгрывала роль. Но это была не та роль, какую он ожидал.

Никакой суперженственности и сверхочарования. Перед ним была богато одетая, необыкновенно красивая, но в то же время очень деловая женщина. «Вероника Крэй, — подумал инспектор, — отнюдь не глупа».

— Мисс Крэй, нам хотелось бы получить четкое объяснение. Вы явились в «Лощину» в субботу вечером?

— Да. У меня кончились спички. Как-то забываешь, насколько подобные вещи необходимы в деревне.

— И вы отправились за спичками в «Лощину»? Почему не к вашему ближайшему соседу, мосье Пуаро?

Она улыбнулась превосходной, доверительной киноулыбкой.

— Тогда я не знала, кто мой сосед, иначе я бы к нему обратилась. Я просто подумала, что это какой-то недоросток иностранец, который на правах соседа может оказаться навязчивым, вы, конечно, понимаете…

«Да, — подумал инспектор, — вполне убеди-

тельно. Она заготовила этот ответ заранее, на всякий случай».

— Вы взяли спички, — продолжал инспектор, — и, как я понимаю, неожиданно встретили вашего старинного друга, доктора Кристоу?

Она кивнула.

— Бедняга Джон! Я не видела его пятнадцать лет.

— В самом деле? — В голосе инспектора чувствовалось вежливое недоверие.

— В самом деле, — ответила она твердо.

— Вы были рады его видеть?

— Очень. Всегда приятно встретить старинного друга, не так ли, инспектор?

— Возможно, в некоторых случаях.

Не ожидая дальнейших расспросов, Вероника Крэй продолжала рассказывать:

— Джон проводил меня. Вы, конечно, хотите узнать, говорил ли он что-нибудь, что могло иметь связь с трагедией. Я очень тщательно вспомнила весь наш разговор, но не нашла ничего примечательного.

— О чем вы говорили, мисс Крэй?

— О прошлом. «А ты помнишь?»… Болтали о том о сем… — Она задумчиво улыбнулась. — Мы познакомились на юге Франции. Джон почти не

изменился. Разумеется, стал старше, увереннее… Как я понимаю, он был довольно известен в своей области. Джон совсем не говорил о своей личной жизни. Но у меня создалось впечатление, что его семейная жизнь сложилась не слишком счастливо, хотя это, конечно, лишь смутные впечатления. Я полагаю, его жена, бедняжка, — вполне заурядное существо, такие вечно устраивают мужьям скандалы из-за хорошеньких пациенток…

— Нет, — сказал Грэйндж, — она совсем иного склада.

— Вы имеете в виду, — быстро сказала Вероника, — что она умеет быть скрытной? Да-да, я понимаю… Это еще опаснее.

— Как я вижу, мисс Крэй, вы полагаете, что миссис Кристоу убила своего мужа?

— Я не должна была так говорить! Нельзя высказывать суждения до… как это?.. До судебного разбирательства. Я чрезвычайно сожалею, инспектор. Я сказала так, потому что моя горничная говорила, будто Герду нашли возле тела мужа с револьвером в руке. Вы знаете эти деревенские нравы и обычаи — наговорят, чего не было, а через слуг мигом все всё узнают.

— Слуги иногда могут быть очень полезны, мисс Крэй.

— Да, я полагаю, значительную часть ваших сведений вы получаете от слуг.

— Главное для нас — определить, — продолжал невозмутимо Грэйндж, — определить, у кого имелся мотив.

— И жена всегда подозревается в первую очередь, — сказала Вероника со слабой улыбкой. — Как цинично! Однако в таких случаях нередко бывает замешана другая женщина. Я думаю, это следует принять во внимание!

— Вы полагаете, в жизни доктора Кристоу была другая женщина?

— Ну не знаю… по-моему, это вполне вероятно. Такое у меня сложилось впечатление.

— Впечатления могут иногда оказать неоценимую помощь, — заметил Грэйндж.

— Мне кажется… по его словам… эта женщина-скульптор была ему очень близким другом. Но это, полагаю, вам уже известно?

— Разумеется, мы всё должны принять во внимание.

Инспектор Грэйндж говорил крайне уклончиво, но он заметил, хоть и не подал виду, злобное удовлетворение, сверкнувшее на миг в больших голубых глазах.

— Вы сказали, что доктор Кристоу проводил вас

домой. В котором часу вы простились с ним? — по-официальному сухо спросил инспектор.

— Просто не знаю, что вам ответить! Мы так увлеклись разговором. Наверное, было довольно поздно.

— Он заходил к вам?

— Да, я угостила его вином.

— Понятно. Я полагаю, ваш разговор происходил в… гм… павильоне около бассейна.

Он заметил, как ее ресницы дрогнули. Однако не прошло и секунды, как она ответила:

— Вы и в самом деле детектив! Да, мы сидели там, и курили, и разговаривали некоторое время. Как вы узнали?

Вероника явно была заинтригована, как ребенок, который ждет, чтоб ему показали необычный фокус.

— Вы забыли там ваш мех, мисс Крэй… и спички, — добавил он как бы между прочим.

— Да, в самом деле.

— Доктор Кристоу вернулся в «Лощину» в три часа утра, — сказал инспектор все тем же бесстрастным тоном.

— Неужели было так поздно? — В ее голосе звучало удивление.

— Да, мисс Крэй.

— Впрочем, у нас было о чем поговорить… ведь мы так давно не виделись.

— Вы уверены, что так долго не виделись с доктором Кристоу?

— Я только что сказала вам, что не видела его пятнадцать лет.

— Вы не ошибаетесь? У меня такое впечатление, что вы встречались с ним довольно часто.

— Почему вы так думаете?

— Ну, хотя бы это. — Инспектор вынул из кармана записку, взглянул на нее, откашлялся и прочитал:

«Пожалуйста, приходи сегодня утром. Я должна тебя видеть.

Вероника».

— Да-а. — Она улыбнулась. — Пожалуй, несколько безапелляционно. Боюсь, Голливуд делает человека несколько высокомерным.

— Доктор Кристоу на следующее утро пришел к вам по вашему зову. Вы поссорились. Не скажете ли вы, мисс Крэй, по какому поводу возникла ссора?

Инспектор больше не скрывал истинной цели своего визита и тут же заметил вспышку гнева, раздраженно сжатые губы.

— Мы не ссорились, — отрезала она.

— Да нет, вы ссорились, мисс Крэй. Ваши последние слова были: «Я ненавижу тебя, как никого на свете!»

Она молчала. Инспектор чувствовал, что она лихорадочно думает, ища возможность маневра. Другая на ее месте поторопилась бы с объяснениями, но Вероника Крэй была слишком умна для этого.

Она пожала плечами.

— Понимаю. Сплетни прислуги, — небрежно сказала она. — У моей маленькой горничной довольно богатое воображение. Видите ли, можно по-разному произнести фразу. Уверяю вас, тут никаких мелодрам не происходило. Это была чисто женская уловка, легкий флирт. Мы просто пикировались.

— То есть эти слова были сказаны не всерьез?

— Разумеется! И уверяю вас, инспектор, мы с Джоном действительно не виделись пятнадцать лет. Вы сами можете это проверить.

К ней вернулись самообладание, уверенность.

Грэйндж спорить не стал и прекратил расспросы.

— Пока все, мисс Крэй, — сказал он любезно.

Грэйндж вышел из «Голубятни», прошел немно-

го по дороге и свернул к «Тихой гавани».

Эркюль Пуаро смотрел на инспектора с нескрываемым удивлением.

— Выходит, револьвер, который Герда Кристоу держала в руке и который потом уронили в бассейн, не имеет никакого отношения к фатальному выстрелу? Невероятно!

— Вот именно, мосье Пуаро! Попросту говоря, никакой логики.

— Никакой логики, говорите? — тихо повторил Пуаро. — И тем не менее, инспектор, она должна быть, верно?

— Совершенно верно, мосье Пуаро, — мрачно произнес инспектор. — Мы должны найти нужное звено, чтобы связать все воедино, но в данный момент я этого звена не вижу. Очевидно, мы не продвинемся вперед, пока не обнаружим револьвера, из которого был произведен выстрел. Он из коллекции сэра Генри. Во всяком случае, этого револьвера на месте не оказалось, а это значит, что поиски следует продолжить здесь, в «Лощине».

— Да, — пробормотал Пуаро. — В «Лощине».

— На первый взгляд дело выглядело таким простым и понятным, — продолжал инспектор, — а оказалось все и не так просто, и совсем

непонятно.

— Нет, — произнес Пуаро, — не так просто.

— Мы должны учесть, что, возможно, все было подстроено, чтобы впутать Герду Кристоу. Но если это так, почему бы не оставить возле убитого тот самый револьвер, из которого был сделан выстрел, чтобы Герда подняла этот револьвер?

— Она могла бы и не поднимать его.

— Это верно, но даже если бы не обнаружилось ничьих отпечатков пальцев, иными словами, если бы их стерли, — все равно Герда оказалась бы под подозрением. А это как раз то, что нужно было убийце, верно?

— Вы так думаете?

Грэйндж пристально посмотрел на него.

— Но… но… если вы совершили убийство, вы обязательно постараетесь навести подозрения на кого-нибудь другого. Разве не так? Всякий убийца сделал бы это.

— Да-а, — протянул Пуаро. — Однако, может быть, мы имеем дело с необычным убийцей. Возможно, именно в этом надо искать ключ к решению нашей проблемы.

— В чем, в чем?

— В том, что это необычный убийца, — задумчиво сказал Пуаро.

Инспектор с любопытством посмотрел на него.

— В таком случае, — произнес он, — что ему было нужно? Чего он или она добивались?

Пуаро со вздохом развел руками:

— Не имею представления! Ни малейшего представления! Но мне кажется… хотя очень смутно…

— Что именно?

— Кто-то хотел убить Джона Кристоу, но не хотел впутывать в это дело Герду Кристоу.

— Гм! Но мы же сразу стали подозревать ее.

— О да, но все оказалось иначе. Когда всплыл еще один револьвер, дело получило совсем иной оборот. За этот промежуток у преступника было время…

Пуаро внезапно остановился.

— Время для чего?

— О, mon ami[59], тут вы меня загнали в угол. Снова я вынужден признать, что пребываю пока в полном неведении.

Инспектор Грэйндж дважды прошелся взад и вперед по комнате. Затем остановился перед Пуаро.

— Я пришел к вам сегодня, мосье Пуаро, по двум

---

[59] Сноски: 59
Мой друг *(фр.)*.

причинам. Во-первых, потому, что я знаю вас как человека с большим опытом, который распутал не одну сложную проблему подобного рода. Это главное. Во-вторых, есть еще одна причина. Вы были на месте. Вы были свидетелем. Вы видели, что случилось.

Пуаро кивнул.

— Да, я видел случившееся… Но глаза, инспектор Грэйндж, очень ненадежный свидетель.

— Что вы имеете в виду, мосье Пуаро?

— Глаза видят иногда то, что их заставляют видеть.

— Вы хотите сказать, что все было подстроено заранее?

— Подозреваю, что так. Понимаете, все было как на сцене. То, что я видел, было довольно просто понять: человек, которого только что убили, и женщина с револьвером в руке, из которого и был произведен выстрел. Вот вам то, что я видел. А мы уже знаем, что в этой картине есть подвох. Джона Кристоу убили из другого револьвера.

— Гм! — Инспектор Грэйндж решительно потянул вниз свой повисший ус. — Вы ведете к тому, что другие части картины могут быть тоже обманчивы?

Пуаро кивнул.

— Там было еще три человека… которые, по-видимому, только что появились на сцене. Но это также может быть неверным. Бассейн окружен густой рощей молодых каштанов. От бассейна отходит пять дорожек: к дому, в лес, к цветочной дорожке, к ферме и к дороге.

Все трое подошли к бассейну по разным дорожкам: Эдвард Энкейтлл — верхней из леса, леди Энкейтлл — с фермы и Генриетта Сэвернейк — от цветочной дорожки за домом. Все трое появились на месте преступления почти одновременно, через несколько минут после Герды Кристоу.

Однако, инспектор, один из трех мог оказаться у бассейна до Герды Кристоу, застрелить Джона Кристоу, удалиться вверх или вниз от бассейна по одной из дорожек, а затем вернуться назад и появиться одновременно с остальными.

— Да, это возможно, — сказал инспектор Грэйндж.

— Есть и другой вариант. Кто-то мог появиться со стороны дороги и, убив Джона Кристоу, уйти той же дорожкой незамеченным.

— Вы абсолютно правы, — согласился Грэйндж. — Кроме Герды, есть еще два других подозреваемых. Мотив тот же — ревность. Это,

безусловно, crime passionnel[60]. Еще две женщины замешаны в этой истории. — Немного помолчав, Грэйндж добавил: — Кристоу в то утро ходил к Веронике Крэй. Возник скандал. Она заявила, что заставит его пожалеть обо всем, что он сделал, и что она ненавидит его, как никого на свете.

— Интересно, — пробормотал Пуаро.

— Мисс Крэй недавно из Голливуда, а как я могу судить из газет, они там иногда постреливают друг в друга. Она могла вернуться за своим мехом, который забыла накануне ночью, они встретились. Вспыхнула ссора… она выстрелила, а затем, услышав, что кто-то идет, ускользнула обратно тем же путем.

Чуть погодя инспектор раздраженно воскликнул:

— И опять у нас все расползается по швам! Этот проклятый револьвер! Хотя… — глаза его заблестели, — она могла убить его из собственного револьвера и оставить другой, взятый из кабинета сэра Генри, чтобы бросить подозрение на кого-нибудь из «Лощины». Вероятно, ей неизвестно, что можно опознать оружие по нарезке

---

[60] Сноски: 60
Преступление на почве ревности *(фр.)*.

в стволе.

— Как вы думаете, сколько людей осведомлено об этих тонкостях?

— Я спрашивал сэра Генри. Он говорит, что довольно многие знают это благодаря детективным романам. Он назвал новый роман — «Загадка испорченного фонтана», который, по его словам, Джон Кристоу читал в среду. В нем как раз так и опознали оружие убийцы.

— Да, но как револьвер из коллекции сэра Генри мог попасть в руки Вероники Крэй?

— Да, это больше походит на вариант преднамеренного убийства. — Инспектор снова дернул себя за ус. Помолчав, он взглянул на Пуаро. — Вы, кажется, сами намекали на другую возможность, мосье Пуаро? Мисс Сэвернейк! Здесь мы снова опираемся на ваше свидетельство — вы были очевидцем, вернее, вы слышали собственными ушами, как доктор Кристоу, умирая, сказал: «Генриетта!» Вы это сами слышали, и все слышали, хотя мистер Энкейтлл как будто не расслышал, что сказал Кристоу.

— Эдвард Энкейтлл не слышал? Это интересно.

— Но другие слышали. Мисс Сэвернейк утверждает, будто он пытался ей что-то сказать. Леди Энкейтлл говорит, что Кристоу открыл глаза,

увидел мисс Сэвернейк и сказал «Генриетта». Она, как мне кажется, не придает этому факту особого значения.

— Нет, конечно, — улыбнулся Пуаро. — Она не станет придавать этому никакого значения.

— Ну а вы, мосье Пуаро, что скажете вы? Вы были там, видели и слышали. Доктор Кристоу действительно пытался сказать, что Генриетта стреляла в него? Короче говоря, это звучало как обвинение?

— Тогда я так не думал, — медленно произнес Пуаро.

— А теперь, мосье Пуаро? Что вы думаете теперь?

Пуаро вздохнул.

— Может быть, и так, — сказал он задумчиво. — Больше я ничего не могу добавить. То, о чем я сказал, — всего лишь впечатление, и я боюсь поддаться искушению невольно подтасовать обстоятельства.

— Конечно-конечно, — поспешил заверить его инспектор. — Это сугубо между нами. То, что думает Эркюль Пуаро, не является доказательством. Я понимаю. Я просто хочу получить возможную подсказку.

— О, я очень хорошо вас понимаю… Впечатле-

ния очевидца могут быть очень полезны. Но, к своему стыду, я должен признать, что мои впечатления ничего не стоят. В первый момент я, конечно, подумал, что миссис Кристоу только что убила своего мужа, поэтому, когда доктор Кристоу открыл глаза и сказал «Генриетта!», я никак не посчитал это обвинением. Крайне соблазнительно теперь, оглядываясь назад, приписать этой сцене что-то такое, чего там и не было.

— Я вас понимаю, — сказал Грэйндж, — однако, мне кажется, раз «Генриетта» было последним его словом, это можно толковать двояко: как обвинение в убийстве или просто как выражение чувства. Перед ним была женщина, которую он любил и видел в последний раз. Ну и какая из двух версий кажется вам более правдоподобной?

Пуаро вздохнул, закрыл глаза, снова их открыл и раздраженно вскинул руки.

— Голос Кристоу был настойчивый. Это все, что я могу сказать. Настойчивый. В нем не было ни укора, ни чувства, только настойчивость. В одном я абсолютно уверен — он был в полном сознании. Он говорил… да, это был тон врача, вынужденного срочно действовать — ну если бы, например, перед ним был пациент, истекающий кровью. — Пуаро пожал плечами. — Это все, что

я могу сказать.

— Тон врача? — спросил инспектор. — Ну что же, это еще одна точка зрения. В него стреляли, он чувствовал, что умирает, и хотел, чтобы что-то было срочно предпринято. И если мисс Сэвернейк, как говорит леди Энкейтлл, была первой, кого он увидел, открыв глаза, то он обратился к ней. И однако это как-то не очень убедительно!

— Конечно, неубедительно, — с горечью сказал Пуаро, — создалось впечатление, что сцена убийства инсценирована и разыграна, чтобы обмануть Пуаро… И он был обманут! Нет, конечно, неубедительно…

Инспектор Грэйндж посмотрел в окно.

— Хелло! — воскликнул он. — Это мой сержант Кумбз. Похоже, у него что-то есть. Он беседовал с прислугой… Дружеский подход. Красивый парень и умеет обращаться с женщинами.

Сержант Кумбз вошел, слегка запыхавшись. Он был явно доволен собой, хотя и старался это скрыть за приличествующей подчиненному почтительностью.

— Я подумал, что лучше прийти и доложить вам, сэр, поскольку знал, где вас найти.

Он молчал, бросив недоверчивый взгляд на Пуаро, чей экзотичный, явно иноземный вид не

располагал сержанта пренебречь предписываемой уставом осторожностью.

— Выкладывай, парень! — сказал Грэйндж. — Не обращай внимания на мосье Пуаро. Он знает правила этой игры лучше, чем ты сможешь их усвоить даже через несколько лет!

— Слушаюсь, сэр. Я кое-что узнал на кухне от судомойки.

Грэйндж, перебив его, с торжеством повернулся в сторону Пуаро:

— А что я вам говорил?! Всегда есть надежда на кухонную прислугу. Господи, помоги нам! Что мы будем делать, если начнут увольнять прислугу и будут обходиться без судомоек?! Говорят, судомойки болтливы. Не совсем верно! Просто они так унижены поваром и прочими слугами, что рады поделиться своими наблюдениями с любым, кто готов их выслушать. Это просто в человеческой натуре. Продолжай, Кумбз!

— Вот что сказала девушка, сэр. В воскресенье после полудня она видела дворецкого Гаджена, который стоял в холле с револьвером в руке.

— Гаджен?

— Да, сэр. — Кумбз заглянул в свою записную книжку. — Вот точные ее слова: *«Не знаю, как мне следует поступить, но, думаю, мне следует*

рассказать обо всем, что я видела в тот день. Я видела мистера Гаджена; он стоял в холле с револьвером в руке. Мистер Гаджен выглядел очень странно». Я не думаю, — сказал Кумбз, перебивая свой доклад, — что выражение «выглядел очень странно» что-нибудь значит. Мне кажется, она это просто выдумала. Но я решил, что вы должны узнать об этом немедленно.

Инспектор Грэйндж поднялся с довольным видом человека, который точно знает, что ему следует делать, и готов немедленно приступить к действию.

— Гаджен? — повторил он. — Я сейчас же допрошу его.

Глава 20

В кабинете сэра Генри инспектор Грэйндж пристально вглядывался в невозмутимое лицо дворецкого. Пока перевес был на стороне Гаджена.

— Я очень сожалею, сэр, — повторил он. — Очевидно, я должен был упомянуть об этом случае, я просто его запамятовал.

Гаджен говорил извиняющимся тоном, переводя взгляд с инспектора на сэра Генри.

— Было около половины шестого, сэр, насколько я помню. Я проходил через холл — шел проверить, нет ли писем для отправки на почту, — и заметил револьвер, который лежал на столе. Я подумал: верно, из коллекции хозяина, поэтому взял его и принес сюда. Я не увидел его на полке у камина — там, где он всегда находился, вот и вернул револьвер на место.

— Покажите мне его, — сказал Грэйндж.

Гаджен поднялся со стула и пошел к полке, инспектор следовал за ним.

— Вот этот, сэр.

Палец Гаджена указал на маленький «маузер»

на полке в конце ряда: «маузер-25»[61]. Конечно, Джон Кристоу был убит не этим оружием.

— Это автоматический пистолет, а не револьвер, — сказал Грэйндж, не спуская глаз с лица дворецкого.

Гаджен кашлянул.

— В самом деле, сэр? Боюсь, я не очень-то хорошо разбираюсь в огнестрельном оружии. Наверно, я неточно употребил термин, сэр.

— Но вы вполне уверены, что это именно то, что вы нашли в холле и принесли сюда.

— О да, сэр. Никаких сомнений, сэр, — сказал Гаджен, протягивая руку к полке, но Грэйндж остановил его:

— Пожалуйста, не трогайте. Я должен осмотреть, нет ли на нем отпечатков пальцев и не заряжен ли он.

— Я не думаю, что он заряжен, сэр. Оружие в коллекции сэра Генри не хранится заряженным. Что касается отпечатков пальцев, то я все равно протер его носовым платком, прежде чем положить на место. Так что, сэр, там будут только мои отпечатки пальцев.

---

[61] Сноски: 61

«Маузер-25» — род автоматического пистолета, названный по имени изобретателей братьев Вильгельма и Паула Маузер (1834–1882 и 1838–1914); калибр (диаметр ствола) — 25 мм.

— Почему вы это сделали? — резко спросил Грэйндж.

Но Гаджен и бровью не повел и все с той же извиняющейся улыбкой объяснил:

— Мне показалось, что он запылился, сэр.

Внезапно открылась дверь и вошла леди Энкейтлл. Она улыбнулась инспектору.

— Рада вас видеть, инспектор Грэйндж. В чем тут дело с револьвером и Гадженом? И это дитя на кухне — вся в слезах. Ее запугала миссис Медуэй… Но, разумеется, девушка была вправе рассказать, что она видела, если считала нужным так поступить. Я сама всегда оказываюсь в затруднительном положении, выбирая между тем, что «правильно» и что «неправильно»… Очень легко, вы понимаете, если «правильно» — приятно, а «неправильно» — неприемлемо. Тогда позиция ясна… Но крайне затруднительно, если все наоборот, и я думаю, инспектор, каждый должен поступать так, как сам считает правильным. Что вы сказали об этом пистолете, Гаджен?

— Пистолет был в холле, миледи, — ответил почтительно Гаджен, — на столе. Понятия не имею, откуда он появился. Я отнес его в кабинет, на прежнее место. Я только что сказал об этом инспектору, и он вполне удовлетворен.

Леди Энкейтлл покачала головой.

— Вы не должны были так говорить, Гаджен, — сказала она мягко. — Я сама поговорю с инспектором.

Гаджен сделал легкое движение, и леди Энкейтлл сказала с милой улыбкой:

— Я ценю ваши побуждения, Гаджен. Я знаю, что вы всегда стараетесь избавить нас от хлопот и неприятностей. — И, отпуская дворецкого, мягко добавила: — Это пока все!

Гаджен медлил, потом бросил беглый взгляд на сэра Генри, на инспектора и наконец, поклонившись, направился к двери. Инспектор хотел было остановить его, но по необъяснимой причине рука его опустилась. Гаджен удалился.

Леди Энкейтлл уселась в кресло и улыбнулась обоим мужчинам.

— Знаете, по-моему, это просто замечательно, я про Гаджена. Вполне феодальный поступок, если хотите. Именно феодальный, пожалуй, точнее это не назовешь.

— Леди Энкейтлл, — натянуто произнес Грэйндж, — как я понял, у вас самой есть что сказать по этому поводу?

— Разумеется. Гаджен нашел пистолет совсем не в холле. Он обнаружил его, когда вынул яйца.

— Яйца? — Инспектор Грэйндж был крайне озадачен.

— Из корзинки, — пояснила леди Энкейтлл.

Она полагала, что теперь дала исчерпывающее объяснение.

— Ты должна рассказать об этом немного подробнее, дорогая, — тепло сказал сэр Генри. — Инспектор Грэйндж все еще в недоумении.

— О! — Леди Энкейтлл решила быть предельно ясной. — Пистолет был в корзинке, под яйцами.

— Какая корзинка и какие яйца, леди Энкейтлл?

— Корзинка, которую я взяла с собой на ферму. Пистолет был в корзинке, а потом я сверху положила яйца и забыла об этом. А когда мы нашли бедного Джона Кристоу мертвым возле бассейна, это было таким шоком, что я выпустила корзинку из рук, и Гаджен еле успел ее подхватить… Я хочу сказать, из-за яиц. Если бы я уронила корзинку, все бы разбилось. Он принес корзинку в дом. А позднее я попросила его проставить дату на яйцах. Я всегда так делаю, иначе свежие яйца можно съесть раньше старых… И он сказал, что все сделал. Теперь я припоминаю, у него был очень значительный тон при этом сообщении. Вот это я и называю «феодальным поступком».

Он нашел пистолет и убрал его на место… думаю, потому, что в доме была полиция. Я убеждена, что прислуга всегда обеспокоена появлением полиции. Очень трогательно и мило, но… довольно глупо, ведь вы, инспектор, конечно, хотите услышать правду?

Свой рассказ леди Энкейтлл завершила сияющей улыбкой.

— Я намерен узнать правду, — довольно хмуро сказал Грэйндж.

Леди Энкейтлл вздохнула.

— Какая это все же суета, не правда ли? — сказала она. — Я имею в виду поиски преступника. Кто бы ни застрелил Джона Кристоу, я не думаю, что он всерьез намеревался это сделать. Если это Герда, я уверена, она не собиралась его убивать. По правде говоря, я удивлена, что она не промахнулась… Именно этого можно было ожидать от Герды. Да и в самом деле она очень славное, доброе создание. И если вы ее посадите в тюрьму и повесите, что, скажите на милость, будет с детьми? Если она действительно убила Джона, то теперь страшно сожалеет об этом. Для детей и так ужасно, что убит их отец, но еще хуже, если за это повесят их мать. Иногда мне кажется, что полиция совершенно не думает об этом.

— В настоящее время, леди Энкейтлл, мы не собираемся никого арестовывать.

— Ну что же, это, по крайней мере, разумно. Я всегда считала, инспектор Грэйндж, что вы очень разумный человек.

И снова эта очаровательная, почти ослепительная улыбка.

Инспектор, не удержавшись, невольно заморгал глазами, но тут же решительно вернулся к делу.

— Как вы только что сказали, леди Энкейтлл, я хочу добиться правды. Вы взяли пистолет… Между прочим, какой это был пистолет?

Леди Энкейтлл кивнула головой в сторону полки у камина.

— Второй от конца. «Маузер-25».

Что-то в этом предельно четком ответе неприятно поразило Грэйнджа. Он как-то не ожидал, что леди Энкейтлл, которую он мысленно зачислил в категорию странных и немного «не в себе», опишет огнестрельное оружие с такой технической точностью.

— Вы взяли отсюда пистолет и положили его в вашу корзинку. Зачем?

— Я знала, что вы меня об этом спросите! — заявила леди Энкейтлл неожиданно почти

торжествующим тоном. — И конечно, должно быть какое-то объяснение. Как ты думаешь, Генри? — Она повернулась к мужу. — Должно же быть какое-то объяснение тому, что я взяла в то утро пистолет!

— Думаю, что так, дорогая, — натянуто сказал сэр Генри.

— Сделаешь что-нибудь, — медленно произнесла леди Энкейтлл, задумчиво глядя перед собой, — а потом не можешь вспомнить, почему ты это сделал. Но я полагаю, инспектор, всегда должно быть объяснение, надо только суметь его найти. Очевидно, у меня в голове была какая-то идея, когда я положила «маузер» в корзинку для яиц. Как вы думаете, что бы это могло быть? — обратилась она к нему.

Грэйндж пристально смотрел на нее. Ни капли замешательства, лишь по-детски нетерпеливый интерес. Это сразило инспектора. Ему никогда не приходилось встречать людей, подобных леди Энкейтлл, и на какой-то момент он растерялся.

— Моя жена, — сказал сэр Генри, — невероятно рассеянна, инспектор.

— Похоже, что так, сэр, — ответил Грэйндж, но прозвучало это не очень-то любезно.

— Как вы думаете, почему я взяла этот пи-

столет? — доверительно спросила его леди Энкейтлл.

— Не имею ни малейшего представления, леди Энкейтлл.

— Я вошла сюда, — вслух размышляла леди Энкейтлл. — Разговаривала с Симмонс о наволочках… и смутно припоминаю, что прошла к камину… Я подумала о том, что пора приобрести новую кочергу для камина…

Инспектор Грэйндж широко открыл глаза. Он чувствовал, что у него голова идет кругом.

— И я помню, что взяла «маузер»… такой хороший, удобный и небольшой револьвер; мне он всегда нравился… и опустила его в корзинку. Я ее только что взяла из цветочной комнаты. Но у меня, понимаете ли, столько всего было в голове… Симмонс… вьюнок в маргаритках… потом я надеялась, что миссис Медуэй сделает сдобного «Негра в рубашке»…

— Негра в рубашке?! — не смог удержаться инспектор.

— Ну, вы понимаете, шоколад и яйца… потом покрыть все взбитыми сливками. Как раз такой десерт к ленчу, который понравится иностранцу.

Инспектор Грэйндж заговорил напористо и резко, чувствуя неодолимое желание прорваться

сквозь невидимую тонкую паутину, застилающую перед ним свет:

— Вы зарядили пистолет?

Он надеялся захватить врасплох, может, даже немного испугать ее, но леди Энкейтлл обдумывала вопрос с глубокой сосредоточенностью.

— А действительно, зарядила или нет? Страшно глупо, но я не могу припомнить. Но, очевидно, должна была зарядить, как вы думаете, инспектор? Я хочу сказать, какой толк от пистолета, если он без патронов? Хотелось бы мне точно припомнить, что у меня было в голове?

— Дорогая Люси, — сказал сэр Генри, — таинственные мыслительные процессы, происходящие в твоей голове, приводят в отчаяние даже тех, кто знает тебя не первый год.

Она сверкнула улыбкой в сторону мужа.

— Я в самом деле пытаюсь вспомнить, Генри, дорогой! Иногда делаешь такие странные вещи! Вчера я сняла телефонную трубку и поймала себя на том, что с недоумением смотрю на нее. Я не могла себе представить, зачем она мне понадобилась.

— Очевидно, вы намеревались кому-нибудь позвонить, — холодно заметил инспектор.

— Вы знаете, совсем нет! Я потом вспомнила.

Меня удивило, почему миссис Мирз, жена садовника, так странно держит своего ребенка, и я взяла телефонную трубку, понимаете? Чтобы лучше представить того младенца. И я поняла, в чем дело: миссис Мирз держит младенца на другую сторону, потому что она левша.

Люси торжествующе переводила взгляд с одного мужчины на другого.

«Ну что же, — подумал инспектор, — вероятно, бывают такие люди на свете».

Но сам он, однако, не был в этом уверен.

Он понимал, что все это может быть тонкой ложью. Судомойка, например, ясно сказала, что Гаджен держал в руках револьвер. Хотя на это не очень-то можно положиться. Девушка ничего не смыслит в огнестрельном оружии. Слышала разговоры о револьвере в связи с убийством, а револьвер или пистолет — для нее все равно.

Оба, и Гаджен и леди Энкейтлл, указали на один и тот же пистолет, но нет ничего подтверждающего их показания. Собственно говоря, Гаджен действительно мог держать револьвер и возвратить его леди Энкейтлл, а не в кабинет. Похоже, что вся прислуга совершенно околдована этой ненормальной!

А если именно она убила Джона Кристоу? Но

почему? Этого он не мог сказать. Интересно, будут ли слуги и тогда выгораживать леди Энкейтлл, потчуя его беззастенчивой ложью? У инспектора было скверное предчувствие, что именно так они и будут себя вести.

А это невероятное заявление, что она не в состоянии вспомнить, для чего положила пистолет в корзинку… Конечно, она могла бы придумать что-нибудь получше. Выглядит так естественно… ни капельки не смущена и не испугана. Черт бы ее побрал, создается впечатление, что она говорит чистейшую правду. Инспектор встал.

— Когда вы вспомните еще что-нибудь, не откажите в любезности сообщить мне об этом, леди Энкейтлл, — сказал он сухо.

— Конечно, инспектор, — ответила она. — Иногда вдруг вспомнишь что-нибудь совершенно неожиданно.

Грэйндж вышел из кабинета. В холле он оттянул пальцем воротник, чтобы немного ослабить его, и глубоко вздохнул. Ему казалось, что он только что выбрался из зарослей чертополоха. Пожалуй, сейчас больше всего ему нужны самая

старая обкуренная трубка, пинта[62] эля[63] и хороший бифштекс с картошкой. Что-то простое, но существенное.

[62] Сноски: 62

Пинта — мера вместимости жидкости и сыпучих тел, равная 0,57 л, а также кружка такой вместимости.

[63] Сноски: 63

Эль — разновидность светлого пива.

Глава 21

Леди Энкейтлл скользила по кабинету, рассеянно трогая указательным пальцем то ту, то другую безделушку. Сэр Генри, откинувшись на спинку кресла, наблюдал за ней. Наконец он спросил:

— Люси, зачем ты взяла пистолет?

Леди Энкейтлл подошла к мужу и грациозно опустилась в кресло.

— Сама не знаю, Генри. Вероятно, у меня была какая-то смутная мысль о несчастном случае.

— Несчастном случае?

— Да, эти корни деревьев, — рассеянно продолжала говорить леди Энкейтлл, — торчащие из земли… так легко споткнуться… могло быть, что, сделав несколько выстрелов по мишени, оставили в магазине револьвера пулю… беспечность, конечно, но люди и в самом деле беспечны. Знаешь, я всегда думала, что несчастный случай — самое простое объяснение содеянному. Потом, конечно, сходишь с ума и обвиняешь себя…

Ее голос совсем замер. Сэр Генри не отрывал взгляда от ее лица.

— С кем должен был произойти несчастный случай? — спросил он так же спокойно и осторожно.

Люси немного повернула голову, с удивлением глядя на него.

— Конечно, с Джоном Кристоу.

— Господи, Люси!..

— О Генри, — сказала она серьезно. — Меня ужасно беспокоит Эйнсвик.

— Понимаю. Все дело в Эйнсвике! Ты всегда слишком сильно любила Эйнсвик, Люси! Иногда мне кажется, это единственное, что ты любишь на самом деле!

— Эдвард и Дэвид — последние… последние из Энкейтллов. И Дэвид не подходит. Он никогда не женится из-за своей матери и… вообще. К нему перейдет Эйнсвик после смерти Эдварда, и он так и не женится, а нас, тебя и меня, уже не станет, прежде чем он доживет до средних лет. Он будет последним Энкейтллом, и все исчезнет.

— Это имеет такое большое значение, Люси?

— Разумеется! Ведь это Эйнсвик!

— Ты, Люси, должна была родиться мальчиком. — Он слегка улыбнулся, так как не мог представить себе Люси не женщиной!

— Все зависит от женитьбы Эдварда… А Эдвард

так упрям… Эта его длинная голова, совсем как у моего отца. Я все надеялась, что он забудет Генриетту и женится на какой-нибудь славной девушке. Но теперь вижу, что это безнадежно. Потом я думала, что связь Джона с Генриеттой быстро распадется. Мне казалось, что все интрижки Джона никогда не были продолжительными. Но он действительно *любил* ее. Я надеялась, что, если Джона не будет на их пути, Генриетта выйдет за Эдварда. Она не такой человек, чтобы жить прошлым. Так что, как видишь, все сводилось к одному — избавиться от Джона Кристоу!

— Люси! Ты не… Что ты сделала, Люси?

Люси Энкейтлл снова поднялась с кресла, вынула из вазы два засохших цветка.

— Дорогой, — сказала она, — неужели ты можешь предположить хоть на мгновение, что я убила Джона Кристоу? У меня была эта глупая идея насчет несчастного случая. Но потом, знаешь, я вспомнила: мы ведь сами пригласили Джона Кристоу, он к нам не напрашивался. Нельзя же пригласить человека, а потом подстроить несчастный случай… Даже арабы крайне щепетильны в том, что касается гостеприимства. Так что, Генри, не беспокойся! Хорошо?

Она смотрела на него со своей неизменной

очаровательной, любящей улыбкой.

— Я всегда беспокоюсь за тебя, Люси, — с нажимом сказал он.

— Не стоит, дорогой! Ты видишь, что все в общем-то к лучшему. Джона нет. Это мне напомнило, — раздумчиво проговорила Люси, вспоминая, — того человека в Бомбее[64], который был так ужасающе груб ко мне. Через три дня его переехал трамвай.

Она открыла стеклянную дверь на террасу и вышла в сад. Сэр Генри сидел неподвижно, наблюдая за тем, как высокая, стройная фигура удаляется вниз по тропинке. Он казался старым и усталым, а лицо выглядело как у человека, живущего в постоянном страхе.

На кухне заплаканная Дорис Эммотт совсем поникла под строгими упреками мистера Гаджена. Миссис Медуэй и мисс Симмонс исполняли роль хора[65] в греческой трагедии.

— Забегать вперед и делать скоропалитель-

---

[64] Сноски: 64

Бомбей — портовый город в Западной Индии на побережье Аравийского моря.

[65] Сноски: 65

Хор — в древнегреческой трагедии группа людей, обычно от 12 до 24 человек, принимавшая участие в представлении, дополняя основное действие или сопровождая его пением и танцами.

ные заключения — так может поступать только неопытная девушка.

— Абсолютно верно, — поддержала миссис Медуэй.

— Если вы увидели меня с пистолетом в руке, правильно было подойти и сказать: «Мистер Гаджен, не будете ли вы так добры дать мне объяснение».

— Или вы могли бы подойти ко мне, — вставила миссис Медуэй. — Я всегда охотно готова объяснить молодой девушке, не знающей жизни, как ей следует поступить.

— Чего вы не должны были делать, — строго продолжал Гаджен, — так это идти и болтать об этом полицейскому… к тому же всего лишь сержанту! Никогда не следует связываться с полицией, если этого можно избежать.

— Достаточно неприятно, когда полицейские в доме.

— Ужасно неприятно, — прошептала мисс Симмонс. — Ничего подобного не случалось со мной раньше.

— Мы все знаем ее сиятельство, — продолжал Гаджен. — Я спокойно ко всему отношусь, что бы ее сиятельство ни сделала… Но полиция не знает ее сиятельства, как ее знаем мы, и не годится,

чтобы ее сиятельство беспокоили глупыми вопросами и подозрениями только потому, что она разгуливает с огнестрельным оружием. Это на нее похоже, но у полицейских на уме только убийства и прочие подобные вещи. Ее сиятельство просто очень рассеянная леди, которая и мухи не обидит, хотя нельзя отрицать, что она оставляет вещи в самых необычных местах. Я никогда не забуду, — с чувством добавил Гаджен, — как она принесла живого омара[66] и положила его в холле на поднос для визитных карточек… Я думал, у меня начались галлюцинации!

— Это, должно быть, случилось до меня, — с любопытством заметила Симмонс.

Миссис Медуэй прервала эти откровения, указав взглядом на провинившуюся Доррис.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала она. — Так вот, Доррис, мы хотим тебе добра. Связываться с полицией — это дурной тон. Помни об этом! Теперь можешь продолжать заниматься овощами и будь повнимательнее, чем вчера со стручковой фасолью.

Доррис шмыгнула носом.

---

[66] Сноски: 66

Омар — крупный морской рак, который водится у северных берегов Европы и мясо которого высоко ценится из-за прекрасных вкусовых качеств.

— Да, миссис Медуэй, — сказала она и, шаркая ногами, пошла к раковине.

— Боюсь, сегодня у меня не получатся пирожные, тут нужна легкая рука, — пророчески произнесла миссис Медуэй. — А завтра это ужасное слушание в суде. Как вспомню, мне всякий раз делается не по себе. Подумать только, чтобы такое — случилось с нами!

Глава 22

Задвижка на калитке щелкнула, Пуаро выглянул в окно и, увидев визитера, очень удивился. Что могло привести к нему Веронику Крэй?

Она вошла, благоухая восхитительными духами, которые Пуаро тут же узнал. На Веронике, как и на Генриетте, был твидовый костюм и уличные туфли, но на этом их сходство заканчивалось.

— Мосье Пуаро. — Тон был мягкий и слегка взволнованный. — Я только сейчас обнаружила, кто мой сосед. Мне всегда хотелось познакомиться с вами.

Пуаро склонился над ее протянутыми руками.

— Я в восторге, мадам.

Вероника приняла эти знаки внимания с милостивой улыбкой, но от чая, кофе или коктейля отказалась.

— Нет-нет. Я пришла только поговорить с вами. Серьезно поговорить. Я обеспокоена.

— Вы обеспокоены? Мне очень жаль.

Вероника со вздохом опустилась на стул.

— По поводу смерти Джона Кристоу. Завтра предварительное слушание. Вы знаете об этом?

— Разумеется.

— Все это так невероятно… — Она внезапно замолчала. — Едва ли кто мне поверит. Но вы, я думаю, сможете поверить, потому что знаете кое-что о человеческой природе.

— Да, немного знаю, — согласился Пуаро.

— Ко мне приходил инспектор Грэйндж. Он вбил себе в голову, будто я ссорилась с Джоном, что отчасти верно, но совсем не так, как он думает… Я сказала ему, что не видела Джона пятнадцать лет, и он мне просто-напросто не поверил. Но это правда, мосье Пуаро.

— Если это правда, ее легко доказать. Зачем же беспокоиться?

На его улыбку Вероника ответила самой дружеской улыбкой.

— Дело в том, что я просто не решилась рассказать инспектору, что случилось на самом деле в субботу вечером. Это было настолько невероятно, что инспектор, конечно, не поверил бы, но я чувствовала, что должна кому-нибудь рассказать. Поэтому я пришла к вам.

— Я чрезвычайно польщен, мадам, — тихо произнес Пуаро.

Любезность Пуаро, как он успел заметить, она приняла как должное. «Эта женщина, — подумал

он, — чрезвычайно уверена в производимом ею впечатлении. Настолько уверена, что может, пожалуй, иногда допустить ошибку».

— Пятнадцать лет назад мы с Джоном были помолвлены. Он был очень влюблен в меня… настолько, что иногда это даже пугало. Он хотел, чтобы я оставила сцену, отказалась от привычного образа жизни. Он был так деспотичен и одержим, что мне стало ясно — я этого не вынесу. И я разорвала помолвку. Боюсь, он принял все слишком близко к сердцу.

Пуаро сочувственно поцокал языком.

— Я не видела его до прошлой субботы. Он проводил меня домой. Я сказала инспектору, что мы говорили о прошлом… в общем, это соответствует истине. Но было и нечто большее.

— Да?

— Джон потерял голову… совершенно обезумел. Он хотел оставить свою жену и детей, требовал, чтобы я развелась с мужем и вышла замуж за него. Он сказал, что никогда не забывал меня… что с тех пор, как меня увидел, время остановилось…

Она закрыла глаза и судорожно сглотнула, даже под пудрой и гримом было заметно, что ее лицо невероятно побледнело. Наконец она снова

открыла глаза и почти робко улыбнулась Пуаро.

— Вы можете поверить, что… чувство, подобное этому, возможно? — спросила она.

— Да, я думаю, это возможно.

— Так помнить… так ждать… строить планы… надеяться, решившись всем сердцем и умом, добиться наконец того, чего хочешь. Такие мужчины есть, мосье Пуаро.

— Да… и женщины тоже.

Она пристально посмотрела на него.

— Я говорю о мужчинах… о Джоне Кристоу. Вот как все это было! Сначала я противилась, смеялась, отказываясь принимать все всерьез. Потом сказала ему, что он безумец. Было довольно поздно, когда он отправился домой. Мы спорили и спорили. Он не отступал.

Она опять судорожно сглотнула.

— Вот почему я на следующее утро послала ему записку. Я не могла все оставить так. Я хотела заставить его понять — то, что он хочет, невозможно.

— В самом деле?

— Ну разумеется! Он пришел, но не хотел слушать, что я ему говорила, и продолжал настаивать. Я сказала, что не люблю его, что я его ненавижу. — Она остановилась, тяжело ды-

ша. — Я вынуждена была быть грубой. Так мы и расстались, окончательно рассорившись. А теперь… он мертв.

Пуаро видел, как ее руки прокрались друг к другу, видел сплетенные пальцы, выступающие костяшки пальцев сжатых рук. Это были крупные, довольно жестокие руки.

Ее переживания передались ему. Это была не печаль, не грусть — нет! Это была злость. «Злость эгоистки, — подумал Пуаро, — чьи расчеты не оправдались».

— Ну так что, мосье Пуаро? — Она снова владела собой. — Что мне делать? Рассказать или держать все при себе? Вот что случилось на самом деле, но, вероятно, не так легко этому поверить.

Пуаро посмотрел на нее долгим, испытующим взглядом. Он не думал, что Вероника Крэй сказала правду, и все-таки в ее рассказе чувствовалась искренность. «Все это действительно было, — подумал он, — но происходило иначе».

И вдруг он понял. Это была правдивая история, но… перевернутая. Это она не могла забыть Джона Кристоу. Это ее отвергли и оттолкнули. И теперь эта разъяренная тигрица лишилась того, кого она считала своей законной добычей, и, чтобы хоть как-то излить досаду и злость, она

придумала свой вариант «правды», который мог бы удовлетворить ее уязвленную гордость, удовлетворить голод по человеку, ускользнувшему из ее жадных рук. Разве можно признать, что она, Вероника Крэй, не смогла получить желаемого! Поэтому она перевернула все с ног на голову.

Пуаро глубоко вздохнул.

— Если это касается смерти Джона Кристоу, вы должны были бы все рассказать, если же нет… а я не вижу тут связи… думаю, вполне оправданно держать все это при себе.

Он понял, что она разочарована. Ему показалось, что в данный момент его гостье очень хотелось бы швырнуть эту историю на страницы газет. Зачем она пришла к нему? Испытать свою версию на нем? Посмотреть, как он отреагирует? Или убедить его использовать эту историю?

Если его спокойная реакция и разочаровала ее, виду она не подала. Поднявшись, она протянула ему изысканной формы кисть:

— Благодарю вас, мосье Пуаро. То, что вы посоветовали мне, выглядит чрезвычайно разумным. Я рада, что пришла к вам. Я… мне хотелось, чтоб кто-нибудь знал.

— Ценю ваше доверие, мадам.

Когда она ушла, Пуаро приоткрыл окна. Он был

небезразличен к запахам. Запах духов Вероники ему не нравился. Очень дорогой, но приторный и навязчивый, как она сама.

Отряхивая занавески, Пуаро спросил себя, не она ли убила Джона Кристоу. Вероника Крэй хотела бы убить его… В этом Пуаро не сомневался. Она бы с удовольствием нажала курок… а потом с наслаждением смотрела бы, как он шатается и падает.

Однако за мстительной злостью скрывалось то, что помогало его посетительнице безошибочно оценивать свои возможности, — холодный расчетливый ум. Как бы сильно ни хотелось Веронике Крэй убить Джона Кристоу, она едва ли решилась бы на такой риск.

Глава 23

Предварительное слушание дела закончилось. Это была чистейшая формальность, и, хотя все заранее знали об этом, почему-то каждый почувствовал облегчение. По просьбе полиции слушание было отложено на две недели.

Герда приехала из Лондона вместе с миссис Паттерсон в арендованном «Даймлере». На ней было черное платье и шляпа, которая ей совсем не шла. Она выглядела нервной и потерянной. Готовясь снова сесть в «Даймлер», она задержалась, увидев, что к ней направилась леди Энкейтлл.

— Как вы, дорогая Герда? Надеюсь, вы не очень плохо спите? Мне кажется, все прошло так, как мы и ожидали. Как вы считаете? Очень жаль, что вас не было с нами в «Лощине», но я вполне понимаю, как тяжело бы это было для вас.

— Это была идея мисс Кольер: приехать — и сразу же обратно, — сказала миссис Паттерсон своим неизменно деловым тоном, с упреком глядя на сестру, которая не представила ее должным образом. — Дорого, конечно, но мы подумали, что имеет смысл.

— О, я согласна с вами.

— Я сразу же забираю Герду и детей прямо в Бексхилл, — понизила голос миссис Паттерсон. — Ей сейчас нужен покой и отдых. Эти репортеры! Вы себе представить не можете… Прямо кишат вокруг Харли-стрит.

Какой-то молодой человек щелкнул фотоаппаратом, Элси Паттерсон втащила сестру в машину, и они уехали.

На мгновение мелькнуло лицо Герды под полями несуразной шляпы. Оно было пустое, растерянное… похожее на лицо полоумного ребенка.

— Бедняга, — пробормотала вполголоса Мидж Хардкасл.

— И что все находили в этом Кристоу? — раздраженно сказал Эдвард. — Эта несчастная женщина выглядит совершенно убитой.

— Она была полностью поглощена им, — сказала Мидж.

— Почему? Он был эгоистом… по-своему хорош в компании, но… — Он оборвал фразу и, помолчав, спросил: — Что вы думаете о нем, Мидж?

— Я? — Мидж задумалась. Наконец сказала, сама удивившись своим словам: — Мне кажется, я уважала его.

— Уважали? За что?

— Он хорошо знал свое дело.

— Вы имеете в виду медицину?

— Да.

Они вынуждены были прервать разговор. Генриетта намеревалась подбросить Мидж в Лондон в своей машине. Эдвард должен был уехать вместе с Дэвидом поездом — сразу после ленча. Прощаясь, он неопределенно сказал:

— Мидж, вы должны как-нибудь пообедать со мной. — И Мидж ответила, что рада бы, но обеденный перерыв у нее только один час. Эдвард улыбнулся своей милой улыбкой: — О, это совершенно особый случай. Я уверен, они поймут.

Затем он подошел к Генриетте.

— Я позвоню тебе.

— Да, пожалуйста, Эдвард. Но, возможно, меня не будет дома.

— Не будет дома?

Она насмешливо улыбнулась:

— Поеду куда-нибудь топить свою печаль. Уж не думаешь ли ты, что я буду сидеть и хандрить?

— Я не понимаю тебя, Генриетта, — медленно сказал он.

Ее лицо смягчилось.

— Милый Эдвард! — неожиданно сказала она,

пожав ему руку. — Люси, — обратилась Генриетта к леди Энкейтлл, — я смогу снова приехать в «Лощину», если захочу?

— Конечно, дорогая, — ответила леди Энкейтлл. — К тому же через две недели опять назначено слушание.

Генриетта отправилась на рыночную площадь, где оставила свою машину. Чемоданы, ее и Мидж, были уже погружены. Они с Мидж уселись, и машина тронулась с места.

Поднявшись вверх на холм, они выехали на дорогу. Внизу под ними в холоде серенького осеннего дня слегка вздрагивали коричневые и золотые листья.

— Я рада, что уехала, — неожиданно сказала Мидж. — Даже от Люси. Она очень милая, но иногда из-за нее у меня мурашки ползут по спине.

Генриетта напряженно смотрела в маленькое автомобильное зеркало.

— Люси не может не украсить колоратурными пассажами…[67] даже убийство, — как бы вскользь бросила она.

— Знаешь, я никогда раньше об убийствах не думала.

---

[67] Сноски: 67

Колоратурный пассаж — украшение вокальной пьесы переливами голоса, трелями, руладами.

— С какой стати ты должна была о них думать? Об этом не думают. Это просто слово в кроссворде из восьми букв или приятное развлечение между обложками книги. А в жизни…

Она замолчала.

— Это реально и страшно! — закончила Мидж.

— Тебе нечего бояться, — сказала Генриетта. — Тебя это не касается. Пожалуй, ты единственная из нас, кого это не касается.

— Теперь это не касается никого из нас, — заметила Мидж. — Мы вне подозрений.

— Ты так думаешь? — пробормотала Генриетта.

Она продолжала напряженно смотреть в автомобильное зеркало. Неожиданно она нажала на акселератор, машина увеличила скорость. Генриетта взглянула на спидометр: больше пятидесяти миль, теперь стрелка подходила к шестидесяти.

Мидж сбоку взглянула на Генриетту. Отчаянная езда совсем не в ее манере. Генриетта любит скорость, но извилистая дорога, по которой они ехали, вряд ли оправдывала такой риск. Губы Генриетты искривились в хмурой улыбке.

— Взгляни через плечо, Мидж, — сказала она. — Видишь машину сзади нас?

— Да.

— Это «Вентнор-10».

— В самом деле? — сказала Мидж без всякого интереса.

— Неплохая машина — среди маленьких автомобилей. Берет немного бензина, хороша на дороге, но не быстроходна.

— Да?

«Странно, — подумала Мидж, — до чего Генриетта увлечена машинами, все про них знает».

— Как я сказала, они не быстроходны… А эта машина, Мидж, сохраняет дистанцию, хотя у нас скорость уже больше шестидесяти миль в час.

Мидж с удивлением повернулась к ней:

— Ты хочешь сказать…

Генриетта кивнула:

— Полиция. Я думаю, у них специальные моторы на обычных машинах.

— Ты хочешь сказать, что они продолжают следить за нами?

— Совершенно очевидно.

Мидж вздрогнула.

— Генриетта, ты что-нибудь понимаешь в этой истории со вторым револьвером?

— Нет, но она снимает подозрения с Герды, хотя ничего, кроме этого, не добавляет к расследованию.

— Но если это один из револьверов Генри?..

— Что пока не доказано. Как ты помнишь, револьвера так и не нашли.

— Не нашли. Может быть, это вообще кто-нибудь со стороны. Знаешь, мне бы хотелось, чтобы это была та женщина.

— Вероника Крэй?

— Да.

Генриетта ничего не ответила. Глаза ее были прикованы к полотну дороги.

— Ты думаешь, это возможно? — настаивала Мидж.

— Возможно? Да, возможно, — сказала она задумчиво.

— Значит, ты так не думаешь…

— Бесполезно предполагать что-либо только потому, что тебе так хочется. Хотя это, конечно, идеальное решение… мы все — вне подозрений!

— Мы? Но…

— Мы все замешаны… Даже ты, дорогая, хотя трудно найти мотив, чтобы обвинить тебя в убийстве Джона. Разумеется, я хотела бы, чтоб это была Вероника. Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем взглянуть на ее «превосходный спектакль», как говорит Люси, на скамье подсудимых!

Мидж бросила на нее быстрый взгляд.

— Скажи, Генриетта, все это сделало тебя мстительной?

— Ты имеешь в виду… — Генриетта на мгновение запнулась, — потому что я любила Джона?

— Да.

Мидж вдруг совершенно неожиданно для себя осознала, что это впервые произнесено вслух. Все знали: и Люси, и Генри, и Мидж, и даже Эдвард, что Генриетта любит Джона Кристоу, но никто никогда в разговоре даже не намекнул на это.

Генриетта, казалось, задумалась.

— Я не могу объяснить тебе, что я чувствую, — сказала она. — Может быть, я и сама не знаю. Давай зайдем ко мне в студию, Мидж, — предложила Генриетта. — Попьем чаю, а потом я отвезу тебя в твою берлогу.

Здесь, в Лондоне, короткий осенний день уже угасал. Они подъехали к дверям студии. Открыв ключом дверь, Генриетта вошла и зажгла свет.

— Холодно, — сказала она. — Надо бы включить газ. О черт! Я ведь хотела купить спички по дороге.

— Может, зажигалкой?

— Моя не годится. Да и все равно трудно зажечь газовую горелку зажигалкой. Ты располагайся

поудобнее. На углу нашей улицы стоит слепой старик. Я обычно покупаю у него спички. Через одну-две минуты я вернусь.

Оставшись одна, Мидж стала бродить по студии, разглядывая скульптуры Генриетты. Было как-то жутко в пустой мастерской среди деревянных и бронзовых фигур. Бронзовая голова с высокими скулами в жестяной каске — вероятно, солдат; воздушная конструкция из скрученных алюминиевых лент, сильно заинтриговавшая Мидж; огромная, замершая в неподвижности лягушка из розового гранита. В углу Мидж увидела деревянную, почти в человеческий рост фигуру. Она пристально ее рассматривала, но тут щелкнул ключ в замке и вошла слегка запыхавшаяся Генриетта.

Мидж обернулась.

— Что это, Генриетта? Просто страшно…

— «Поклонение»… Для международной выставки.

— Даже страшно… — повторила Мидж, все так же пристально глядя на статую.

Опустившись на колени, чтобы зажечь газ в камине, Генриетта сказала через плечо:

— Интересно, что ты так говоришь. Почему ты считаешь, что это страшно?

— Я думаю… потому что нет лица!

— Ты абсолютно права, Мидж.

— Это очень хорошая скульптура, Генриетта.

— Просто отличное грушевое дерево, — небрежно бросила Генриетта.

Она поднялась с колен, бросила свою большую сумку и манто на диван, а несколько коробков спичек — на стол. Мидж поразило выражение лица Генриетты: на нем было внезапное и совершенно необъяснимое возбуждение.

— А теперь — чай! — воскликнула Генриетта, и в ее голосе было то же ликование, которое Мидж заметила на ее лице. Это ликование было почти неуместным, но Мидж забыла об этом, взглянув на коробки спичек на столе.

— Ты помнишь спички, которые Вероника Крэй унесла с собой?

— Когда Люси насильно всучила ей полдюжины коробков? Конечно, помню.

— Интересно, кто-нибудь проверил, были у нее в коттедже спички или нет.

— Я думаю, полицейские проверяли. Они все делают основательно.

Едва заметная улыбка искривила губы Генриетты. Мидж чувствовала себя заинтригованной и почти возмущенной. «Любила ли Генриетта Джо-

на? Способна ли она вообще любить? Конечно, нет!» Мидж почувствовала, как холод отчаяния коснулся ее при мысли, что Эдварду не придется долго ждать.

Как, однако, невеликодушно с ее стороны, что эта мысль не принесла ей душевного спокойствия. Разве она не хочет, чтобы Эдвард был счастлив? Ей он все равно никогда не будет принадлежать, для него она всегда останется «малышкой Мидж». Никогда она не будет для него любимой женщиной. К сожалению, Эдвард относится к числу преданных. Ну что ж, преданные в конце концов получают то, чего хотят.

Эдвард и Генриетта в Эйнсвике… Подходящий конец всей этой истории. Как в сказке: «Они жили долго и счастливо». Мидж представила себе все это очень ярко.

— Не грусти, Мидж, — сказала Генриетта, — не позволяй всей этой истории взять над тобой верх! Может, пойдем и вместе пообедаем?

Но Мидж поспешно ответила, что ей пора домой. У нее есть дела… нужно написать письма. Короче говоря, она уйдет, как только допьет чай.

— Хорошо. Я отвезу тебя.

— Я могу взять такси.

— Надо пользоваться машиной, раз уж она

есть.

Они вышли на сырой вечерний воздух.

Проезжая конец улицы Мьюз, Генриетта показала на машину, стоявшую у обочины:

— «Вентнор-10». Наша тень. Вот увидишь, она последует за нами.

— Как это чудовищно!

— Ты так думаешь? Мне это безразлично.

Генриетта высадила Мидж у ее дома, вернулась на улицу Мьюз и поставила машину в гараж.

Затем она снова вошла в студию. Несколько минут она стояла, машинально барабаня пальцами по каминной полке. Потом, вздохнув, сказала себе: «Ну что ж — за работу! Не будем терять времени!»

Через полтора часа Генриетта, отступив назад, критически осмотрела свое творение. Глина пристала к щекам, волосы растрепались, но, глядя на модель, укрепленную на стенде, она одобрительно кивнула головой.

Это было грубое подобие лошади. Глина набросана на каркас неровными комками. От такой лошади любого полковника кавалерии хватил бы апоплексический удар, так не похожа она была на живую, из плоти и костей. Пожалуй, это огорчило бы ирландских предков Генриетты…

Тем не менее это была лошадь — лошадь… в абстрактном видении.

«Интересно, что подумал бы инспектор Грэйндж, взглянув на мое творение?» Представив себе его лицо, Генриетта слегка улыбнулась.

Глава 24

Эдвард Энкейтлл в нерешительности стоял в водовороте людского потока на Шефтсбери-авеню[68]. Он собирался с духом, чтобы войти в магазин, на вывеске которого золотыми буквами было написано: «Мадам Элфридж».

Какое-то смутное опасение удерживало его от того, чтобы попросту позвонить Мидж и пригласить ее на ленч. Обрывок телефонного разговора, свидетелем которого он был в «Лощине», взволновал, нет, даже шокировал его. В голосе Мидж была покорность, почти заискивание, которые возмутили его до глубины души.

Мидж — непринужденной, веселой, искренней — такая терпимость была совершенно несвойственна! Подчиняться (а она явно подчинялась) грубости и наглости, доносившимся с другого конца телефонного провода… Здесь что-то не так… все не так! А потом, когда он проявил заботу, она резко и прямо выложила ему неприглядную истину — найти работу нелегко, а чтобы тебя не уволили, требуется нечто более

---

[68] Сноски: 68
Шефтсбери-авеню — улица в центральной части Лондона.

неприятное, чем простое выполнение своих обязанностей.

До сих пор Эдвард принимал как должное тот факт, что теперь работают довольно многие молодые женщины. Он всегда считал, что раз они работают, значит, сами того хотят, так как это льстит их чувству независимости и делает их жизнь полнее.

Мысль о том, что рабочий день с девяти до шести с одночасовым перерывом на ленч в большинстве случаев лишает девушку отдыха и удовольствий, которыми пользуются представители имущего класса, просто не приходила ему в голову. Новым и неприятным открытием было то, что Мидж могла, например, заглянуть в картинную галерею не иначе, как пожертвовав своим ленчем; не могла пойти на полуденный концерт; поехать в погожий летний день за город; не спеша пообедать в дальнем ресторане. Вместо этого она должна была отложить поездки за город на субботу и воскресенье, а в перерыв наспех перекусить в переполненном кафе или закусочной. Ему нравилась Мидж. Малышка Мидж… Он всегда так ее называл. Девочкой она появлялась в Эйнсвике по праздникам, вначале всегда робела и только молча на всех смотрела широко

раскрытыми глазами, но, немного освоившись, становилась жизнерадостной и естественной.

Склонность жить исключительно прошлым, воспринимая настоящее с опаской, как нечто неиспробованное, помешала Эдварду вовремя увидеть в Мидж взрослого человека, который сам зарабатывает себе на жизнь.

В тот вечер в «Лощине», когда он, весь похолодевший после гнетущего столкновения с Генриеттой, вошел в дом и увидел, как Мидж, став на колени, разжигает огонь в камине, он впервые почувствовал, что перед ним не влюбленный ребенок, а женщина. Это было как крушение мечты… на какое-то мгновение он почувствовал, что потерял что-то очень важное… какую-то драгоценную часть Эйнсвика. И под влиянием внезапного порыва он сказал тогда: «Мне хотелось бы чаще видеть вас, дорогая Мидж».

Тот лунный свет, и слова Генриетты… он почувствовал, что она совсем не похожа на женщину, которую он так долго любил, и тогда он ощутил страх. И позже, войдя в дом, он снова почувствовал, что его привычные представления о жизни рушатся. Малышка Мидж, которая тоже была частью Эйнсвика, оказывается, превратилась в независимую взрослую женщину с грустными

глазами, и этой женщины он не знал.

С тех пор Эдвард не находил себе места, упрекая себя в равнодушии, в том, что ни разу не удосужился узнать, как ей живется. Мысль о магазине мадам Элфридж все больше беспокоила его, и он решил наконец посмотреть, что собой представляет этот столь мало подходящий для Мидж магазин.

Эдвард с подозрительностью смотрел на выставленные в витрине магазина короткое черное платье с узким золотым поясом, щегольской костюм с блузкой и вечернее платье из безвкусных цветных кружев. Эдвард мало что смыслил в дамской одежде, однако почувствовал, что все выставленное довольно вульгарно. «Нет, — подумал он, — это место не для Мидж. Кто-нибудь… может, Люси Энкейтлл… должен что-то предпринять».

С трудом поборов смущение, Эдвард распрямил свои несколько сутулые плечи и вошел. И сразу же был буквально парализован открывшейся его глазам сценой. Две кокетливые блондинки с резкими голосами выбирали платья, им помогала смуглая продавщица. В глубине салона невысокая женщина с крашенными хной волосами, толстым носом и неприятным голосом препиралась с совершенно сбитой с толку дород-

ной клиенткой по поводу переделок в вечернем платье. Из соседней кабинки послышался резкий женский голос:

— Безобразно… просто безобразно… неужели вы не можете принести мне что-нибудь приличное!

И тут Эдвард услышал приглушенный голос Мидж, почтительный, убеждающий:

— Платье винного цвета действительно изящно. И я думаю, этот фасон вам подойдет. Если вы только его примерите…

— Я не желаю тратить время на заведомо негодные вещи! Вы все поняли? Я уже вам говорила, что не хочу ничего красного. Если бы вы слушали, что вам говорят…

Лицо Эдварда залила краска. Он надеялся, что Мидж швырнет платье прямо в лицо этой отвратительной женщине. Вместо этого она тихо сказала:

— Хорошо, я посмотрю еще. А вон то зеленое или это персиковое? Не хотите?

— Отвратительно… просто отвратительно! Я ничего больше не стану смотреть. Напрасная трата времени…

Мадам Элфридж, оторвавшись от дородной клиентки, подошла к Эдварду и вопросительно на него посмотрела.

Он взял себя в руки.

— Здесь ли… могу я поговорить… Здесь ли мисс Хардкасл?

Брови мадам Элфридж поползли вверх, но, заметив, что одежда Эдварда была от Сэвил-роу[69], она изобразила улыбку, от которой ее злое лицо сделалось еще более неприятным.

Из кабинки снова раздался капризный голос:

— Осторожнее! Какая вы неловкая! Вы разорвали мне сеточку для волос.

— Очень сожалею, мадам, — послышался прерывистый голос Мидж.

— Как же вы бестолковы и неповоротливы! — Голос замер, а затем: — Нет уж, лучше я сама… Мой пояс, пожалуйста.

— Мизз Хардказзл через минуту освободится, — произнесла мадам Элфридж, и улыбка ее стала хитрой и злобной.

Из кабинки вышла женщина с волосами песочного цвета и дурным настроением. Держа в руках множество свертков, она с гневным видом направилась к выходу. Мидж, в строгом черном платье, открыла ей дверь. Она выглядела бледной и несчастной.

---

[69] Сноски: 69

Сэвил-роу — улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

— Я пришел пригласить вас на ленч, — без всяких предисловий сказал Эдвард.

Мидж бросила быстрый взгляд на часы.

— Я освобожусь не раньше чем в четверть второго.

Часы показывали десять минут первого.

— Вы можете идти, если хотите, мизз Хардказзл, раз важ друг прижел за вами, — милостиво изрекла мадам.

— О, благодарю вас, мадам Элфридж. — Мидж повернулась к Эдварду: — Через минуту я буду готова, — и скрылась в глубине магазина.

Эдвард, вздрогнувший от язвительного тона, каким мадам Элфридж произнесла слово «друг», стоял, беспомощно ожидая Мидж. Мадам Элфридж только собралась сказать какую-то двусмысленность, как в магазин вошла пышная женщина с китайским мопсом. Деловой инстинкт мадам Элфридж немедленно увлек ее к новой клиентке. Мидж, уже в пальто, подошла к Эдварду, и он, взяв ее за локоть, поспешил увести.

— Господи! — воскликнул он. — И с этим вы должны мириться?! Я слышал эту мерзкую женщину, которая разговаривала с вами за занавеской. Как вы можете это терпеть, Мидж! Почему вы не швырнули ей в лицо это проклятое

платье?

— Если бы я это сделала, то тут же лишилась бы работы.

— Неужели вам не хочется швырнуть чем-нибудь в подобных женщин?

Мидж глубоко вздохнула:

— Конечно, хочется. Особенно в конце недели во время летней распродажи, когда меня просто охватывает страх, что я не выдержу и в один прекрасный день вместо «Да, мадам», «Нет, мадам», «Я посмотрю, есть ли еще что-нибудь у нас, мадам»... я пошлю их всех к дьяволу.

— Мидж, дорогая малышка Мидж, вы не должны мириться со всем этим.

Мидж неуверенно засмеялась.

— Не расстраивайтесь так, Эдвард! Что это вдруг вы пришли сюда? Почему не позвонили?

— Мне хотелось взглянуть самому. Я беспокоился... — Он помолчал, а затем неожиданно вскипел: — Господи, Люси даже со своей судомойкой не разговаривает так, как эта женщина говорила с вами! Нет, это никуда не годится — терпеть подобную наглость. Боже мой, Мидж, я хотел бы увезти вас от всего этого в Эйнсвик. Взял бы такси и повез прямо на вокзал. Поезд в два пятнадцать.

Мидж остановилась, напускное безразличие мигом слетело с нее. Позади длинное утомительное утро с несносными покупательницами, грубые выходки мадам… С внезапной вспышкой гнева Мидж набросилась на Эдварда:

— Ну так почему бы вам этого не сделать? Вокруг полно такси!

Эдвард смотрел на нее, изумленный этим неожиданным порывом.

— Зачем вы пришли? Что вы такое говорите? Вы же ничего подобного не собираетесь делать! Думаете, вы утешили меня, напомнив, что среди этого повседневного ада есть на свете такое место, как Эйнсвик? Вы ждете от меня благодарности за то, что стоите здесь и лепечете о том, как бы вам хотелось увезти меня отсюда! Все это звучит очень мило, но на самом деле вы этого совсем не хотите. Или вы не знаете, что я продала бы душу ради того, чтобы вскочить в этот самый поезд и уехать в Эйнсвик? Мне невыносимо даже думать об Эйнсвике, понимаете? Вы хотите добра, Эдвард, но вы жестоки! Одни слова… только слова!

Они стояли друг против друга на Шефтсбериавеню, мешая спешащим на ленч прохожим. Но они видели только друг друга. Эдвард смотрел на Мидж так, словно его неожиданно разбудили

после долгого сна.

— Хорошо, черт побери! — сказал он. — Вы поедете в Эйнсвик поездом в два пятнадцать!

Взмахнув тростью, он остановил проходившее мимо такси. И открыл дверцу. Мидж, слегка ошеломленная, забралась в машину.

— Вокзал Паддингтон[70], — сказал Эдвард водителю, усаживаясь рядом с Мидж.

Оба молчали. Губы Мидж были плотно сжаты, взгляд дерзкий и непокорный. Эдвард упорно смотрел перед собой. Когда они остановились у светофора на Оксфорд-стрит[71], Мидж сказала:

— Кажется, я заставила вас блефовать.

— Это не блеф, — коротко ответил Эдвард.

Такси рывком снова устремилось вперед. Только когда машина свернула на Кэмбридж-Террас, Эдвард пришел в себя.

— Мы не успеем на два пятнадцать, — сказал он и постучал по стеклу водительской кабины: —

---

[70] Сноски: 70

Паддингтон — вокзал в Лондоне, конечная станция Западного района, а также пересадочный узел метро.

[71] Сноски: 71

Оксфорд-стрит — одна из главных торговых улиц в центральной части Лондона.

Поехали к «Баркли»[72].

— Почему мы не успеем? — холодно спросила Мидж. — Сейчас еще только двадцать пять минут второго.

Эдвард улыбнулся.

— У вас нет с собой никаких вещей, малышка Мидж. Ни ночной рубашки, ни зубной щетки, ни обуви, удобной для прогулок. Как вы знаете, еще есть поезд в четыре пятнадцать. Сейчас мы за ленчем все обсудим.

— Как это похоже на вас, Эдвард, — вздохнула Мидж. — Всегда помнить практическую сторону. Вы не умеете терять голову, не так ли? Ну что ж, это был прекрасный, хоть и короткий сон.

Мидж вложила в ладонь Эдварда свою руку и улыбнулась прежней улыбкой.

— Простите, на улице я вела себя как рыночная торговка из рыбных рядов, — сказала она. — Но знаете, Эдвард, вы были несносны!

— Да, — сказал он. — Пожалуй!

С легким сердцем они вошли в «Баркли», расположились за столиком у окна, и Эдвард заказал чудесный ленч.

Покончив с курицей, Мидж вздохнула:

---

[72] Сноски: 72

«Баркли» — лондонская гостиница люкс и ресторан на улице Барклиси-стрит.

— Мне пора. Мое время кончилось.

— Сегодня вы не будете торопиться, даже если мне придется скупить ради этого половину платьев в вашем магазине.

— Вы очень милы, Эдвард!

После crê pes suzettes[73] официант принес кофе. Помешивая ложечкой сахар, Эдвард тихо спросил:

— Вы действительно так любите Эйнсвик?

— Не надо об Эйнсвике! Я так разочарована, что мы не уехали поездом в два пятнадцать, и, конечно, на четыре пятнадцать нам тоже уже не успеть… Зачем сыпать соль на рану?

Эдвард улыбнулся:

— Я не приглашаю вас на поезд в четыре пятнадцать… Я предлагаю отправиться в Эйнсвик… насовсем… если вы, конечно, сможете терпеть меня.

Мидж посмотрела на него поверх кофейной чашки… потом медленно опустила ее, стараясь сдержать дрожь в руке.

— Что вы имеете в виду, Эдвард?

— Я предлагаю вам, Мидж, выйти за меня замуж. Не думаю, что это очень романтичное

---

[73] Сноски: 73
Специально приготовленных блинчиков *(фр.)*.

предложение. Человек я нудный, я это знаю, и не очень-то к чему-либо пригодный… Читаю книги и слоняюсь без дела. Но, хоть я и не слишком яркая личность, мы знаем друг друга много лет, и надеюсь, что Эйнсвик сам по себе будет компенсацией. Я думаю, вы будете счастливы в Эйнсвике. Вы согласны?

У Мидж сдавило горло, раз, другой…

— Я думала… Генриетта… — сказала она и остановилась.

— Да, — ответил Эдвард. Голос его был ровный и бесстрастный. — Я четыре раза просил Генриетту выйти за меня замуж, и каждый раз она мне отказывала. Генриетта твердо знает, чего она не хочет.

В наступившей тишине Эдвард спросил:

— Ну так как же, Мидж?

Мидж посмотрела на него. У нее перехватило дыхание.

— Кажется просто невероятным… когда предлагают блаженство на блюдечке… в «Баркли»!

Лицо Эдварда озарилось. На мгновение он прикрыл руку Мидж своей.

— Блаженство на блюдечке! — повторил он. — Значит, вы так думаете об Эйнсвике. О Мидж! Я очень рад!

Счастливые, они посидели еще немного. Эдвард заплатил по счету, добавив чудовищные чаевые. Посетители в ресторане поредели.

— Нам пора, — с усилием сказала Мидж. — Я думаю, мне лучше вернуться к мадам Элфридж. В конце концов, она на меня рассчитывает. Я ведь не могу просто взять и уйти.

— Конечно. Я думаю, надо вернуться и отказаться от должности, или заявить об уходе, или как там это называется… Ты не будешь больше там работать. Я этого не хочу. Но прежде всего мы отправимся в один из магазинов на Бонд-стрит[74], где продают кольца.

— Кольца?!

— Так ведь принято.

Мидж засмеялась.

В неярком свете ювелирного магазина Мидж и Эдвард склонились над крытыми бархатом подставками с рядами сверкающих обручальных колец. Предупредительный продавец доброжелательно наблюдал за ними.

— Нет. Не изумруды! — сказал Эдвард, отодвинув бархатную подставку.

Генриетта в зеленом твиде… Генриетта в вечер-

---

[74] Сноски: 74

Бонд-стрит — одна из главных торговых улиц Лондона, известная своими фешенебельными магазинами, особенно ювелирными.

нем платье, словно из китайского жадеита…[75] Нет, не изумруды… Мидж постаралась заглушить острый укол боли в сердце.

— Выбери за меня, — сказала она Эдварду.

Он снова склонился над прилавком. Наконец он выбрал кольцо с одним бриллиантом, не очень большим, но прекрасного цвета и блеска.

— Мне нравится это.

Мидж кивнула. Выбор свидетельствовал о безошибочном, изысканном вкусе. Она надела кольцо на палец. Эдвард и продавец, откинув головы назад, смотрели, как оно выглядит на руке. Эдвард выписал чек на 342 фунта и, улыбаясь, вернулся к Мидж.

— Ну а теперь пойдем и хорошенько нагрубим твоей мадам Элфридж, — сказал он.

---

[75] Сноски: 75

Жадеит — поделочный камень, нефрит желтовато-зеленого цвета.

Глава 25

— Мои дорогие, я просто в восторге! — Леди Энкейтлл протянула изящную руку Эдварду, а другой слегка коснулась Мидж. — Ты поступил совершенно правильно, Эдвард, заставив ее бросить этот ужасный магазин и приехать сюда. Мидж, разумеется, останется здесь, отсюда и выйдет замуж… Церковь Святого Георга, три мили по дороге, хотя лесом всего одна миля, но через лес не ходят венчаться. И я полагаю, должен быть викарий…[76] да, но у бедняги такие отвратительные простуды каждую осень… тогда как у его помощника типично англиканский голос, так что вся церемония будет более торжественной и к тому же более религиозной, вы понимаете, что я имею в виду? Так невероятно трудно сохранять благоговейное состояние, если говорят в нос.

В общем, это был типично «люсиобразный» прием! Мидж хотелось смеяться и плакать одновременно.

— Я очень хочу быть выданной замуж отсю-

---

[76] Сноски: 76

Викарий — приходский священник в англиканской церкви, государственной церкви Великобритании.

да, — сказала она.

— В таком случае решено, дорогая! Белый, чуть кремоватый атлас… и, я думаю, молитвенник в переплете цвета слоновой кости, а не букет! Шаферы?

— Нет. Я не хочу никакой суеты. Просто скромное венчание.

— Понимаю, дорогая… и, думаю, ты права. Осенняя свадьба — почти всегда хризантемы. Мне кажется, хризантема — такой… невдохновляющий цветок. Подобрать подружек невесты очень трудно, это требует стольких усилий и времени. Как правило, какая-нибудь из них жутко некрасива и портит всю картину, но ее обязаны включить в церемонию, потому что обычно она — сестра жениха. Впрочем, — леди Энкейтлл просияла, — у Эдварда нет сестер.

— Что ж, очко в мою пользу, — улыбнулся Эдвард.

— Но хуже всего на свадьбе — дети, — продолжала свою мысль леди Энкейтлл. — Все говорят: «Ах, как мило!» Но, дорогая, сколько волнений! Они наступают на шлейф или ревут, зовут свою няню, к тому же их довольно часто тошнит… Я просто удивляюсь, как это невесте удается войти в церковный притвор в соответствующем собы-

тию состоянии духа, не ведая, что творится у нее за спиной.

— За моей спиной вообще может ничего не быть, — весело сказала Мидж. — Даже шлейфа. Я могу венчаться в жакете и юбке.

— О нет, Мидж, это совсем по-вдовьи! Нет, чуть кремоватый атлас, и, конечно, не от мадам Элфридж.

— Разумеется, нет! — вставил Эдвард.

— Я отвезу тебя к Мирей, — сказала леди Энкейтлл.

— Дорогая Люси, я не могу себе позволить Мирей!

— Чепуха, Мидж. Генри и я дадим тебе приданое. И Генри, разумеется, будет посаженым отцом. Надеюсь, пояс на его брюках не будет слишком тугим. Прошло почти два года с тех пор, как он последний раз был на свадьбе. А я надену платье…

Леди Энкейтлл остановилась и закрыла глаза.

— Да, Люси?

— Цвета голубой гортензии, — увлеченно заявила леди Энкейтлл. — Надеюсь, Эдвард, шафером будет один из твоих друзей. Кроме того, непременно позовем Дэвида. Я невольно думаю о том, что это было бы очень хорошо для него! Это

придаст ему уверенности, понимаете, и он почувствует, что все мы любим его. А это, мне кажется, очень важно для Дэвида. По-моему, можно впасть в уныние, если, несмотря на ум и образованность, ты никому не нравишься. Но, с другой стороны, взять Дэвида в дружки просто рискованно. Он почти наверняка потеряет кольцо или уронит его в последнюю минуту. И Эдвард будет все время беспокоиться. Хотя, разумеется, было бы практичнее ограничиться теми же людьми, которые были здесь во время убийства.

Последние слова были произнесены леди Энкейтлл самым обыденным тоном.

— В этом осеннем сезоне леди Энкейтлл использует убийство в качестве развлечения для узкого круга родственников, — не удержалась Мидж.

— Да, — задумчиво сказала леди Энкейтлл, — пожалуй, и в самом деле все выглядело именно так. Гости решили пострелять. И вот вам результат!

Мидж вздрогнула.

— Ну что же, во всяком случае, теперь это уже в прошлом.

— Не совсем… слушание только отложено. А подчиненные этого милого инспектора Грэйнджа заполонили всю усадьбу, в каштановой

роще распугали всех фазанов, идешь, а в самых неподходящих местах перед тобой выскакивают полицейские, точно чертики из сувенирных шкатулок.

— Что они ищут? — спросил Эдвард. — Револьвер, которым был убит Кристоу?

— Вероятно. Они даже явились в дом с ордером на обыск… Инспектор приносил извинения по этому поводу и был очень смущен, но я сказала, что мы будем в восторге! В самом деле, это так интересно. Они осмотрели абсолютно все. Я, знаете ли, ходила следом за ними и подсказала два-три места, которые им и в голову не могли прийти. Но они ничего не нашли. Очень были разочарованы. Бедняга инспектор даже осунулся и все тянет и тянет вниз свои усы. Жене следовало бы кормить инспектора посытнее… Но мне кажется, что она из тех женщин, которые больше заботятся о том, чтобы паркет был хорошо натерт, чем о вкусном обеде. Это напомнило мне, что надо повидать миссис Медуэй. Удивительно, слуги совершенно не переносят присутствия полиции в доме. Суфле и пирожные всегда выдают их душевное состояние. Если бы не Гаджен, который держит всех в руках, боюсь, половина слуг разбежалась бы. Почему бы и вам не погулять и не помочь

полицейским искать револьвер?

Эркюль Пуаро сидел на скамье, откуда видна была каштановая роща над бассейном. Теперь он не испытывал чувства неловкости, так как леди Энкейтлл сказала ему, что он может ходить по территории усадьбы где только ему вздумается. Очень мило с ее стороны. Как раз над этой любезностью леди Энкейтлл задумался в этот момент Пуаро.

Время от времени до него доносился хруст сушняка под ногами, иногда мелькали фигуры подчиненных инспектора Грэйнджа, прочесывающих рощу. На тропинке, ведущей к дороге, показалась Генриетта. Увидев Пуаро, она на мгновение остановилась, но потом подошла и села рядом.

— Доброе утро, мосье Пуаро! Я только что наведывалась к вам, но вас не было. У вас очень величественный вид. Это вы руководите поисками? Инспектор необыкновенно энергичен. Что они ищут? Револьвер?

— Да, мисс Сэвернейк.

— Как вы думаете, они его найдут?

— Думаю, что да. Теперь, вероятно, уже скоро.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Вы что же, знаете, где он находится?

— Нет. Но думаю, что скоро револьвер найдется. Настало время, чтобы он нашелся.

— Вы говорите странные вещи, мосье Пуаро!

— Но здесь и происходят странные вещи. Вы очень скоро вернулись из Лондона, мадемуазель.

Лицо Генриетты посуровело, но потом она коротко и горько засмеялась.

— Убийца возвращается на место своего преступления? Это старое поверье, не правда ли? Значит, вы в самом деле считаете, что я… это сделала? Вы не поверили мне, когда я говорила вам, что не стала бы… не смогла бы убить кого-либо?

Пуаро ответил не сразу.

— Мне с самого начала показалось, что в этом преступлении уж слишком все просто — настолько просто, что в это трудно поверить, — сказал он наконец. — А простота, мадемуазель, может сбивать с толку… Либо оно невероятно сложное, иными словами, нам противостоит ум, способный на сложные, оригинальные замыслы, так что каждый раз, когда нам кажется, что мы приближаемся к истине, нас всяческими уловками уводят в сторону и загоняют в тупик. Эта очевидная тщетность поисков не случайна. Она специально запланирована. Действует очень тонкий, изобретательный ум… и действует успешно.

— Какое, однако, это имеет отношение ко мне? — спросила Генриетта.

— Ум, действующий против нас, — созидательный, творческий ум, мадемуазель.

— Понимаю… Вот почему вы подумали обо мне. — Она замолчала. Губы ее были плотно сжаты, у рта — горькая складка. Она вынула карандаш и, задумчиво хмурясь, машинально рисовала контуры причудливого дерева на белой поверхности скамьи.

Пуаро наблюдал за ней. Что-то шевельнулось в его памяти… Гостиная леди Энкейтлл в день убийства… стопка фишек для бриджа… Железный столик в павильоне около бассейна и разговор инспектора с Гадженом.

— Это дерево вы нарисовали на вашей фишке во время игры в бридж.

— Да. — Генриетта вдруг заметила, что она делала. — Игдрасиль, мосье Пуаро. — Она засмеялась.

— Почему вы его так называете?

Генриетта рассказала, как родился Игдрасиль.

— Значит… когда вы задумываетесь и начинаете машинально рисовать… вы всегда рисуете Игдрасиль?

— Да. Странно, не правда ли?

— Здесь, на скамье… на фишке в субботу вече-

ром… и в павильоне утром в воскресенье…

Рука, державшая карандаш, напряглась и замерла.

— В павильоне? — спросила Генриетта безразличным тоном.

— Да, на круглом железном столике.

— О, должно быть… в субботу после полудня.

— Нет, не в субботу после полудня. Когда Гаджен убрал бокалы из павильона около двенадцати часов в воскресенье, на столе не было никаких рисунков. Я спрашивал его, он помнит точно.

— Тогда, — она запнулась лишь на мгновение, — верно, в воскресенье после полудня.

Продолжая все так же любезно улыбаться, Пуаро покачал головой:

— И это едва ли. Все это время люди инспектора Грэйнджа были возле бассейна — фотографировали тело, доставали из воды револьвер. Они не уходили до темноты и обратили бы внимание на любого, кто зашел бы в павильон.

— Я вспомнила, — медленно сказала Генриетта, — я вышла одна довольно поздно вечером… после обеда…

— Люди не рисуют, задумавшись, в темноте, мисс Сэвернейк, — резко сказал Пуаро. — Вы хотите сказать, что отправились ночью в павильон,

чтобы в кромешной тьме рисовать на столике дерево?

— Я говорю вам правду, — спокойно ответила Генриетта. — Естественно, вы не верите. У вас свое собственное мнение. Ну и что же вы думаете по этому поводу?

— Полагаю, что вы были в павильоне в воскресенье утром, после двенадцати часов, когда Гаджен уже унес бокалы из павильона. Что вы стояли у стола, наблюдая за кем-то или кого-то ожидая, и механически, вынув карандаш, нарисовали Игдрасиль, не замечая, что вы делаете.

— Я не была в павильоне в воскресенье утром. Я немного посидела на террасе, потом, взяв садовую корзинку, пошла к георгинам, срезала засохшие цветы и привела в порядок астры. А где-то в час пошла к бассейну. Я уже говорила об этом инспектору Грэйнджу. Я и близко не подходила к бассейну до часа дня, как раз когда был убит Джон.

— Это ваша версия, — сказал Пуаро, — но Игдрасиль, мадемуазель, свидетельствует против вас.

— Значит, я была в павильоне, и я убила Джона. Вы это имеете в виду?

— Вы были там, и вы убили Джона Кристоу,

или вы были там и видели, кто убил доктора Кристоу, или кто-то другой был там, кто знал об Игдрасиле и специально нарисовал его на столе, чтобы бросить подозрение на вас.

Генриетта встала. Она обернулась к нему, вздернув подбородок.

— Вы все еще думаете, что я убила Джона Кристоу, и надеетесь, что можете доказать это. Ну так вот: вы никогда этого не докажете. Никогда!

— Вы считаете, что вы умнее меня?

— Не докажете! — повторила Генриетта и, повернувшись, ушла вниз по извилистой дорожке, ведущей к плавательному бассейну.

Глава 26

Инспектор Грэйндж зашел в «Тихую гавань» выпить чашечку чаю с Эркюлем Пуаро. Чай был именно такой, какого опасался Грэйндж: невероятно слабый и к тому же китайский.

«Эти иностранцы, — думал инспектор, — не умеют даже заварить чай… и научить их невозможно». Вообще-то ему было все равно. Он был в таком состоянии, когда каждая неприятная мелочь усугубляет и без того отвратительное настроение.

— Послезавтра повторное слушание, — сказал он, — а чего мы добились? Решительно ничего. Черт побери, должен же где-нибудь быть этот револьвер! Просто проклятущее место… десятки миль леса! Понадобится целая армия, чтобы обыскать все как следует. Все равно что иголка в стоге сена! Он может быть где угодно. Что ни говорите, но это факт — мы можем никогда его не найти.

— Вы его найдете, — доверительно сказал Пуаро.

— Да уж очень бы хотелось!

— Найдете, раньше или позже. Я бы даже ска-

зал — скорее раньше. Еще чашечку?

— Не возражаю… нет-нет, кипятка не надо!

— Не слишком крепкий?

— О нет, не слишком!

Мрачно, мелкими глотками инспектор прихлебывал бледную, соломенного цвета жидкость.

— Из меня сделали шута, мосье Пуаро… Шута! Не могу понять этих людей. Они как будто помогают… Но все, что они говорят, уводит тебя прочь… какая-то погоня за химерами![77]

— Уводит прочь, — повторил Пуаро. В его глазах появилось выражение удивления. — Да, конечно! Прочь…

Инспектор продолжал изливать свои обиды:

— Хотя бы этот револьвер… В Кристоу стреляли (согласно медицинскому заключению) за одну-две минуты до вашего появления. У леди Энкейтлл в руках была корзинка яиц; у мисс Сэвернейк — садовая корзинка, полная срезанных сухих цветов, а на Эдварде Энкейтлле была свободная охотничья куртка с большими карманами, набитыми патронами. Каждый из них мог унести с собой револьвер. Около бассейна он спрятан не был… это исключается, мои люди

---

[77] Сноски: 77

Химера — неосуществимая мечта, плод воображения.

прочесали это место.

Пуаро кивнул. Грэйндж продолжал:

— Кто-то подстроил, чтобы подозрение пало на Герду Кристоу. Кто? Все вещественные доказательства прямо тают в воздухе.

— Ну, а объяснения, как каждый из них провел утро? Они удовлетворительны?

— Объяснения да, удовлетворительны. Мисс Сэвернейк работала в саду, леди Энкейтлл собирала на ферме яйца, Эдвард Энкейтлл и сэр Генри занимались стрельбой и расстались поздним утром: сэр Генри вернулся в дом, а Эдвард Энкейтлл направился сюда через лес. Юноша читал в спальне. Странное место для чтения в такой чудесный день, но он такой книгочей, что предпочитает сидеть в четырех стенах. Мисс Хардкасл с книгой ушла в сад. Все выглядит естественно, вполне натурально, и нет никакой возможности все это проверить. Гаджен вынес поднос с бокалами в павильон около двенадцати часов. Он не может сказать, кто где был и чем занимался. А в общем, знаете ли, что-то есть против каждого из них.

— В самом деле?

— Конечно, самая подходящая фигура — Вероника Крэй. Они поссорились с Кристоу, она его смертельно ненавидела, вполне вероятно, что

она его убила… но я не могу найти ни на йоту доказательств, что именно она это сделала. Нет доказательств, что у нее была возможность взять револьвер из коллекции сэра Генри, никто не видел, чтобы она шла к бассейну или от него в тот день, и пропавшего из коллекции револьвера у нее нет.

— О! Вы в этом убедились?

— А как вы думаете! Можно было получить разрешение на обыск, но в этом не было надобности. Она была очень любезна. Мы все перерыли в ее бунгало — револьвера нигде нет. После того как слушание было отложено, мы сделали вид, что оставили в покое мисс Крэй и мисс Сэвернейк, но, конечно, следили за тем, куда они ходили и что делали. Наш человек следил за Вероникой Крэй. Никаких попыток спрятать револьвер не обнаружено.

— А Генриетта Сэвернейк?

— Тоже ничего. Она вернулась прямо в Челси[78], и мы с тех пор следили за ней. Револьвера нет ни у нее, ни в ее студии. Во время обыска она держалась очень мило. Ее это вроде даже забавляло. Кое-что из ее чудных скульптур просто

[78] Сноски: 78

Челси — фешенебельный район в западной части Лондона, известный также как район художников.

ошарашило полицейского. Он говорил потом, что не может понять, почему людям хочется делать такие вещи… комки глины, налепленные как попало; причудливо перекрученные куски меди и алюминия; лошади такие, что узнать невозможно…

Пуаро слегка шевельнулся:

— Вы говорите, лошади?

— Ну, не лошади… одна лошадь. Если это можно назвать лошадью! Если хочешь изобразить лошадь, почему бы не пойти и не посмотреть, какая она на самом деле!

— Лошадь, — повторил Пуаро.

— Что вас так заинтересовало, Пуаро? — повернулся к нему Грэйндж. — Не понимаю!

— Так… Ассоциация…

— Ассоциация с чем? Лошадь и телега. Лошадка-качалка? Попона? Нет, не понимаю. Как бы то ни было, через день-другой мисс Сэвернейк собралась и снова приехала сюда. Вы об этом знаете?

— Да, я говорил с ней и видел, как она ходила по лесу.

— Нервничает? Ну что ж. Она была влюблена в доктора, и он произнес ее имя перед смертью… Весьма серьезные поводы для обвинения, серьезные, но недостаточные, мосье Пуаро.

— Вы правы, — задумчиво сказал Пуаро. — Недостаточно близко.

— Какая-то здесь атмосфера… Чувствуешь себя совершенно сбитым с толку! Леди Энкейтлл… она так и не смогла объяснить, зачем взяла с собой в тот день револьвер. Это же просто ненормально!.. Иногда я думаю, что она сумасшедшая.

Пуаро слегка покачал головой.

— Нет, — сказал он, — она не сумасшедшая.

— Или, например, Эдвард Энкейтлл. Я думал, что-то водится за ним. Леди Энкейтлл сказала… нет, намекнула, что он уже несколько лет влюблен в Генриетту. Чем не повод? А теперь я узнаю, что он помолвлен совсем с другой девушкой… мисс Хардкасл… Так что… пуфф! Обвинение против него тоже рассыпалось.

Пуаро пробормотал что-то сочувственное.

— Или этот молодой парень, — продолжал инспектор. — Леди Энкейтлл обронила что-то о нем. Его мать как будто умерла в психиатрической лечебнице… мания преследования… думала, что все сговорились ее убить. Сами понимаете, что это может означать. Если парень унаследовал патологическую наклонность, у него могли появиться какие-то идеи, связанные с доктором Кристоу. Может быть, он решил, что доктор собирается со-

общить родным о его болезни? Хотя Кристоу был совсем другим доктором. Нервные расстройства пищеварительного тракта и заболевания сверх… сверх чего-то там… Это специализация Кристоу. Но парень немного не в себе, он мог вообразить, что Кристоу пригласили, чтобы наблюдать за ним. Этот парень очень странно себя ведет. Нервный, как кошка. — Грэйндж с печальным видом умолк. — Вы понимаете, что я имею в виду, мосье Пуаро? Все эти наши подозрения… никуда не ведут.

Пуаро снова шевельнулся.

— Удаляют… а не приближают. «От», а не «к». Да, разумеется, именно так.

Грэйндж с удивлением смотрел на него.

— Все они какие-то странные, — сказал инспектор, — все Энкейтллы. Иногда я готов поклясться, что они прекрасно знают, кто убил доктора.

— Они и в самом деле знают, — спокойно подтвердил Пуаро.

— Вы хотите сказать, что они знают, кто убийца? — недоверчиво спросил инспектор.

Пуаро кивнул:

— Да. Знают. Я давно это подозревал. А сейчас я вполне уверен.

— Понятно. — Лицо инспектора было очень

хмурым. — И сговорились все скрывать? Ну ничего, я еще до них доберусь. Я найду этот револьвер.

«Дался ему этот револьвер», — подумал Пуаро.

— Я бы все отдал, чтобы расквитаться с ними, — со злостью продолжал Грэйндж.

— С кем?

— Да с этой семейкой! Морочат голову! Подсказывают всякие глупости! Намекают! Помогают моим людям… помогают! Пауки! Все плетут свою паутину… Попробуй тут прорваться! Ничего существенного! Мне нужен хоть один надежный факт!

Эркюль Пуаро пристально смотрел в окно. Взгляд его привлекла чуть заметная брешь в живой изгороди вокруг его владения.

— Вам нужен надежный факт? — обратился он к инспектору. — Eh bien[79], если я не ошибаюсь, именно такой надежный факт сейчас находится внутри изгороди возле моей калитки.

Они пошли по садовой дорожке. Грэйндж стал на колени и начал раздвигать ветки, пока полностью не открылось то, что было втиснуто между ними. Инспектор глубоко вздохнул, когда показа-

---

[79] Сноски: 79
Хорошо! (*фр.*)

лось что-то черное и стальное.

— Да, это револьвер, — сказал он, и на какое-то мгновение его взгляд с подозрением остановился на Пуаро.

— Нет-нет, друг мой! — воскликнул Пуаро. — Я не убивал доктора Кристоу и не прятал никаких револьверов в собственном доме.

— Конечно, нет, мосье Пуаро! Простите! Наконец мы нашли его. Похоже, что он из кабинета сэра Генри. Это можно проверить, как только узнаем номер. Тогда можно будет установить, из этого ли оружия был застрелен Кристоу. Теперь, как говорится, тише едешь — дальше будешь.

С большой осторожностью инспектор шелковым платком извлек револьвер из кустов изгороди.

— Хорошо бы обнаружить отпечатки пальцев! Знаете, у меня такое впечатление, что наконец-то нам выпала удача.

— Дайте мне знать…

— Конечно, мосье Пуаро. Я позвоню вам.

Телефон Эркюля Пуаро звонил дважды. Первый раз — в тот же вечер.

— Это вы, мосье Пуаро? — послышался ликующий голос инспектора. — Вот вам секретная информация. Это действительно револьвер из

коллекции сэра Генри, и тот самый, из которого был убит Джон Кристоу. Абсолютно точно! И на нем хороший набор отпечатков. Большой палец, указательный и частично средний. Я же вам говорил, что нам выпала удача!

— Вы установили отпечатки пальцев?

— Еще нет. Они, безусловно, не принадлежат миссис Кристоу. Ее отпечатки у нас есть. По размеру они больше похожи на мужские, чем на женские. Завтра я отправляюсь в «Лощину». Уж я скажу все, что я о них думаю, когда буду снимать отпечатки пальцев. И тогда, мосье Пуаро, все станет ясно.

— Будем надеяться, — вежливо сказал Пуаро.

Второй телефонный звонок раздался на следующий день, и голос в трубке уже не был ликующим.

— Хотите услышать последние новости? — мрачно спросил инспектор. — Отпечатки пальцев не принадлежат никому из тех, кто связан с преступлением! Нет, сэр! Ни Эдварду Энкейтллу, ни Дэвиду, ни сэру Генри! Представляете — никому! Ни Герде Кристоу, ни Генриетте Сэвернейк, ни нашей Веронике, ни ее сиятельству, ни маленькой темноволосой девушке, ни даже судомойке или кому-нибудь из других слуг!

Пуаро выразил сочувствие. Грустный голос инспектора Грэйнджа продолжал:

— Так что похоже все-таки, что это кто-то посторонний. Видимо, у кого-то были свои счеты с доктором. Но у кого? Этот невидимка стащил револьвер из кабинета и, совершив убийство, ушел по тропинке к дороге. Потом засунул револьвер в вашу изгородь и исчез.

— Друг мой, не хотите ли взять и мои отпечатки пальцев?

— Пожалуй, не стану возражать. Поразительно, мосье Пуаро! Ведь вы были на месте преступления и, вообще говоря, являетесь самой подозрительной личностью в этом деле!

Глава 27

Следователь откашлялся и выжидательно взглянул на старшину присяжных, который, в свою очередь, смотрел вниз на листок бумаги в руке. Кадык на его шее возбужденно ходил вниз и вверх. Он старательно читал: «Установлено, что смерть наступила в результате преднамеренного убийства. Убийца или убийцы не установлены».

Сидевший в углу у стены Пуаро энергично кивнул.

Другого решения у присяжных и быть не могло. Выйдя на улицу, Энкейтллы остановились поговорить с Гердой и ее сестрой. На Герде было все то же черное платье, на лице — такое же ошеломленное, несчастное выражение. На этот раз обошлось без «Даймлера». Лучше ехать поездом, объяснила Элси Паттерсон. Это гораздо надежнее. Если до Ватерлоо[80] ехать скорым, они вполне успеют на поезд, который отправляется в час двадцать до Бексхилл.

— Дорогая, — шептала леди Энкейтлл, пожимая

---

[80] Сноски: 80

Ватерлоо — лондонский вокзал, главная конечная станция Южного района для поездов, обслуживающих запад Великобритании.

руку Герды, — вы не должны терять с нами связь. Может быть, небольшой ленч когда-нибудь в Лондоне? Вы ведь будете иногда наезжать туда за покупками.

— Я… я не знаю, — ответила Герда.

— Нам следует поторопиться, дорогая, — сказала Элси Паттерсон, — наш поезд…

И Герда отвернулась от леди Энкейтлл с явным облегчением.

— Бедная Герда, — сказала Мидж. — Единственное благо, которое принесла ей смерть Джона, — это освобождение от твоего ужасного гостеприимства, Люси.

— Как нелюбезно с твоей стороны, Мидж! Никто не может обвинить меня в том, что я не старалась.

— Когда ты стараешься, Люси, ты становишься еще хуже.

— Ну, как бы то ни было, приятно думать, что все кончилось, не так ли? — Леди Энкейтлл озарила всех своей лучезарной улыбкой. — Только, конечно, не для бедного инспектора Грэйнджа. Мне его просто жаль. Как вы думаете, поднимется у него настроение, если мы пригласим его на ленч?

— По-моему, Люси, его лучше оставить в по-

кое, — сказал сэр Генри.

— Пожалуй, ты прав, — задумчиво произнесла леди Энкейтлл. — К тому же сегодня совсем не подходящий для него ленч. Куропатка с капустой и вкуснейшее суфле «Сюрприз», которое миссис Медуэй так чудесно готовит. Совсем не подходящий ленч для инспектора. Солидный бифштекс, немного недожаренный, и хороший старомодный яблочный пирог без всяких выдумок… или яблоки в тесте. Вот что я заказала бы для инспектора Грэйнджа.

— Твой инстинкт в отношении еды, Люси, всегда безошибочен. Я думаю, нам следует поспешить домой к куропаткам… Судя по всему, они должны быть восхитительны.

— Видишь ли, я полагала, что мы должны както отпраздновать! Просто чудесно, не правда ли, что всегда все поворачивается к лучшему!

— Да-а…

— Я знаю, Генри, о чем ты думаешь. Не беспокойся, я займусь этим сегодня же.

— Люси, что еще ты задумала?

Леди Энкейтлл улыбнулась:

— Не волнуйся, дорогой, просто нужно кое-что привести в порядок.

Сэр Генри с сомнением посмотрел на жену.

Когда они подъехали к «Лощине», Гаджен подошел открыть дверцы машины.

— Все прошло вполне удовлетворительно, Гаджен, — сказала леди Энкейтлл. — Передайте это миссис Медуэй и всем остальным. Я знаю, как неприятно все это было для вас, и я хотела бы сказать, что сэр Генри и я ценим проявленную вами преданность.

— Мы очень беспокоились за вас, миледи, — сказал Гаджен.

Проходя в малую гостиную, леди Энкейтлл сказала:

— Очень мило со стороны Гаджена, но совершенно напрасно. Я в самом деле получила удовольствие. Это так не похоже на то, к чему привык. Не кажется ли вам, Дэвид, что подобный опыт расширяет ваш кругозор? В Кембридже такого не увидишь.

— Я в Оксфорде, — холодно поправил Дэвид.

— Милые лодочные гонки…[81] Истинно по-английски, не правда ли? — рассеянно проговорила леди Энкейтлл и подошла к телефону. Она сняла трубку и, держа ее в руке, продолжала: — Наде-

[81] Сноски: 81

Имеются в виду традиционные соревнования по гребле между двумя восьмерками Оксфордского и Кембриджского университетов; проводятся ежегодно на реке Темзе на дистанции 7,2 км.

юсь, Дэвид, вы снова приедете к нам погостить. Так трудно нормально общаться, когда в доме произошло убийство, не так ли? Тут уж не до интеллектуальных бесед.

— Благодарю вас, — ответил Дэвид, — но, надеюсь, вскоре я уеду в Афины… в Британскую школу.

— Кто там теперь послом? — обратилась к мужу леди Энкейтлл. — Ах да, Хоуп-Реммингтон, кто же еще. Нет, я не думаю, что он понравится Дэвиду. Его дочери так ужасающе энергичны… Они играют в хоккей и крикет и в эту странную игру, где вы должны ловить мяч сеткой.

Она вдруг замолчала, удивленно глядя на телефонную трубку.

— Зачем у меня эта штука?

— Наверное, ты хотела кому-то позвонить, — сказал Эдвард.

— Не думаю. — Она положила трубку на место. — Вам нравится телефон, Дэвид?

«Типичный для нее вопрос, — раздраженно подумал Дэвид. — Она постоянно задает вопросы, на которые невозможно дать разумный ответ». Он холодно сказал, что находит телефон полезным.

— Вы хотите сказать, как мясорубка? Или эластичные бинты? Все равно не…

Появившись в дверях, Гаджен объявил, что ленч подан, и фраза так и осталась незаконченной.

— Но куропаток-то вы любите? — озабоченно осведомилась леди Энкейтлл.

Дэвид нехотя признал, что куропаток он любит.

— Иногда мне кажется, что Люси и в самом деле немного не в себе, — сказала Мидж, когда, выйдя из дома, они с Эдвардом направились в лес.

Куропатки и суфле «Сюрприз» были превосходны, к тому же следствие закончилось, и тягостная атмосфера разрядилась.

— Я всегда полагал, — задумчиво сказал Эдвард, — что Люси обладает блестящим умом, который не разменивается на нудные фразы — как в игре, где нужно найти пропущенное слово. Если прибегнуть к метафоре — ее мысли прыгают, как молоток от гвоздя к гвоздю, но тем не менее всегда попадают точно по шляпке!

— Все равно, — трезво заметила Мидж, — иногда Люси меня пугает. — И, слегка вздрогнув, добавила: — Вообще в последнее время это место пугает меня.

— «Лощина»? — Эдвард повернул к ней удивленное лицо. — «Лощина» немного напоминает

мне Эйнсвик. Хотя, конечно, что-то в ней ненастоящее…

— Вот именно, Эдвард, — перебила его Мидж. — А я боюсь всего ненастоящего… Неизвестно, что прячется за ним… Это похоже, о, это похоже на маску!

— Не нужно давать волю своей фантазии, малышка Мидж!

Опять этот снисходительный тон, каким он разговаривал с ней много лет назад. Тогда это ей нравилось, но теперь удручало. Нет, ей следует говорить яснее, он должен понять, что никакая это не фантазия, что ее смутные страхи совсем не напрасны.

— В Лондоне я как-то отвлеклась, но здесь все снова вернулось. Я чувствую, что все знают, кто убил Джона Кристоу… Все, кроме меня.

— Почему мы должны думать и говорить о Джоне Кристоу? Его уже нет!

Мидж прошептала:

Он мертв, его больше нет, леди,

Он мертв, его больше нет.

В головах у него зеленый мох,

Камень тяжелый – у ног[82].

Мидж положила ладонь на руку Эдварда.

— Кто же убил его, Эдвард? Мы думали, что Герда… но это не так. Кто же в таком случае? Скажи мне, что *ты* думаешь? Это был кто-то совершенно посторонний?

— Все их предположения кажутся мне совершенно беспочвенными. Раз полиция не в состоянии найти убийцу или собрать достаточно доказательств, значит, нужно прекратить расследование… и избавить нас от этого гнетущего состояния.

— Да, но тогда мы не узнаем…

— А зачем нам знать? Что у нас с ним общего?

«У нас, у Эдварда и у меня? Ничего!» — подумала Мидж. Утешительная мысль. Она и Эдвард, теперь соединенные в единое целое. И все же… все же… Несмотря на то что Джон Кристоу уже в могиле и над ним произнесены слова погребального обряда, все же он был зарыт недостаточно глубоко. «Он мертв, его больше нет, леди!» О Джоне Кристоу, однако, нельзя было сказать: «Он мертв, его больше нет», как бы ни хотел того Эдвард! Джон Кристоу продолжал оставаться здесь,

---

[82] Сноски: 82
Цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» (акт IV, сц. 5).

в «Лощине».

— Куда мы идем? — спросил вдруг Эдвард.

Что-то в его тоне удивило Мидж.

— На вершину холма. Ты не против? — сказала она.

— Если ты хочешь.

Эдварду явно не хотелось этого. «Почему?» — удивилась Мидж. Обычно это была его любимая прогулка. Он и Генриетта почти всегда… Мысль будто щелкнула и сломалась. Он и Генриетта.

— Ты был здесь этой осенью?

— Мы гуляли здесь с Генриеттой — в тот приезд.

Оба замолчали. Поднявшись на вершину, они сели на ствол поваленного дерева.

«Может быть, здесь они сидели с Генриеттой», — подумала Мидж. Она машинально крутила обручальное кольцо на пальце. Бриллиант холодно сверкнул. Как Эдвард сказал тогда? «Только не изумруд!»

— Как хорошо снова оказаться в Эйнсвике на Рождество, — сделав над собой усилие, сказала Мидж.

Казалось, он не слышал. Он был далеко.

«Он думает о Генриетте и Джоне Кристоу», — решила Мидж.

Сидя здесь тогда, Эдвард сказал что-то Генриетте, или она сказала что-то ему. Генриетта, может быть, и не хочет связывать себя с ним, но он все еще принадлежит ей. «Он всегда будет принадлежать Генриетте», — подумала Мидж. Ее пронзила боль. Призрачно-счастливый мир, в котором она жила последнюю неделю, дрогнул и лопнул, как мыльный пузырь. «Я не могу так жить… зная, что он постоянно думает о Генриетте. Это невыносимо!»

Ветер дохнул сквозь деревья… Листья стали падать быстрее… золота почти не осталось, преобладал коричневый цвет.

— Эдвард!

Настойчивость в ее голосе словно разбудила Эдварда. Он повернул голову.

— Да?!

— Мне очень жаль, Эдвард. — Губы ее дрожали, но голос был ровный и сдержанный. — Я должна сказать… Это бесполезно. Я не могу выйти за тебя замуж. У нас ничего не получится, Эдвард.

— Но, Мидж… Эйнсвик, конечно…

Она перебила его:

— Я не могу выйти за тебя замуж из-за Эйнсвика, Эдвард! Ты… ты должен понять это.

Он вздохнул. Долгий, протяжный вздох, как

эхо мертвых листьев, тихо скользящих вниз с ветвей.

— Я понимаю, — сказал он. — Да, я думаю, ты права.

— Было очень любезно, очень мило с твоей стороны сделать мне предложение, но из этого ничего хорошего не получится, Эдвард. Не получится.

Может, она слабо надеялась, что он станет возражать ей, попытается ее уговорить… Но он как будто чувствовал то же, что и она. Здесь, где рядом витала тень Генриетты, он, очевидно, тоже понимал, что все тщетно.

— Нет, — повторил он слова Мидж, — ничего не получится.

Мидж сняла с пальца кольцо и протянула его Эдварду. Она всегда будет любить Эдварда, а Эдвард всегда будет любить Генриетту, и жизнь будет — просто сущий ад!

— Это прекрасное кольцо, Эдвард, — сказала Мидж. У нее перехватило дыхание.

— Я хотел бы, чтобы ты оставила его себе, Мидж. Мне это было бы приятно.

Она покачала головой:

— Я не могу.

— Ты же знаешь, я больше никому его не от-

дам.

Ей удалось сохранить ровный дружеский тон. Он не знал… Он никогда не узнает, что она чувствовала. Блаженство на блюдечке… Но блюдечко разбилось, а блаженство скользнуло между пальцев, или, может быть, его там никогда и не было.

В тот день после полудня Эркюлю Пуаро нанес визит еще один человек. К нему уже приходили Генриетта Сэвернейк и Вероника Крэй. На этот раз явилась леди Энкейтлл. Она проплыла по дорожке к дому, как всегда, по-неземному легкая и воздушная.

Пуаро открыл дверь — леди Энкейтлл, улыбаясь, стояла у порога.

— Я пришла повидать вас, — заявила она. Совсем как фея, одарившая своим присутствием простого смертного.

— Я польщен, мадам!

Он проводил ее в гостиную. Леди Энкейтлл опустилась на диван и снова улыбнулась.

«Она стара… — подумал Эркюль Пуаро, — у нее седые волосы и морщины на лице… И все-таки в ней есть какое-то волшебное очарование… И оно не подвластно возрасту…»

— Я хочу попросить вас об одолжении, — сказала она тихо.

— Да, мадам?

— Прежде всего, я должна поговорить с вами о докторе Кристоу.

— О докторе Кристоу?

— Да. Мне кажется, единственный выход — положить всему этому конец. Вы понимаете, о чем я говорю, не так ли?

— Я в этом не уверен, леди Энкейтлл.

Она снова озарила его чарующей ослепительной улыбкой и положила тонкую белую руку на его рукав.

— Дорогой мосье Пуаро, вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Полиция поохотится еще какое-то время за владельцем этих отпечатков пальцев, никого не найдет и в конце концов вынуждена будет закрыть дело. Но мне кажется, что вы этого так не оставите.

— Нет, не оставлю.

— Я угадала. Поэтому я и пришла. Вы хотите знать правду, не так ли?

— Разумеется, я хочу знать правду.

— Я вижу, что недостаточно ясно выразилась. Я пытаюсь понять, почему вы не хотите прекратить следствие. Полагаю, тут дело не в амбициях… или в желании довести убийцу до петли… Я всегда считала это таким неприятным видом казни…

таким средневековым. Я думаю, что вы просто хотите знать. Вы понимаете, что я имею в виду, не так ли? Если бы вы знали правду… если бы вам сказали правду, я думаю… я полагаю, может быть, это удовлетворило бы вас. Удовлетворит это вас, мосье Пуаро?

— Вы можете открыть мне правду, леди Энкейтлл?

Она кивнула.

— Значит, вы знаете правду?

Она широко раскрыла глаза.

— О да, я давно знаю. Я могла бы все вам сказать. И… и мы решили бы… что все закончено.

Она улыбнулась.

— Вы согласны, мосье Пуаро?

— Нет, мадам, не согласен.

Пуаро пришлось сделать немалое усилие над собой, чтобы сказать это. Ему хотелось… очень хотелось оставить все как есть… потому что об этом его просила леди Энкейтлл.

Секунду она сидела не двигаясь. Потом подняла брови.

— Хотела бы я знать, — сказала она, — хотела бы я знать, понимаете ли вы, что делаете?

Глава 28

Без сна, с сухими глазами, Мидж лежала в темноте, беспокойно ворочалась.

Она услышала, как открылась дверь, послышались шаги в коридоре мимо ее двери. Дверь открылась из комнаты Эдварда, и шаги были его.

Мидж включила лампу у кровати и посмотрела на часы, стоявшие около лампы на столике. Было без десяти минут три.

В такой час Эдвард прошел по коридору и спустился по лестнице… Странно.

В этот вечер все отправились спать в половине десятого. Она не могла уснуть и лежала с болью в сердце и воспаленными глазами.

Мидж слышала, как внизу пробили часы… Под окном ее спальни кричала сова. Она чувствовала, как постепенно нарастает депрессия. «Я не могу больше, — стучало в висках, — я больше не могу… Опять наступает утро… И так изо дня в день!»

По своей воле она изгнана из Эйнсвика… самого прекрасного и самого дорогого места на земле, которое могло бы принадлежать ей. Но лучше изгнание, лучше одиночество, однообразное,

тусклое существование, чем жизнь с Эдвардом и тенью Генриетты. До этого дня в лесу она не знала, что сможет ревновать так мучительно.

В общем, Эдвард никогда и не говорил, что любит ее. Привязанность, доброта, не больше; он никогда не притворялся. Она принимала такое положение вещей, пока не поняла, что значит жить с человеком, чье сердце и ум постоянно заняты другой. Тогда стало ясно: одной привязанности Эдварда ей недостаточно.

Эдвард прошел мимо ее двери, вниз по лестнице… Странно… Куда он направился? Тревога нарастала, наложившись на то постоянное беспокойство, которое вызывала в ней теперь «Лощина». Что делает Эдвард внизу в такой ранний час? Может, он вышел из дома?

Мидж не могла больше оставаться в бездействии… Она набросила халат и, взяв фонарик, вышла в коридор.

Было довольно темно, свет нигде не горел. Мидж подошла к лестнице. Внизу тоже было темно. Мидж сбежала вниз и, секунду поколебавшись, включила свет в холле. Никого. Входная дверь заперта. Мидж нажала на боковую дверь… тоже заперта.

Значит, Эдвард не выходил. Где же он?

Вдруг она подняла голову и втянула воздух. Запах газа… очень слабый запах газа. Обитая сукном дверь в коридор слегка приоткрыта. Мидж вышла в коридор и увидела слабую полоску света у кухонной двери. Запах газа значительно усилился.

Мидж пробежала по коридору на кухню. Эдвард лежал на полу, сунув голову в духовку, газ был включен до отказа.

Мидж была девушкой быстрой и практичной. Она распахнула ставни, но не смогла открыть окно и тогда, обернув руку полотенцем, разбила стекло. Затем, стараясь не дышать, оттащила Эдварда от газовой плиты и закрыла кран.

Эдвард был без сознания, и дыхание его было прерывистым, но Мидж знала, что он потерял сознание только что. Ветер, врываясь через разбитое окно и открытую дверь, быстро рассеял газ. Мидж подтащила Эдварда ближе к окну, где струя воздуха была сильнее. Она села на пол, обхватив его сильными, крепкими руками.

— Эдвард, Эдвард, Эдвард… — звала Мидж, вначале тихо, потом с возрастающим отчаянием.

Он шевельнулся, открыл глаза и посмотрел на нее.

— Духовка, — чуть слышно произнес он, и его

взгляд остановился на ней.

— Я знаю, дорогой, но почему… Почему?

Эдварда охватила сильная дрожь, руки были холодные и безжизненные.

— Мидж?! — В голосе Эдварда были удивление и радость.

— Я слышала, как ты прошел мимо моей двери, — сказала она, — я не знала… спустилась вниз.

Эдвард глубоко вздохнул.

— Лучший выход из положения, — сказал он и добавил: — «Ньюс оф де уорлд».

Мидж вначале не поняла, но потом вспомнила высказывание Люси в день, когда произошла трагедия.

— Но почему, Эдвард, почему… почему?

Он посмотрел на нее, и холодная пустота в его взгляде испугала Мидж.

— Потому что я понял, что никогда не был стоящим человеком. Вечный неудачник, обреченный на прозябание. Это люди, подобные Кристоу, умеют жить. Они добиваются успеха, и женщины восхищаются ими. Я — ничтожество, размазня. Я получил Эйнсвик, и у меня достаточно средств для жизни… иначе я бы пропал. Карьеры я не сделал… так и не стал приличным писателем.

Генриетте я не нужен. Я никому не нужен. Тогда… в «Баркли»… я было подумал… Но получилось то же самое. Тебе, Мидж, я тоже безразличен. Ты не можешь принять меня даже ради Эйнсвика. Поэтому я решил, что лучше уж уйти совсем.

— Дорогой мой, дорогой… — Слова вырывались стремительно. — Ты не понял. Это из-за Генриетты… потому что я думала, ты все еще любишь Генриетту.

— Генриетта? — невнятно прошептал Эдвард, как будто говорил о ком-то невероятно далеком. — Да, я очень любил ее.

Мидж услышала, как он прошептал едва слышно:

— «Как холодно…»

— Эдвард… дорогой мой!

Руки Мидж крепче обхватили Эдварда. Он улыбнулся ей и прошептал:

— С тобой так тепло, Мидж, так тепло.

«Да, — подумала она, — это и есть отчаяние. Холод… бесконечный холод и одиночество». До сих пор она не знала, что отчаяние — это холод. Отчаяние представлялось Мидж чем-то горячим, страстным, даже неистовым. Здесь было совсем другое. Это отчаяние — полнейший мрак, холод и одиночество. Грех отчаяния, о котором говорят

священники, это леденящий грех, когда человек отторгнут от теплых, живительных контактов с людьми.

— С тобой так тепло, Мидж! — снова повторил Эдвард.

И Мидж внезапно с гордой уверенностью подумала: «Ведь это именно то, что ему нужно… то, что я могу ему дать!» Все Энкейтллы холодные; даже в Генриетте есть нечто ускользающее, что-то от призрачной холодности эльфов, которая таится в крови Энкейтллов. Пусть Эдвард любит Генриетту как недосягаемую, неуловимую мечту. Но в чем он действительно нуждается — так это в теплоте, постоянстве, уверенности. И взаимопонимании, и любви, и смехе, звучащем в Эйнсвике.

«Эдварду нужно, чтоб кто-то зажег огонь в его камине, — подумала Мидж. — И это сделаю я».

Эдвард посмотрел на нее. Он увидел лицо Мидж, наклонившейся над ним, теплую смуглость ее кожи, крупный рот, спокойный взгляд, темные волосы, как два крыла осенявшие ее лоб.

Генриетту он всегда воспринимал как отражение прошлого. Во взрослой женщине он хотел видеть только семнадцатилетнюю девушку, свою первую любовь. Теперь же, глядя на Мидж, он испытывал странное чувство, так как видел как

бы несколько Мидж сразу: школьницу с волосами, заплетенными в две косички, и женщину с темными волнами волос, обрамляющих сейчас ее лицо, и он явственно представил, как эти волны будут выглядеть, когда их тронет седина.

«Мидж, — думал он, — настоящая… Единственная. — Он чувствовал ее живительное тепло, силу. — Темноволосая, энергичная, настоящая! Мидж — вот опора, на которой я могу построить свою жизнь».

— Дорогая Мидж, — сказал он, — я люблю тебя. Не оставляй меня больше.

Она наклонилась, и он почувствовал на своих губах тепло ее губ, почувствовал, как ее любовь укрывает и защищает его, и счастье расцветает в холодной пустыне, где он так долго жил.

Мидж, внезапно рассмеявшись, сказала:

— Эдвард! Таракан вылез посмотреть на нас. Не правда ли, он очень славный? Вот уж никогда не думала, что черный таракан может мне так понравиться! Как необычна жизнь, — продолжала она задумчиво. — Мы сидим в кухне на полу, где все еще пахнет газом, рядом с тараканами и чувствуем себя так, будто мы в раю!

— Я готов остаться здесь навсегда, — мечтательно произнес Эдвард.

— А теперь нам лучше пойти поспать. Сейчас четыре часа. Что мы скажем Люси насчет разбитого окна?

«К счастью, — подумала Мидж, — как раз Люси можно спокойно все объяснить. Она поймет».

Следуя примеру Люси, Мидж вошла к ней в комнату в шесть часов утра и выложила без всяких прикрас все, как было.

— Эдвард ночью спустился вниз и положил голову в газовую духовку, — сказала она. — К счастью, я услышала его шаги и пошла за ним. Я разбила окно, потому что не смогла его быстро открыть.

Мидж не могла не признать, что Люси держалась просто великолепно. Она мило улыбнулась, будто не случилось ничего особенного.

— Мидж, дорогая, — сказала она, — ты всегда так практична! Я уверена, что ты будешь величайшим утешением и поддержкой для Эдварда.

Когда Мидж ушла, леди Энкейтлл некоторое время лежала задумавшись. Потом она встала и направилась в комнату мужа, дверь которой на этот раз не была заперта.

— Генри!

— Дорогая! Еще первые петухи не пели!

— Нет, конечно. Но послушай, Генри, это в са-

мом деле очень важно. Мы должны выбросить газовую плиту и установить электрическую.

— Почему? Она ведь хорошо работает, не правда ли?

— О да, дорогой. Но она внушает людям странные мысли, а ведь не каждый может быть таким практичным, как наша дорогая Мидж.

Она выскользнула из комнаты. Сэр Генри с ворчаньем перевернулся в кровати на другой бок. Он только начал было дремать, как внезапно проснулся.

— Мне приснилось, — проворчал он, — или Люси в самом деле приходила и что-то говорила о газовых плитах?

Следуя по коридору и увидев в открытую дверь газовую горелку, леди Энкейтлл решила поставить чайник. «Иногда, — подумала она, — людям нравится рано утром выпить чашку чаю».

Воодушевленная собственными рассуждениями, она вернулась в постель и опустилась на подушку, довольная жизнью и самой собой.

Эдвард и Мидж в Эйнсвике… следствие закончено… Она снова пойдет и поговорит с мосье Пуаро. Славный маленький человек.

Внезапно новая мысль сверкнула в ее мозгу. Она села в кровати.

«Интересно знать, — размышляла леди Энкейтлл, — подумала ли она об этом?»

Она опять поднялась с постели и проскользнула в комнату Генриетты, начав, по своему обыкновению, разговор еще до того, как подошла к двери.

— …И вдруг до меня дошло, дорогая, что ты могла не подумать об этом.

— Господи, Люси, — сонно пробормотала Генриетта. — Даже птицы еще не проснулись!

— О, я знаю, дорогая, еще довольно рано. Пожалуй, это была очень беспокойная ночь: Эдвард и газовая плита, Мидж и кухонное окно… мысли о том, что сказать мосье Пуаро, и все такое…

— Извини, Люси, но все, что ты говоришь, кажется мне абсолютнейшей тарабарщиной. Нельзя ли отложить это до утра?

— Кобура, дорогая! Понимаешь, я подумала, что ты могла забыть о кобуре.

— Кобура? — Генриетта села в кровати. Она вдруг совершенно проснулась. — Какая кобура?

— Понимаешь, револьвер Генри был в кобуре. И кобуру не нашли. Может быть, никто и не вспомнит о ней… но, с другой стороны, кто-то может…

Генриетта вскочила с постели.

— Недаром говорят — что-нибудь да забудешь!

Леди Энкейтлл вернулась в свою комнату. Она легла в постель и быстро заснула.

Чайник на газовой плите закипел и продолжал кипеть.

Глава 29

Герда передвинулась ближе к краю кровати и села. Голова болела уже меньше, но она все же не жалела, что не отправилась вместе со всеми на пикник. Было так приятно и почти утешительно хоть немного побыть одной.

Элси, конечно, была очень добра… очень добра… особенно вначале. Герду убеждали не подниматься рано. Ей приносили завтрак на подносе. Каждый старался усадить ее в самое удобное кресло, поставить под ноги скамеечку, оградить от всех забот.

Все ей сочувствовали из-за Джона. Она с благодарностью подчинялась, окруженная этим молчаливым сочувствием. Ей не хотелось ни думать, ни чувствовать, ни вспоминать.

Но с каждым днем она все больше ощущала, что пора снова начинать жить и прийти к какому-то решению. Элси уже начала проявлять признаки нетерпения: «О Герда, не будь так медлительна!»

Все опять стало как раньше… давным-давно, до того, как явился Джон и увез ее. Все они считали ее медлительной и тупой. Джона больше не было,

и теперь никто ей не скажет: «Я буду заботиться о тебе».

Голова еще болела, и Герда подумала: «Пожалуй, я приготовлю себе чаю».

Она спустилась на кухню и поставила чайник. Когда он уже почти закипел, раздался звонок в дверь.

У прислуги был выходной день. Герда пошла открывать. Она очень удивилась, увидев щегольской автомобиль Генриетты и саму Генриетту, стоящую у порога.

— Генриетта? Вы? — воскликнула она, отступив назад. — Входите. Сестры и детей нет дома, но…

Генриетта перебила ее:

— Очень хорошо. Я рада. Мне хотелось застать вас одну. Послушайте, Герда, что вы сделали с кобурой?

Герда остановилась. Глаза ее вдруг стали пустыми и непонимающими.

— С кобурой? — переспросила она. Потом открыла дверь справа от холла. — Пройдите сюда. Боюсь, здесь довольно пыльно. У нас сегодня утром не было времени…

Генриетта снова резко перебила ее:

— Послушайте, Герда, вы должны сказать мне. Кроме кобуры, все в порядке… абсолютно! Ничего

нет такого, что связывало бы вас с этим делом. Я нашла револьвер там, где вы засунули его в заросли у бассейна, и спрятала его в такое место, куда вы не могли бы спрятать… На нем отпечатки пальцев, которые никогда не будут опознаны. Так что осталась только кобура. Я должна знать, что вы с ней сделали.

Генриетта остановилась, отчаянно молясь, чтобы Герда скорее отреагировала. Она и сама не знала, что заставляло ее действовать с такой поспешностью. Хвоста за машиной не было… Это она проверила. Она выехала по лондонской дороге, залила бензин в бак на станции, упомянув, что направляется в Лондон. Потом чуть дальше свернула на проселок, пока не доехала до главной магистрали, ведущей на юг, к побережью.

Герда продолжала пристально смотреть на нее. «Вот несчастье, — подумала Генриетта, — до чего она медлительна!»

— Если кобура еще у вас, Герда, вы должны дать ее мне. Я от нее как-нибудь избавлюсь. Это единственная вещь, которая связывает вас теперь со смертью Джона. Кобура у вас?

После долгой паузы Герда медленно кивнула.

— Разве вы не знали, что хранить ее у себя — просто безумие?! — Генриетта с трудом

сдерживала нетерпение.

— Я забыла об этом. Она наверху, в моей комнате. Когда полицейский пришел на Харли-стрит, я разрезала кобуру надвое и положила в рабочую сумку вместе с другими кусками кожи.

— Это очень разумно, — заметила Генриетта.

— Я не такая тупая, как все думают. — Она прижала руку к горлу: — Джон… Джон… — Голос ее прервался.

— Я знаю, дорогая, знаю…

— Но вы не можете знать, — возразила Герда. — Джон не был…

Она стояла онемевшая и странно трогательная. Наконец она подняла глаза и посмотрела на Генриетту.

— Все было ложью… Все! Все, что я о нем думала! Я видела его лицо, когда он пошел в тот вечер за этой женщиной. Вероника Крэй! Я, конечно, знала, что он любил ее много лет назад, до того как женился на мне, но я думала, что там все кончилось.

— Там действительно все кончилось, — тихо сказала Генриетта.

Герда покачала головой:

— Нет. Она пришла, притворившись, что не встречалась с Джоном много лет, но я видела его

лицо. Он ушел с ней. Я легла в постель. Пыталась читать… Я пыталась читать тот детективный роман, который читал Джон. Он все не возвращался. Наконец я вышла из дома. — Взгляд Герды, казалось, был обращен назад, к той сцене. — Светила луна. Я прошла по дорожке к плавательному бассейну. В павильоне был свет. Они были там… Джон и эта женщина…

Генриетта слабо вскрикнула. Лицо Герды изменилось… ни следа этого вымученного дружелюбия. Оно было неумолимым, безжалостным.

— Я доверяла Джону. Я верила в него, как в Бога. Я думала, он самый благородный человек на свете. Я думала, что он во всем прекрасен и благороден… но это была ложь! Мне ничего не осталось… совсем ничего. Я… я поклонялась Джону!

Генриетта завороженно смотрела на нее. Только что ей открылось то, что рисовало ей ее воображение, то, что она стремилась выразить в дереве. Вот оно — поклонение… слепая преданность, ставшая столь опасной, когда кумир посмел проявить слабость.

— Я не могла этого вынести, — сказала Герда. — Я должна была убить его! Я должна была… Вы понимаете, Генриетта? — Она говорила это

обычным, почти дружеским тоном. — И я знала, что должна быть осторожной, потому что полицейские умны. Но я тоже не так глупа, как все привыкли думать! Если вы очень медлительны и не любите болтать, все думают, что вы ничего не понимаете… А вы исподтишка смеетесь над ними! Я была уверена, что никто ничего не узнает, — я прочитала в этом детективе, что полиция может определить, из какого револьвера был произведен выстрел. Как раз в тот день сэр Генри показал мне, как заряжать револьвер и как стрелять. И я решила, что возьму два револьвера. Из одного убью Джона и спрячу его, а все увидят меня с другим револьвером в руках. Вначале решат, будто его убила я, а потом обнаружится, что стреляли из другого оружия, и я окажусь вне подозрений!

Она торжествующе кивнула головой.

— Но я забыла про эту кожаную штуку. Она лежала в ящике в моей спальне. Как, вы сказали, она называется? Кобура? Но ведь полиция не станет заниматься этим теперь?

— Кто знает, — сказала Генриетта, — вы лучше дайте ее мне, и я унесу. Как только кобуры не будет в ваших руках, вы будете в безопасности.

Генриетта села, почувствовав себя невероятно

уставшей.

— Вы плохо выглядите, — заметила Герда. — Я как раз приготовила чай.

Она вышла из комнаты и вскоре вернулась с подносом. На нем был чайник, молочник и две чашки. Молочник был переполнен, и молоко пролилось. Герда поставила поднос, налила чашку чаю и подала Генриетте.

— О господи… — сказала она расстроенно, — кажется, чайник так и не закипел.

— Это неважно, — сказала Генриетта. — Герда, пойдите и принесите кобуру.

Поколебавшись, Герда вышла из комнаты. Генриетта наклонилась вперед, положила руки на стол и опустила на них голову. Она так устала, так невероятно устала! Но теперь почти все сделано. Герда будет в безопасности, как того хотел Джон.

Генриетта выпрямилась, откинула со лба волосы и придвинула к себе чашку. Услышав какой-то звук у двери, она повернула голову, удивившись, что Герда оказалась быстрой на этот раз. Но это была не Герда. У двери стоял Эркюль Пуаро.

— Входная дверь была открыта, — сказал он, подходя к столу. — И я взял на себя смелость войти.

— Вы? — удивилась Генриетта. — Как вы сюда

попали?

— Когда вы так внезапно покинули «Лощину», я, конечно, знал, куда вы направитесь. Я нанял машину и быстро приехал прямо сюда.

— Понимаю, — Генриетта вздохнула. — Только вы можете…

— Вы не должны пить этот чай, — сказал Пуаро, забирая у нее чашку и ставя ее обратно на поднос. — Нехорошо пить чай, если вода не закипела.

— Разве такая мелочь имеет значение?

— Все имеет значение, — мягко сказал Пуаро.

Послышался шум, и Герда вошла в комнату. В руках у нее была рабочая сумка. Взгляд Герды переходил с Пуаро на Генриетту.

— Боюсь, я весьма подозрительная личность, — поспешно сказала Генриетта. — Герда, оказывается, мосье Пуаро следил за мной. Он считает, что я убила Джона… Но он не может этого доказать.

Она говорила нарочито медленно и осмотрительно. Только бы Герда не выдала себя…

— Мне очень жаль, — рассеянно сказала Герда. — Хотите чаю, мосье Пуаро?

— Нет, благодарю вас, мадам.

Герда села рядом с подносом. Она начала говорить в своей обычной извиняющейся манере:

— Мне так жаль, что никого нет дома. Моя сестра и дети отправились на пикник. Я не очень хорошо себя чувствовала, и они оставили меня дома.

— Я вам сочувствую, мадам.

Герда взяла чашку и выпила.

— Все так беспокойно. Все беспокойно! Видите ли, всегда все устраивал Джон, а теперь Джона нет… — Голос замер. — Теперь Джона нет…

Ее взгляд, жалкий, недоумевающий, поочередно устремлялся на Пуаро и Генриетту.

— Я не знаю, что делать без Джона. Джон заботился обо мне. Теперь его нет, и ничего больше нет. А дети… Они задают вопросы, и я не могу на них ответить. Я не знаю, что сказать Тэрри. Он все время повторяет: «Почему убили отца?» Когда-нибудь он, конечно, узнает почему. Тэрри всегда важно знать. Меня удивляет, что он постоянно спрашивает «почему», а не «кто»!

Герда откинулась на спинку стула. Губы ее посинели.

— Я чувствую себя… не очень хорошо, — с трудом проговорила она. — Если бы Джон… Джон…

Пуаро обошел вокруг стола и, подойдя к Герде, осторожно сбоку подвинул ее на стуле. Голова ее упала на грудь. Пуаро, склонившись, поднял ей

веко. Затем выпрямился.

— Легкая и сравнительно безболезненная смерть.

Генриетта пристально посмотрела на него.

— Сердце? Нет! — Внезапно она поняла: — Что-то в чае. Она сама положила. Она избрала такой путь?

Пуаро слегка покачал головой.

— О нет! Это предназначалось для вас. Это ваша чашка.

— Для меня? — недоверчиво спросила Генриетта. — Но я пыталась помочь ей!

— Это не имеет значения. Вы видели когда-нибудь собаку, попавшую в западню? Она вонзает зубы в любого, кто ее коснется. Миссис Кристоу поняла, что вы узнали ее секрет. Значит, вы тоже должны были умереть.

— И вы, — медленно сказала Генриетта, — когда заставили меня поставить чашку обратно на поднос… Вы имели в виду… вы имели в виду Герду…

Пуаро спокойно прервал ее:

— Нет-нет, мадемуазель. Я не знал, что в вашей чашке был яд. Но я предполагал, что он мог там быть. А когда чашка была на подносе — тут все решала судьба, из какой чашки она станет пить… если вас устраивает такое объяснение. Я бы ска-

зал, что это милосердный конец. Для нее… и для двух невинных детей. Вы очень устали, не правда ли? — мягко спросил он.

Генриетта кивнула.

— Когда вы догадались? — спросила она.

— Трудно сказать. Сцена была разыграна, я чувствовал это с самого начала. Но очень долго не понимал, что она была подготовлена Гердой Кристоу… что ее поза была игрой — ведь она на самом деле играла роль. Я был озадачен простотой и в то же время сложностью… Вскоре я понял, что сражаюсь против вашей изобретательности и что вам подыгрывают ваши родственники, как только они поняли, чего вы добиваетесь. — На некоторое время воцарилось молчание, затем он спросил: — Зачем вам это было нужно?

— Затем, что меня попросил Джон! Он это имел в виду, когда сказал: «Генриетта!» В этом слове заключалось все. Он просил меня защитить Герду. Понимаете, он любил ее. Больше, чем Веронику Крэй… больше, чем меня. Герда принадлежала ему, а Джон любил вещи, которые были его собственностью. Он знал, что только я могу защитить Герду от последствий того, что она натворила. И он знал, что я сделаю все, что он хочет, потому что я любила его.

— И вы сразу начали действовать, — мрачно сказал Пуаро.

— Да, первое, что я могла придумать, — это взять револьвер из рук Герды и уронить его в бассейн, чтобы усложнить опознание отпечатков пальцев. Когда позже я узнала, что Джон был убит из другого револьвера, я стала его искать и, конечно, сразу нашла, потому что знала, куда Герда могла бы его спрятать… Я только на чуть-чуть опередила людей инспектора Грэйнджа. Я положила револьвер в мою большую сумку, — продолжала она после небольшой паузы. — А затем отвезла в Лондон и спрятала в студии. Спрятала так, чтобы полицейские не нашли.

— Глиняный конь… — тихо сказал Пуаро.

— Откуда вы знаете? Да, я положила револьвер в мешочек для губки, обмотала проволокой и облепила глиной. Ведь не станет же полиция уничтожать шедевр художника! А что натолкнуло вас на эту мысль?

— То, что вы выбрали для тайника именно

лошадь. Троянский конь[83] — подсознательная ассоциация в вашем мозгу. Но отпечатки пальцев… Как вы это устроили?

— Слепой старик, который продает спички на улице. Он не знал, какую вещь я попросила его подержать, пока достану деньги.

Пуаро мгновение смотрел на нее.

— C'est formidable![84] — пробормотал он. — Вы, мадемуазель, один из самых достойных противников, с которыми мне приходилось встречаться.

— Это было ужасно утомительно… Все время стараться быть на один ход впереди вас!

— Я знаю. Я начал понимать, как только увидел, что кто-то специально наводит след на всех, на всех, кроме Герды Кристоу. Все уводило от нее. Вы умышленно нарисовали Игдрасиль, чтобы привлечь мое внимание и направить подозрение на себя. Леди Энкейтлл, которая прекрасно знала, что вы делаете, забавлялась, сбивая с толку бед-

---

[83] Сноски: 83

Троянский конь — согласно древнегреческим мифам, огромный деревянный конь, построенный греками по предложению Одиссея во время осады Трои, чтобы проникнуть в неприступный город; троянцы взяли коня в город, а ночью спрятавшиеся внутри коня греки вышли из укрытия, напали на спящих троянцев и после ужасной кровопролитной битвы овладели Троей.

[84] Сноски: 84

Это невероятно! *(фр.)*

ного инспектора Грэйнджа, гоняя его от одного к другому: Дэвид, Эдвард, она сама… Да, есть такой прием, чтобы отвести подозрение от виновного, — намекать на чью-то еще вину, ничего точно не указывая. При этом каждая улика выглядит вначале очень убедительно, но затем ни к чему не ведет.

Генриетта посмотрела на ссутулившуюся фигуру на стуле.

— Бедная Герда!

— Вы ей сочувствовали с самого начала?

— Думаю, что да. Герда ужасно любила Джона… но не хотела любить его таким, каким он был. Она подняла его на пьедестал и наделила прекрасными, благородными качествами. Но когда идола сбрасывают с пьедестала, ему не прощают ничего.

Она помолчала.

— Но Джон значительно лучше всяких идолов, — продолжала она после паузы. — Он был настоящим, полнокровным человеком. Душевный, добрый, энергичный, и он был замечательным доктором… да, замечательным доктором. И вот его нет, и мир потерял незаурядную личность. А я — единственного человека, которого любила…

Пуаро тихонько положил руку ей на плечо.

— Но вы из тех, кто может жить с пронзенным сердцем… кто может продолжать жить и улыбаться…

Генриетта горько усмехнулась.

— Несколько мелодраматично, вам не кажется?

— Это потому, что я иностранец и люблю употреблять красивые слова.

— Вы были очень добры ко мне, — вдруг сказала Генриетта.

— Потому что всегда восхищался вами.

— Мосье Пуаро, что вы собираетесь предпринять? Я имею в виду Герду.

Пуаро придвинул к себе сумку и высыпал содержимое: куски коричневой замши и обрезки цветной кожи. Среди них — три толстых, блестящих коричневых куска. Пуаро сложил их вместе.

— Кобура. Это я возьму с собой. Бедная мадам Кристоу! Непосильное напряжение, смерть мужа была для нее слишком большим ударом… Вскоре станет известно, что она покончила с собой в душевном расстройстве.

— И никто никогда не узнает, что случилось на самом деле? — медленно спросила Генриетта.

— Я думаю, один человек узнает. Сын доктора. Настанет день, когда он явится ко мне, чтобы

узнать правду.

— Но вы не скажете ему! — воскликнула Генриетта.

— Скажу.

— О нет!

— Вам трудно понять. Вы не переносите, когда кому-то причиняют боль. Но для некоторых людей существует нечто еще более невыносимое — не знать правды! Вы слышали, как эта бедная женщина сказала: «Тэрри всегда важно знать…» Для его склада ума истина всегда на первом месте. Правду, какой бы она ни была горькой, можно осмыслить и пережить.

Генриетта поднялась.

— Вы хотите, чтобы я осталась, или мне лучше уйти?

— Я думаю, будет лучше, если вы уйдете.

Она кивнула. Потом сказала скорее себе, чем ему:

— Куда я пойду? Что я буду делать… без Джона?

— Вы ведь не Герда Кристоу. Вы сильный человек и найдете, куда идти и что делать.

— Я так устала, мосье Пуаро, так устала.

— Идите, дитя мое, — мягко сказал Пуаро, — ваше место среди живых. Я побуду здесь с умер-

шей.

Глава 30

Пока она ехала в Лондон, эти два вопроса неотвязно мучили Генриетту: «Что я буду делать? Куда пойду?»

Последние несколько недель она была в страшном нервном напряжении, не разрешала себе расслабиться ни на минуту. Она должна была исполнить последнюю волю Джона. Но теперь все было кончено… Удалось ей выполнить его предсмертную просьбу? Или нет? Можно оценить как угодно. Но в любом случае все кончено, и она чувствует теперь ужасную усталость.

Мысль снова вернула Генриетту к словам, которые она сказала Эдварду той ночью на террасе. Той ночью, когда Джона уже не было на свете, той ночью, когда, прокравшись в павильон, она, чиркнув спичкой, нарисовала на железном столике Игдрасиль. Она должна была действовать, у нее не было пока сил на слезы. «Я хотела бы оплакать Джона», — сказала она Эдварду. Но она не смела расслабиться, боялась поддаться горю.

Теперь она вправе это сделать. Теперь у нее сколько угодно на это времени.

— Джон… Джон… — повторяла она шепотом. На нее навалилось беспросветное отчаяние и боль. — Лучше бы я выпила ту чашку чаю…

Движение машины успокаивало, придавало сил. Скоро она будет в Лондоне. Поставит машину в гараж и войдет в пустую студию. Пустую, потому что Джон никогда больше не будет сидеть там, подтрунивая над ней, сердясь на нее за то, что любит ее больше, чем ему бы этого хотелось, с азартом рассказывая о болезни Риджуэя… о своих удачах и отчаянии, о миссис Крэбтри в больнице Святого Христофора.

Черная пелена, окутавшая ее, вдруг развеялась, и Генриетта вслух произнесла:

— Ну конечно! Вот туда я и пойду. В больницу Святого Христофора.

…Лежа на узкой больничной койке, старая миссис Крэбтри всматривалась в посетительницу слезящимися, мигающими глазами. Она была точно такой, как ее описывал Джон, и Генриетта внезапно почувствовала прилив тепла и бодрости. Это настоящее… то, что останется! Здесь на мгновение она снова обрела Джона.

— Бедный доктор. Ужасно, верно? — говорила миссис Крэбтри, в ее голосе звучало сожаление, но и явный интерес, потому что миссис Крэбтри

любила жизнь, и внезапная смерть, а тем более убийство или смерть младенца — самые яркие краски на ковре, который ткет жизнь. — Как же он дал себя убить! Когда я услыхала, у меня все нутро перевернулось. Я прочитала в газетах… Здешняя сестра дала все, что смогла достать… она уж постаралась! Там были снимки и все подробности. Плавательный бассейн и прочие детали. Как его жена выходит из суда, бедняга, и леди Энкейтлл, ну, в чьей усадьбе этот самый бассейн! Много снимков. Загадочное убийство — верно?

Нездоровое любопытство старухи не вызывало у Генриетты отвращения, даже нравилось, потому что, она была уверена, оно понравилось бы самому Джону. Если выпало ему умереть, он предпочел бы, чтобы старая миссис Крэбтри получила от этого какое-то удовольствие, а не шмыгала носом и лила слезы.

— Чего я хочу, так это чтоб поймали того, кто его укокошил, и повесили, — продолжала мстительно миссис Крэбтри. — Теперь не вешают, как раньше, на народе… а жалко. Мне всегда хотелось посмотреть… и уж я бы поспешила, сами понимаете, посмотреть, как вешают того, кто убил доктора! Настоящий злодей, вот он кто! Господи, да такого доктора поискать! Один на

тысячу. А какой умный! Какой обходительный! Рассмешит, даже если тебе совсем не до смеха. Такое иногда, бывало, отмочит! Я бы для него что хочешь сделала. Это уж точно!

— Да, — сказала Генриетта. — Он был очень умный. И вообще замечательный!

— А как про него говорили в больнице! Все медсестры! И все больные! Каждый верил, что поправится, если он был рядом.

— Вот и вы должны поправиться, — сказала Генриетта.

Маленькие проницательные глаза старухи на секунду потускнели.

— Не очень-то я в это верю, милочка! Теперь у меня этот молодой парень в очках. Совсем не такой, как доктор Кристоу. Никогда не улыбнется. У доктора Кристоу всегда была наготове шутка. Иногда так плохо мне было от этого лечения. «Не могу больше терпеть, доктор», — бывало, говорю ему, а он: «Можете, — говорит, — миссис Крэбтри! Вы крепкая. Выдержите. Мы с вами еще сделаем открытие в медицине — вы и я!» И всегда он так развеселит. Я бы для него все… ну все бы сделала! Надеялся на меня, ну и, значит, нельзя было его подвести, понимаете?

— Понимаю, — сказала Генриетта.

Маленькие быстрые глазки пристально всматривались в нее.

— Извините меня, милочка, вы, случайно, не жена ему?

— Нет, — ответила Генриетта. — Я просто друг.

— Понятно, — сказала миссис Крэбтри.

Генриетта подумала, что ей действительно понятно.

— Вы уж не обижайтесь, только что это вдруг вы пришли к незнакомой-то старухе?

— Доктор много говорил мне о вас… и о своем новом лечении. Я хотела узнать, как вы себя чувствуете.

— Мне хуже… вот так-то, мне хуже.

— Но вам не должно быть хуже! — воскликнула Генриетта. — Вы должны поправиться!

— Уж я-то не хочу выходить из игры, и не думайте!

— Ну так боритесь! Доктор говорил, что вы настоящий боец!

— Правда! — Миссис Крэбтри минуту лежала молча, потом медленно сказала: — Кто его убил… это же злодейство! Таких, как доктор, нечасто встретишь!

«Таких, как он, мы не увидим боле…»[85] — мелькнуло в голове Генриетты. Миссис Крэбтри проницательно смотрела на нее.

— Не вешайте носа, голубушка, — сказала она и, помолчав, спросила: — Похороны хоть у него были хорошие?

— Очень хорошие, — сказала, желая ей угодить, Генриетта.

— Эх! Хотела бы я поглядеть! — вздохнула миссис Крэбтри. — Скоро отправлюсь на свои собственные похороны…

— Нет! — закричала Генриетта. — Вы не должны сдаваться! Вы же сами только что сказали, что говорил вам доктор, — вместе, он и вы, сделаете открытие в медицине. Ну что ж, теперь вы должны продолжать одна за двоих. Лечение ведь то же самое. У вас должно хватить силы, и вы сделаете это открытие — ради него.

Миссис Крэбтри минуту-другую смотрела на нее.

— Уж очень важно сказано! Постараюсь, голубушка. Больше ничего не могу сказать.

Генриетта встала и взяла ее руку в свою.

— До свидания. Если можно, я зайду навестить

---

[85] Сноски: 85
Цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» (акт I, сц. 2).

вас.

— Заходите. Поговорить немного про доктора — это мне только на пользу. — Озорной огонек сверкнул опять в глазах миссис Крэбтри. — Молодец доктор Кристоу, во всем молодец!

— Да, — сказала Генриетта. — Был.

— Не отчаивайся, голубушка, — сказала старуха. — Что ушло, то ушло. Его не вернешь.

«Миссис Крэбтри и Эркюль Пуаро высказали одну и ту же истину, — подумала Генриетта, — только разными словами».

Она вернулась в Челси, поставила машину в гараж и медленно вошла в студию.

«Вот теперь, — подумала она, — настал момент, которого я так боялась… Я одна. И мое горе со мной».

Как она тогда сказала Эдварду? «Я хотела бы оплакать Джона».

Она опустилась на стул, откинула назад волосы.

Одна… опустошенная… лишившаяся всего… Эта ужасная пустота! Слезы набежали на глаза, медленно потекли по щекам.

«Вот я его и оплакиваю, — подумала она. — Вот я и скорблю…»

О Джон… Джон… И в хаосе воспоминаний…

Вдруг его голос, полный боли: «Умри я, первое, что ты сделаешь, — со слезами, льющимися по щекам, начнешь лепить какую-нибудь чертовщину, вроде скорбящей женщины или символ горя…»

Она тревожно шевельнулась. Почему вспомнилось именно это?

Скорбь, скорбь… скрытая покрывалом фигура, очертания едва просматриваются, алебастр…

Она видела очертания. Высокая, удлиненная фигура, печаль скрыта, она видна лишь в длинных скорбных складках покрывала… Скорбь, проступающая сквозь чистый светлый алебастр.

«Умри я…»

Внезапно горечь нахлынула на нее.

— Джон был прав. Я не могу любить. Я не могу отдаться горю всем своим существом. Мидж! Люди, подобные Мидж, они — соль земли. Мидж и Эдвард в Эйнсвике. Это реальность, сила, теплота.

«А я, — думала она, — неполноценный человек. Я принадлежу не себе, а чему-то вне меня. Я не могу даже оплакать мертвого. Вместо этого я должна превратить мою скорбь в скульптуру из алебастра»: *«Экспонат № 58. «Скорбь». Алебастр. Мисс Генриетта Сэвернейк».*

— Джон, прости меня, — прошептала она. —

Прости меня… я не могу иначе.